Международный издательский центр
ЭТНОСОЦИУМ

Этносоциум
и межнациональная культура

№ 11 (173)

Решением Президиума ВАК Министерства образования и науки России журнал «Этносоциум и межнациональная культура» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Этносоциум (многонациональное общество)
Миссия журнала – поддержка и развитие культуры и этики научных исследований в сфере политики, политологии, экономики регионов и международного права, в том числе посредством распространения знаний в области разработки стратегий инновационного развития, а также создание профессионального форума обсуждения тенденций и политики в сфере науки, технологий и инноваций.

Издание входит в Перечень ВАК, РИНЦ и НЭБ

Москва
Этносоциум 2022

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Зорин В.Ю., Каменских М.С.
Важнейшее событие уходящего года:
конференция к 10-летию Совета при Президенте
Российской Федерации по межнациональным отношениям.....9

Винокуров Н.В. Социальные медиа
в процессах политической социализации молодежи.....15

Муталимов А.Э. Российский патриотизм – крепкое
переплетение этических и этнонациональных ценностей ее граждан...25

ЭКОНОМИКА

Трофимова Н.Н. Связь экономики знаний
и инновационного развития национальной экономики.....34

Трофимова Н.Н. Ключевые подходы
к управлению талантами в современных условиях
всеобщей глобализации и усложнения бизнес-процессов.....40

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Маслова Г.О., Маслов С.А., Пономаренко Б.Т.
Особенности профессионального выгорания
у врачебного персонала медицинских организаций.....48

Подольский В.А. Доверие к институтам
как фактор политических процессов
в новых демократиях на примере постсоветской России.....56

Демидова Е.Н. Некоторые аспекты
идеологии современной России.....63

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Косырева М.С., Табареков Д.М.
Радикализм, экстремизм и терроризм в рецепции глобальных медиа...70

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Гу Ли Драматические лингвистические особенности рассказов Б. Юльского.....78
Тамби С.А. Евроскептицизм в фокусе эстонской прессы.....84
Хэ Чжиюн К вопросу об образовательной модели обучения китайскому языку в условиях цифровизации.....114

ДИСКУССИОННЫЙ ФОРУМ

Мальцев К.Г., Алавердян А.Л.
«Двусмысленные идентичности»: к вопросу об истолковании «двусмысленности» современного дискурса нации...121

Аннотации.....148
Авторы.....159
Требования к материалам, представляемым в международное издательство «Этносоциум».....163

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Рябова Е.Л., доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ВЕДУЩИЕ РОССИЙСКИЕ УЧЕНЫЕ

Озеров В.А., кандидат юридических наук, Член Совета Федерации РФ — представитель от Законодательной думы Хабаровского края.

Зорин В.Ю., доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлов В.А., доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политического анализа и управления Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации.

Болтенкова Л.Ф., доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Михайлова Н.В., профессор кафедры политического анализа и управления РУДН, доктор политических наук.

Михайленко А.Н., профессор кафедры международной безопасности и внешнеполитической деятельности России Факультета национальной безопасности Института права и национальной безопасности Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор.

Терновая Л.О., доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и управления МАДИ (Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет).

Стаськов Н.В., доктор политических наук, Генерал-лейтенант военно-политический эксперт.

Летуновский П.В., доктор политических наук, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гуманитарных и социально-кономических дисциплин Военной академии войсковой ПВО Вооруженных Сил РФ имени маршала Советского Союза А.М. Василевского.

Игнатов И.С., кандидат политических наук, старший советник юстиции.

Нечипоренко В.С., доктор исторических наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Пономаренко Б.Т., доктор исторических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Иларионова Т.С., доктор философских наук, профессор Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, генеральный директор Института энергии знаний.

Данакин Н.С., доктор социологических наук, профессор Белгородского государственного технологического университета.

Никонов А.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный советник РФ 1 класса, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Бормотова Т.М., доктор социологических наук, Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, главный научный сотрудник научно-исследовательского центра №1.

Юдин В.И., доктор политических наук, международный эксперт.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СОСТАВ

Дон Ансельмо Сантос, доктор политических наук, профессор, г. Мадрид.

Бирюков С.В., доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Солонин К.Ю., доктор философских наук, Профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Профессор Института китайской классики Народного университета Китая. Пекин.

Маурицио Негри, президент Союза фольклористов Италии, член Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО).

Хорхе Марти Мартинес, Чрезвычайный Полномочный Посол.

Грэм Стоуэрс, политолог, эксперт, Великобритания.

Гюльзар Ибрагимова, доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Хикмет Кораш, профессор Университета Нигде Омер Халисдемир. Турецкая Республика.

CHIEF EDITOR

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Social Sciences, Professor.

EDITORIAL BOARD

LEADING RUSSIAN SCIENTISTS

Ozerov V.A., Candidate of Legal Sciences, Representative public authority of the Khabarovsk region.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailov V.A., Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored worker of science of Russia, head of the Department of political analysis and management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Council for Interethnic Relations of the President of the Russian Federation.

Boltenkova L.F., Doctor of Legal Sciences, Professor, State Advisor of the 1st class.

Mihailova N.V., Professor of the Political Analysis and Management PFUR, Doctor of Political Sciences.

Mikhaylenko A.N., Professor of International security and Russian foreign policy chair at the Department of national security, Institute of law and national security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Political Sciences, Professor.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor MADI (The Moscow Automobile and Road Construction University).

Staskov N.V., Doctor of Political Sciences, military and political expert, Lieutenant-General.

Letunovsky P.V., Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, head of the department of Humanitarian, Social and Economic Disciplines of the Russian Federation Armed Forces Army Air Defense Military Academy named after the Marshal of the Soviet Union A.M. Vassilevsky.

Ignatov I.S., Candidate of Political Sciences, senior advisor of justice.

Nechiporenko V.S., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ponomarenko B.T., Honoured worker of higher education, Professor of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Ilarionova T.S., Doctor of Philosophical Sciences, Professor of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, General Director of the Institute of energy of knowledge.

Danakin N.S., Doctor of Sociological Sciences, Professor of The Belgorod State Technological University.

Nikonov A.V., Doctor of Historical Sciences, Professor, State Councellor of the 1st class, the Lomonosov Moscow State University.

Bormotova T.M., Doctor of Sociology, All-Russian Scientific Research Institute of the Russian Interior Ministry, Chief Researcher at the Research Center №1.

Yudin V.I., Doctor of Political Sciences, international expert.

INTERNATIONAL COMPOSITION

Don Anselmo Santos, Doctor of Political Sciences, Professor, Madrid.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Solonin K.Y., Doctor of Philosophy, Professor of St. Petersburg State University, Professor of the Institute of Chinese classics, Chinese People's University. Beijing.

Maurizio Negri, President of the Union of folklorists of Italy, Member of the United Nations Educational Scientific and Cultural Organization (UNESCO).

Horhe Marti Martinez, Ambassador. Extraordinary and Plenipotentiary Ambassador.

Graeme Stowers, Political scientist, expert, UK.

Gulzar Ibrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Turkiye Cumhuriyeti.

Hikmet Koras, Professor of the Omer Khalisdemir University. Turkiye Cumhuriyeti.

СОВЕТ ПО МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫМ ОТНОШЕНИЯМ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

Дискуссионный форум

Национальная политика в РФ: перспективы оптимизации (приглашаем к обсуждению)

В грядущем декабре исполняется десять лет осуществления «Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года». Редакция журнала решила открыть рубрику «Дискуссионный форум. Приглашаем к обсуждению». Полагаем, что первая тема «Национальная политика в РФ: перспективы оптимизации», с одной стороны, позволяет читателям нашего журнала высказать суждения по реализации нынешней Стратегии, а, с другой, - внести предложения для разработки и принятия будущей Стратегии.

Успешность рубрики в значительной мере обусловлена активностью читателей нашего журнала. Их мнения редакция журнала с благодарностью будут принимать, а после соответствующего рецензирования – публиковать в рубрике «Дискуссионный форум».

Зорин В.Ю.

Доктор политических наук, профессор,
член Совета по межнациональным отношениям
при Президенте Российской Федерации,
член Общественной палаты РФ,
главный научный сотрудник Центра
по научному взаимодействию с общественными организациями,
СМИ и органами государственной власти ИЭА
имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Каменских М.С.

Старший научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН
(Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения Российской академии наук);
эксперт – помощник председателя комиссии Общественной палаты РФ
по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений.

Важнейшее событие уходящего года: конференция к 10-летию Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям

В Москве 16-17 ноября 2022 года прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие». приуроченная к 10-летию деятельности Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям и реализации Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. В работе конференции в очно-заочном формате приняло участие более 12,5 тысяч человек, было заслушано более 250 докладов. Среди организаторов мероприятия – Администрация Президента Российской Федерации, Совета Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания РФ, Министерство науки и высшего образования РФ, Министерство культуры РФ, Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН), Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) и др. В рамках конференции была организована работа восьми тема-

тических секций, на площадках которых ведущие ученые, эксперты и практики обсудили текущее развитие межнациональных отношений, реализацию Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Итоги работы конференции были подведены 17 ноября в рамках пленарного заседания[1].

Одной из ключевых стала секция «Взаимодействие государства и общества: институты гражданского общества, национальные и молодежные объединения в сфере реализации государственной национальной политики» была организована 16 ноября с.г. в Общественной палате РФ[2].

Мероприятие было приурочено к важному событию – 10-летию с момента создания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Оглядываясь на 10 лет назад, нельзя не отметить, что за это время государству удалось полноценно вернуться в сферу этнополитики и достичь важного паритета в регулировании межнациональных отношений внутри страны. Нельзя не отметить и сложившуюся инфраструктуру общественно-государственного партнерства в сфере межконфессиональных отношений. Сегодня в большинстве субъектов РФ созданы общественные советы по регулированию межнациональных отношений. Во всех 85 субъектах созданы региональные общественные палаты, в 52 из них имеются профильные комиссии, занимающиеся межнациональными, межконфессиональными отношениями, вопросами миграции. В семи субъектах имеется профильные рабочие группы[3]. Позже, в 2015 году было создано Федеральное агентство по делам национальностей в составе Правительства Российской Федерации. На ФАДН возложили вопросы реализации государственной национальной политики в нашей стране. На региональном и муниципальном уровнях были определены конкретные должностные лица, которые отвечают за сферу межнациональных отношений, взаимодействие с национально-культурными объединениями[4].

Отметим, что важную деятельность проводят дома национальностей,

1 «Россия: единство и многообразие»: в Москве подвели итоги 10-летия реализации государственной национальной политики [Электронный ресурс]: Министерство науки и высшего образования РФ. // URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/61156/ (Дата обращения: 20.11.2022).

2 «Россия: единство и многообразие»: в Москве подвели итоги 10-летия реализации государственной национальной политики [Электронный ресурс]: Министерство науки и высшего образования РФ. // URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/61156/ (Дата обращения: 20.11.2022).

3 Информация предоставлена Общественной палатой РФ.

4 Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» от 22.10.2013 N 284-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153536/ (Дата обращения: 20.12.2020).

а также недавно созданный Дом народов Российской Федерации. Кроме того, данной работой занимаются различные дома дружбы, этнодеревни, этнокультурные центры, библиотеки с этнокультурной составляющей. Последние данные социологии, показывают, что 91% населения осознают российскую гражданскую идентичность, принадлежность к России, к её народу, сопричастность тем процессам и ответственность за те процессы, которые идут в нашей стране[5]. Важным шагом в обеспечении полноценного государственно-общественного партнерства в сфере межнациональных отношений стало создание Ассамблеи народов России как общероссийской общественно-государственной организации[6].

Опыт Общественной палаты Российской Федерации как площадки для коммуникации представителей традиционных конфессий и национально-культурных общественных объединений Российской Федерации уникален. Профильной комиссией активно проводятся круглые столы по вопросам государственно-религиозных отношений, а также профильные международные конференции. В период работы над поправками в Конституцию РФ по предложению Общественной палаты[7], в Конституции РФ закреплено полномочие Правительства по осуществлению мер по поддержке институтов гражданского общества, в том числе НКО, и обеспечению их участия в выработке и проведении государственной политики. Созданная в 2020 году комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений ОПРФ призвана обеспечить эту работу в ближайшие годы[8].

Эти и многие другие важные итоги работы органов власти, общественности и экспертного сообщества были подведены в докладах участников конференции.

Среди докладчиков были как представители экспертного сообщества, так и представители органов власти и различных общественных объединений. В рамках секции заслушан 21 доклад по разнообразной тематике, связанной с механизмами взаимодействия общества и государства в сфе-

5 Встреча с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Бариновым [Электронный ресурс]: Президент РФ. // URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/64196(Дата обращения: 20.11.2022).

6 Указ о создании Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России» [Электронный ресурс]: Президент РФ. // URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/64412 (Дата обращения: 20.11.2022).

7 По итогам общественного обсуждения проекта Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации № 885214-7 «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти».

8 Комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений [Электронный ресурс]: Общественная палата Российской Федерации. // URL: https://www.oprf.ru/about/structure/comissions/comissions2020/1456 (Дата обращения: 20.12.2020).

ре реализации государственной национальной политики. Из зала было задано свыше 60 вопросов, от докладчиков в адрес оргкомитета секции поступило 49 предложений. Помимо докладов прозвучало пять выступлений из зала. Стоит отметить, что на секции состоялся очень интересный и содержательный разговор по вопросу повышения роли институтов гражданского общества в жизни нашей страны. Участников секции приветствовал заместитель Секретаря ОП РФ Владислав Гриб. Затем он выступил с первым сообщением, в котором рассказал о роли Общественных Советов при федеральных и региональных органах власти в выработке и реализации государственной национальной политики. «Очень важные задачи - это участие в общественном контроле за деятельностью федеральных органов исполнительной власти, выдвижение и поддержка общественных и гражданских инициатив. Конечно, нам нужна глубокая экспертная составляющая в виде общественной экспертизы. И это задача общественных советов. Выдвижение и поддержка общественных и гражданских инициатив. Важно, чтобы сами советы инициировали те приоритеты, по которым ведомство может оказать поддержку. То есть это мог быть и грант, и конференции, и аналитические записки», - подчеркнул в своем выступлении В. Гриб[9].

Первый заместитель Председателя Правительства Пензенской области Олег Ягов рассказал о взаимодействии с институтами гражданского общества в укреплении гражданского единства российской нации и воспитании патриотизма. С докладом о роли институтов гражданского общества в реализации государственной национальной политики выступила председатель Ассоциации народов России Светлана Смирнова. В своем сообщении она представила текущую актуальную ситуацию с развитием некоммерческого сектора в сфере межнациональных отношений. Экспертом Майей Аствацатуровой, отмечено, что «упрочение межэтнических отношений и гражданского единства имеет особый смысл в условиях обострения международной ситуации, инфраструктурного кризиса прежней геополитической архитектуры, усиления экономических санкций и политического давления на России»[10]. Мнение общественных организаций на секции в полной мере выразил председатель ФНКА белорусов России Сергей Кандыбович.

9 Секция 3. Взаимодействие государства и общества: институты гражданского общества, национальные и молодёжные объединения в сфере реализации государственной национальной политики. Трансляция [Электронный ресурс]: Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие». // URL: https://xn-----8kcdcidhhtecf5ckfmfba7bjx.xn--p1ai/program/sekcija-3-vzaimodejstvie-gosudarstva-i-obschestva-instituty-grazhdanskogo/ (Дата обращения: 13.12.2022).

10 Там же.

«Национально-культурные автономии в России сегодня – это реальный действующий резерв межнационального мира и стабильности, - отметил, он в своем выступлении. – Представители общественных организаций, напрямую взаимодействуя как с государственными структурами Российской Федерации, так и с представителями материнских государств, вносят конкретный, осязаемый, деятельный и конструктивный вклад в реализацию Стратегии государственной национальной политики РФ»[11].

В целом, выступавшие были единодушны во мнении, что за 10 лет со дня принятия Стратегии государственной национальной политики в стране была создана устойчивая модель взаимодействия государства, экспертного сообщества и некоммерческого сектора. Этот симбиоз стал инновационной, во многом уникальной моделью общественно-государственного партнерства. И эта модель доказала свою эффективность в условиях геополитической турбулентности, усиления санкционного давления и фэйковых информационных атак, особенно на сознание молодёжи и межнациональное согласие в нашей стране. Вопреки деструктивным действиям коллективного Запада в стране возросло единства народов России перед лицом внешней угрозы. На секции было немало предложений по доработке текстов доктринальных документов. С.К. Смирнова предложила включить в Стратегию государственной национальной политики РФ положение о поддержке деятельности Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России», так как организация должна стать главенствующей среди институтов гражданского общества в этом секторе. Также ею отмечена необходимость поддержки межнациональных общественных объединений, с целью нивелировать существующий перекос в сторону поддержки моноэтнических объединений[12]. Участниками были озвучены предложения о создании Ресурсного центра для НКО, усилении работы с молодежью и обеспечение ротации кадров в некоммерческом секторе, об осмыслении и доктринальном воплощении идеи российской идентичности и др.

Во многом, высказанные на секции мысли и идеи отражают палитру мнений экспертного сообщества, институтов гражданского общества и органов власти современной России. В свете рассмотрения вопроса о возможности дополнения текущей редакции Стратегии государствен-

11 Секция 3. Взаимодействие государства и общества: институты гражданского общества, национальные и молодёжные объединения в сфере реализации государственной национальной политики. Трансляция [Электронный ресурс]: Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие». // URL: https://xn-----8kcdcidhhtecf5ckfmfba7bjx.xn--p1ai/program/sekcija-3-vzaimodejstvie-gosudarstva-i-obschestva-instituty-grazhdanskogo/ (Дата обращения: 13.12.2022).

12 Там же.

ной национальной политики состоявшееся обсуждение представляется весьма важным и своевременным.

По итогам работы секции все предложения участников были систематизированы и направлены в организационный комитет конференции для дальнейшей работы.

Авторский коллектив выражает слова благодарности коллективу ответственных сотрудников Министерства образования и науки РФ, занимавшихся организацией рабочей части конференции.

Список литературы:

1. «Россия: единство и многообразие»: в Москве подвели итоги 10-летия реализации государственной национальной политики [Электронный ресурс]: Министерство науки и высшего образования РФ. // URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/61156/ (Дата обращения: 20.11.2022).
2. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений» от 22.10.2013 N 284-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153536/ (Дата обращения: 20.12.2020).
3. Встреча с руководителем Федерального агентства по делам национальностей Игорем Бариновым [Электронный ресурс]: Президент РФ. // URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/64196(Дата обращения: 20.11.2022).
4. Указ о создании Общероссийской общественно-государственной организации «Ассамблея народов России» [Электронный ресурс]: Президент РФ. // URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/64412 (Дата обращения: 20.11.2022).
5. Комиссия по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений [Электронный ресурс]: Общественная палата Российской Федерации. // URL: https://www.oprf.ru/about/structure/comissions/comissions2020/1456 (Дата обращения: 20.12.2020).
6. Секция 3. Взаимодействие государства и общества: институты гражданского общества, национальные и молодёжные объединения в сфере реализации государственной национальной политики. Трансляция [Электронный ресурс]: Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие». // URL: https://xn-----8kcdcidhhtecf5ckfmfba7bjx.xn--p1ai/program/sekcija-3-vzaimodejstvie-gosudarstva-i-

Bibliography

1. “Russia: unity and diversity”: the results of the 10th anniversary of the implementation of the state national policy were summed up in Moscow: Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. // URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/61156/ (11.20.2022).
2. Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Part of Determining the Powers and Responsibilities of State Authorities of the Subjects of the Russian Federation, Local Self-Government Bodies and Their Officials in the Sphere of Interethnic Relations” of October 22, 2013 N 284-FZ (last edition): ConsultantPlus. // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153536/ (12.20.2020).
3. Meeting with the head of the Federal Agency for Nationalities Affairs Igor Barinov: President of the Russian Federation. // URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/64196 (11.20.2022).
4. Decree on the creation of the All-Russian public-state organization “Assembly of the Peoples of Russia”: President of the Russian Federation. // URL: http://www.kremlin.ru/catalog/keywords/26/events/64412 (11.20.2022).
5. Commission for the harmonization of interethnic and interreligious relations [Electronic resource]: Public Chamber of the Russian Federation. // URL: https://www.oprf.ru/about/structure/commissions/commissions2020/1456 (20.12.2020).
6. Section 3. Interaction between the state and society: civil society institutions, national and youth associations in the field of implementation of the state national policy. Broadcast: All-Russian scientific-practical conference “Russia: unity and diversity”. // URL: https://xn-----8kcdcidhhtecf5ckfmfba7bjx.xn--p1ai/program/sekcija-3-vzaimodejstvie-gosudarstva-i-

Винокуров Н.В.

Аспирант кафедры политологии и политического управления,
ИОН Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.

Социальные медиа в процессах политической социализации молодежи

Наиболее полное, по нашему мнению, определение политической социализации дал американский исследователь Г. Хаймен, которое звучит так: «процесс, с помощью которого люди приобретают модели ориентации в политических вопросах и формируют свое отношение к ним»[1].

Поскольку социализация относится к сознательному и бессознательному приобретению знаний и навыков, взглядов и ценностей, этот термин чрезвычайно сложен и его следует понимать в связке с политической культурой и образованием.

В более узком смысле политическая социализация ставит вопрос о том, как приобретаются и развиваются модели ориентации, содержание и результаты этого процесса можно рассматривать и в более широком смысле. Понятие политической социализации относится к развитию личных характеристик и соответствующих факторов в отношении людей как политических субъектов.

Мы полагаем, что политическая социализация предполагает с одной стороны, самостоятельный поиск знаний о политических событиях в прошлом и настоящем, а с другой стороны, семейную передачу политических предпочтений и поведения, и, прежде всего, в вопросе выборов.

Молодежь – особая социальная группа, и интерес к изучению ее особенностей растет с каждым годом. Привлечение молодежи к деятельности является необходимостью выживания во многих сферах общества, как для профсоюзов, так и для экономики, как для церквей, так и для политики. Знание о том, что молодые люди не существуют как однородная группа, не мешает массово привлекать подростков в организации, даже несмотря на то, что их интересы могут не совпадать с групповыми.

Средства массовой информации играют важную роль в этом социальном процессе. Они рассматриваются как важный фактор влияния, ко-

1 *Hyman H.* The psychology of status / H. Hyman. - New Jersey: Columbia University, 1942.

торый может служить как собственным интересам, так и быть помехой в зависимости от того, к каким предложениям СМИ обращается молодежь. Предположение о функции средств массовой информации, формирующей мнения и действия, является общим и бесспорным. С одной стороны, эта функция используется специально для воздействия на молодежь. Это очевидно в сфере коммерции, а также в различной степени в других социальных сегментах[2].

Основываясь на исследованиях политических психологов, «годы ранней юности, от двенадцати до шестнадцати лет являются решающими годами для политического мышления»[3]. С другой стороны, влияние средств массовой информации также вызывает опасения и всегда озвучивается, и обсуждается в публичном дискурсе, когда устанавливаются — в основном монокаузальные — связи между девиантным поведением молодых людей и средствами массовой информации. В последние годы это в основном было построено на связи между убийствами, совершенными молодыми людьми и использованием ими жестоких компьютерных игр[4].

В политологическом дискурсе средства массовой информации неоднократно выступают в качестве важного фактора, влияющего на социализацию детей и молодежи. Особенно в сфере политики социальные медиа представляют собой очень важный источник информации о политических событиях. Эта функция передачи информации определяется медиаконтентом, который отобран, прокомментирован и отправлен в исправленном виде. Таким образом, помимо «чистой» информации также транслируются общественные ценности и нормы, которые доводятся до молодежи в специфичной, легко усвояемой форме.

Интернет крайне популярен среди российской молодежи, особенно ее подростковой группе. Так по данным ВЦИОМ 98% процентов пользуются интернетом ежедневно, а 89% заходят в социальные сети каждый день[5].

Основным источником информации о политике для молодежи, согласно исследованию российского социолога Д.Е. Добринской, являются

2 *Бодрунова С.С.* Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник СПбГУ Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 3. С. 203-215.

3 *Adelson J.* Handbook of Adolescent Psychology, 1st ed. John Wiley and Sons, New York, NY. 2012.

4 *Вартанова Е.В., Засурский Я.Н.* Медиаобразование как средство формирования информационной безопасности молодежи // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, М.Л. Матвеевой, А.И. Подольского. М.: 2002. С. 7-18.

5 ВЦИОМ. Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности? // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podrostok-v-soczialnoj-seti-norma-zhizni-ili-signal-opasnosti- (Дата обращения: 11.10.2022).

интернет-средства массовой информации. Более того, за последние десятилетия интерес молодежи к политической информации вырос[6].

Вывод, который кажется почти тривиальным, заключается в том, что молодые люди, которые больше используют СМИ также и приобретают больше политических знаний. Именно эти знания о политике воспринимаются молодыми людьми как важная часть политической и гражданской ориентации, поскольку установки в немалой степени основаны на знаниях, которые они получили самостоятельно.

Кроме того, Интернет играет положительную роль в политическом участии. Если посмотреть на традиционные политические организации, такие как партии и общественные организации, порог входа к ним довольно высок.

С одной стороны, подростки не во всех случаях воспринимаются всерьез как равные партнеры по обсуждению или воспринимаются негативно, а если молодежь и представлена, то ее представители полностью разделяют интересы организации и зачастую не сопротивляются «генеральной линии» объединения.

С другой стороны, организованные формы политического участия воспринимаются многими молодыми людьми негативно, поскольку они считают их несовременными, не отвечающими запросу времени.

Формы участия в Интернете являются низкопороговыми — любой желающий может присоединиться к интернет-форумам, открыть блог и т.д. Обмен идеями и мнениями происходит на равных, независимо от пола, возраста, расы и социального статуса. Такое участие в политической дискуссии в публичном пространстве поддерживают теоретики исследований политической социализации как чрезвычайно важные для дальнейшего участия в традиционных политических процессах[7].

Таким образом, СМИ можно рассматривать как ключевой источник политической социализации для молодежи. Выбрав и обработав первичную информацию, они передают оценки и отношения к событиям. Результат социализации, однако, как мы считаем, в решающей степени зависит от последующего общения с членами семьи, под влиянием друзей и других партнеров по социальному взаимодействию.

Средства массовой информации играют важнейшую роль в нашей жизни и требуют пристального внимания. Они предлагают ориентацию

6 *Добринская Д.Е.* Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21-38.

7 *Youniss J., Bales S., Christmas-Best V., Diversi M., McLaughlin M. & Silbereisen R.* Youth civic engagement in the twenty-first century. Journal of Research on Adolescence, 2002. № 12 (1). P. 121-148.

для действий и нить для интеграции личности в общество, но они также имеют незаменимую задачу в функционирующей демократии. Являясь так называемой «четвертой властью», СМИ выполняют информационную функцию, формирующую общественное мнение, также и контрольную функцию и предоставляют информацию по всем вопросам общества. Таким образом, СМИ берут на себя роль посредников в процессе политической коммуникации[8].

Но в последние годы произошли некоторые устойчивые сдвиги в использовании медиа-контента с учетом демографических различий. Молодые люди все чаще не прибегают к традиционным медиа, таким как газеты, журналы или радиостанции, а используют новые формы медиа, в частности социальные медиа для общения, а также для получения информации.

В результате на политические дискурсы и решения, в частности, влияют не только традиционные СМИ. Социальные сети играют все более важную роль в формировании общественного мнения. Недавние события, такие как избрание президента США Дональда Трампа, референдум по Brexit в Великобритании или общий рост русофобии в Европе на фоне проведения специальной военной операции Российской Федерации в Украине, поднимают вопрос о том, какую роль играют «социальные сети» в формировании общественного мнения. Такие платформы, как Facebook, Instagram (*социальные сети принадлежат Meta Platforms, Inc., которая признана в России экстремистской организацией, их деятельность в России запрещена*) могут быть нацелены на определенные целевые группы, предлагать платформу для политических кампаний и, таким образом, иметь огромное влияние на исход выборов, что подкрепляется такими изобретениями, как смартфон в качестве постоянного спутника людей.

Социальные сети, в частности Facebook (*социальная сеть принадлежит Meta Platforms, Inc., которая признана в России экстремистской организацией, ее деятельность в России запрещена*) и Twitter, называются так называемыми медийными посредниками. Согласно определению, медиа-посредники характеризуются тем, что делают доступным сторонний контент посредством его агрегации, отбора и представления. Для этого они используют самостоятельно выбранные алгоритмические механизмы. Это означает, что контент не создается сам по себе, как в обыч-

8 *Самсонова Т.Н., Наумова Е.С.* Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4.

ных медиа, а выполняет посредническую функцию между цифровым контентом и пользователем.

Благодаря использованию алгоритмов, которые работают в фоновом режиме на упомянутых выше платформах, информация отбирается на основе различных критериев, и пользователям предоставляется информация, адаптированная к «их потребностям», что ставит вопрос о разнообразии мнений в нашей демократии, можно ли таким образом сохранить нейтральность и прозрачность.

Несмотря на то, что социальные медиа, как мы выяснили, могут представлять определенный риск, важно понимать преимущества предоставления молодежи рекомендаций, необходимых для получения максимальной положительной отдачи от использования социальных сетей. Грамотное использование социальных медиа может сформировать гармонично развитую личность, обладающую необходимым набором политических знаний, полученных оттуда. Ниже приведен список преимуществ социальных медиа с точки зрения эффективной социализации индивида:

1. Совместное обучение, расширение связей и понимания мира

Подростки могут изучать и ценить различные точки зрения и мировоззрения, чтобы лучше понимать окружающую их социально-политическую реальность и расширять свои знания по целому ряду тем. С таким количеством идей, которыми обмениваются на разных платформах, они могут находить области интересов и использовать их в образовательных целях.

2. Цифровая грамотность, развитие коммуникативных и технических навыков

Поскольку социальные сети стали частью повседневной жизни, детям и молодым людям важно научиться общаться в Интернете, чтобы подготовить их к будущим возможностям на рабочем месте и поддержать их в общении с друзьями и семьей. Кроме того, основным трендом современных политических процессов является цифровая трансформация, и знание основных особенностей этого процесса даст возможность индивиду быть подготовленным к участию в политике нового, цифрового типа.

3. Психическое здоровье и благополучие

Социальные медиа стирают границы для совместной коммуникации людей, а также налаживания связей через границы. Для молодых людей с ограниченными возможностями здоровья или нестабильным психоэмоциальным состоянием эти инструменты дают возможность

высказать свое мнение по политическим вопросам, привлечь к себе сторонников и общаться с другими членами своего сообщества. Это может быть отличным способом наладить связь с другими единомышленниками и интересами.

4. Место, где можно найти поддержку

Это может дать возможность предложить поддержку друзьям и членам семьи, которые могут столкнуться с конкретной проблемой. С другой стороны, для некоторых молодых людей это может быть место, куда они могут обратиться за помощью, если они переживают что-то, о чем они не могут рассказать своим близким.

5. Агитация за общественное благо

Социальные сети могут помочь молодым людям повысить осведомленность о важнейших политических событиях или, например, оказать реальное влияние на изменения в своем районе, городе, стране.

Однако не все ученые разделяют точку зрения о безусловном благе социальных медиа в процессе политической социализации молодежи. Доктор политических наук Ян Остойский из Польши полагает, что роль СМИ в процессе политической социализации раскрывается через:

1. Предоставление образцов поведения;

Представление детям через средства массовой информации различных моделей поведения, вызывающих у них желание подражать.

2. Придание эмоционального значения сообщениям;

Подражание является сильным механизмом развития, важным в процессе развития личности и само по себе доставляет детям положительное удовлетворение. Нередко таким образом происходит отождествление, являющееся следствием социальных воздействий, вызванных стремлением индивида быть похожим на человека, от которого исходит воздействие. Как следствие, это может привести к интернализации, т.е. принятию и внедрению реципиентами системы ценностей «медиамоделей». В средствах массовой информации много людей-моделей с агрессивными чертами, чье агрессивное поведение заставляет реципиента подражать, осваивать новые способы агрессивного поведения и усваивать (интернализовать) антисоциальные системы ценностей. Как следствие, это часто побуждает его к совершению преступных действий. Чем сильнее будет подражание, тем агрессивнее модель будет вознаграждена или не наказана за свои действия.

3. Подготовка к реальной жизни;

Убеждение в том, что определенные модели поведения являются ре-

альными, связано со значительной возможностью их появления в повседневном поведении индивида. Исследования также показали, что просмотр жестоких программ снижает количество игр, в которых используются воображение и творческие способности ребенка.

4. Ситуационные провокации.

Придание смыслов заключается в связывании тех или иных эмоций с различными событиями, например, сочувствие в связи со смертью или, наоборот, равнодушие, с образами печали или, наоборот, радости в связи с убийством виртуальных «врагов». Частый просмотр сцен насилия может привести к десенсибилизации, т. е. эмоциональному равнодушию. При стимуляции эмоциональной реакции организм начинает замечать воздействующие на него посторонние раздражители, в результате чего подавляется сильная эмоциональная реакция - процесс привыкания[9].

Чтобы предотвратить явление десенсибилизации, профессиональные сотрудники соревнуются в создании все более сильных и ужасающих сцен насилия. Механизм десенсибилизации включает отключение чувствительности к наблюдаемым актам насилия и, следовательно, ведет к терпимости и принятию агрессии в реальной жизни, в том числе и в дальнейшем политическом действии или бездействии индивидов[10].

Существует четкая связь между просмотром сцен насилия в СМИ и повышением агрессивности в поведении. Это предпочтение выше у мальчиков.

Недавние исследования доказали, что под влиянием телевидения дети менялись не в сторону большей возбудимости и нервозности, а, наоборот, в бесчувственность и безразличие[11]. Это говорит о том, что дети становятся менее чувствительными под влиянием более быстро следующих ощущений, которые они не успевают усвоить. С точки зрения политической социализации, это может повлиять на восприимчивость молодежи к призывам, лозунгам и сообщениям из средств массовой информации. Люди перестают реагировать на новости, проявлять энтузиазм, они теряют способность быть эмоциональными и критическими, становятся поверхностными и равнодушными. Данное обстоятельство требует адек-

9 *Jan Ostojski.* Wpływ muzyki na wychowanie i obyczajowość młodzieży. // URL: www.notatek.pl/informacje/Socjalizacja-polityczna (Дата обращения: 11.10.2022).

10 *Станевич А.Ю.* Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 254-272.

11 *Лелекова А.В., Мальцева С.М., Митюхина В.Н.* Исследование влияния занятий за компьютером на физическое и психическое состояние детей среднего и старшего дошкольного возраста // Образование и проблемы развития общества. 2020. №1 (10).

ватного ответа со стороны акторов политической системы, в противном случае, процесс политической коммуникации может быть нарушен из-за десенсибилизации реципиентов информации.

Можно сказать, что ввиду междисциплинарного характера исследований политической социализации в них применяются различные теоретические концепции и это усложняет попытки однозначно определить в данном процессе роль социальных медиа.

Последние годы влияние СМИ в процессе политической социализации стало изучаться более пристально, подрывая тем самым бесспорный ранее тезис о наибольшей прочности политических ценностей, установок и предпочтений, приобретенных в раннем детстве. На более поздних стадиях человеческого развития часто преувеличивают влияние старения на изменение политической ориентации пожилых людей, недооценивая значение поколенческого опыта и преобразований окружающей среды и социально-исторического контекста.

Следствием может быть чрезмерный акцент на важности политической социализации как процесса, который должен продолжаться только в перспективе между поколениями. Для того чтобы оценить потенциал преемственности и изменения в процессе политической социализации, представляется необходимым осознавать, что конфликт, уравновешивающий стабилизационные тенденции, хотя и редко ведет к радикальному изменению, но приносит с собой модификации, необходимые как для сохранения индивидуальной и поколенческой целостности, так и для выживания существующей политической системы.

Подводя итог главе, посвященной анализу особенностей политической коммуникации в социальных сетях в современной России, мы пришли к выводу о значимой роли социальных медиа в политическом процессе Российской Федерации. Непосредственно социальные медиа как инструменты политической коммуникации различаются по охвату целевой аудитории, преобладающему отношению к власти, источникам финансирования и типу продвижения публикаций. В России основными социальными сетями являются VK, Telegram, Одноклассники, Facebook, Instagram (*социальные сети принадлежат Meta Platforms, Inc., которая признана в России экстремистской организацией, их деятельность в России запрещена*) и Twitter. Специалисты по связям с общественностью активно создают страницы органов государственной власти и политиков, продвигают инициативы и мероприятия через скрытую рекламу, отслеживают комментарии и обсуждения с целью

получения более объективной обратной связи от населения. Дифференциация социальных медиа по типу политической принадлежности ее участников, по нашему мнению, является актуальным вопросом и заслуживает отдельного исследования.

В этой связи возникает вопрос об установлении единых правил игры для участников и администраторов площадок социальных медиа. Государства регулируют их деятельность законодательным путем. Характер взаимоотношений органов власти и социальных медиа, в первую очередь, зависит от типа политического режима, установленного в государстве. В демократических государствах социальные медиа являются отдельным субъектом политической жизни общества, часто определяющим ее основные тенденции и направления.

Основной тенденцией регулирования деятельности социальных медиа в Российской Федерации является усиление контрольно-надзорной деятельности со стороны органов государственной власти. Современное российское законодательство в целом отвечает требованиям универсальности и релевантности. В подтверждение данного тезиса можно привести попытки законодательного регулирования деятельности блогеров, чего раньше не было в отечественном законодательстве. Помимо законодательного регулирования деятельности средств массовой информации, активно применяется и т.н. саморегулирование, например, путем принятия Кодекса профессиональной этики журналистов.

Еще одним значимым аспектом является то, что социальные сети могут оказать как положительное (расширение круга общения, возможность разговора на равных, низкий порог входа), так и негативное (десенсибилизация, разочарование в традиционных формах участия, попадание под влияние экстремистских сетевых сообществ) влияние на процесс политической социализации молодежи. Таким образом, некритическое и бесконтрольное использование средств массовой информации может нанести большой ущерб процессу социализации и воспитания молодых людей. Распространение средств массовой информации никак нельзя остановить, даже запретительными методами, акторам политической системы в этой связи важно научиться этим влиянием управлять.

Список литературы:

1. Hyman H. The psychology of status / H. Hyman. - New Jersey: Columbia University, 1942.
2. Бодрунова С.С. Медиакратия: современные подходы к определению термина // Вестник СПбГУ Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 3. С. 203-215.

3. Adelson J. Handbook of Adolescent Psychology, 1st ed. John Wiley and Sons, New York, NY. 2012.
4. Вартанова Е.В., Засурский Я.Н. Медиаобразование как средство формирования информационной безопасности молодежи // Информационная и психологическая безопасность в СМИ / Под ред. А.И. Донцова, Я.Н. Засурского, М.Л. Матвеевой, А.И. Подольского. М.: 2002. С. 7-18.
5. ВЦИОМ. Подросток в социальной сети: норма жизни – или сигнал опасности? // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podrostok-v-soczialnoj-seti-norma-zhizni-ili-signal-opasnosti- (Дата обращения: 11.10.2022).
6. Добринская Д.Е. Социологическое осмысление интернета: теоретические подходы к исследованию сети // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2016. № 3. С. 21-38.
7. Youniss J., Bales S., Christmas-Best V., Diversi M., McLaughlin M. & Silbereisen R. Youth civic engagement in the twenty-first century. Journal of Research on Adolescence, 2002. № 12 (1). P. 121-148.
8. Самсонова Т.Н., Наумова Е.С. Роль СМИ в политической социализации современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2019. № 4.
9. Jan Ostojski. Wpływ muzyki na wychowanie i obyczajowość młodzieży. // URL: www.notatek.pl/informacje/Socjalizacja-polityczna (Дата обращения: 11.10.2022).
10. Станевич А.Ю. Политические настроения российской молодежи: состояние и особенности // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 4. С. 254-272.
11. Лелекова А.В., Мальцева С.М., Митюхина В.Н. Исследование влияния занятий за компьютером на физическое и психическое состояние детей среднего и старшего дошкольного возраста // Образование и проблемы развития общества. 2020. № 1 (10).

Bibliography

1. Hyman H. The psychology of status / H. Hyman. - New Jersey: Columbia University, 1942.
2. Bodrunova S.S. Mediacracy: modern approaches to the definition of the term // Bulletin of St. Petersburg State University Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism. 2012. № 3. P. 203-215.
3. Adelson J. Handbook of Adolescent Psychology, 1st ed. John Wiley and Sons, New York, NY. 2012.
4. Vartanova E.V., Zasursky Ya.N. Media Education as a Means of Forming the Information Security of Youth // Information and Psychological Security in the Media / Ed. A.I. Dontsova, Ya.N. Zasursky, M.L. Matveeva, A.I. Podolsky. M.: 2002. P. 7-18.
5. VCIOM. A teenager in a social network: the norm of life - or a signal of danger? // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podrostok-v-soczialnoj-seti-norma-zhizni-ili-signal-opasnosti- (10.11.2022).
6. Dobrinskaya D.E. Sociological understanding of the Internet: theoretical approaches to the study of the network // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2016. № 3. P. 21-38.
7. Youniss J., Bales S., Christmas-Best V., Diversi M., McLaughlin M. & Silbereisen R. Youth civic engagement in the twenty-first century. Journal of Research on Adolescence, 2002. № 12 (1). R. 121-148.
8. Samsonova T.N., Naumova E.S. The role of the media in the political socialization of modern Russian youth // Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science. 2019. № 4.
9. Jan Ostojski. Wpływ muzyki na wychowanie i obyczajowość młodzieży. // URL: www.notatek.pl/informacje/Socjalizacja-polityczna (10.11.2022).
10. Stanevich A.Yu. Political moods of the Russian youth: condition and features // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and political science. 2018. № 4. P. 254-272.
11. Lelekova A.V., Maltseva S.M., Mityukhina V.N. Study of the influence of computer classes on the physical and mental state of children of middle and senior preschool age // Education and problems of society development. 2020. № 1 (10).

Муталимов А.Э.

Доктор социологических наук,
профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин.
Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)», г. Махачкале.

Российский патриотизм – крепкое переплетение этических и этнонациональных ценностей ее граждан

Пройдут столетия, а народы России не забудут, как их предки защищали Родину и родную землю от иностранных поработителей, начиная от наполеоновских полчищ и в ходе Первой и Второй Отечественных и Мировых войн, от мала до велика, показывая чудеса храбрости и преданности Родине.

Героизм и патриотизм русского и других народов России и полководцев России до сих пор исследуется историками, описывается в художественном творчестве, воспевается поэтами и композиторами.

Злонамеренный визит Наполеона в Москву был оплачен визитом победителя АлександраI в Париж [1]. Русский император въехал в столицу Франции верхом на коне [2]. Он нес, в отличие от Наполеона Бонапарта, с собой мир.

Французы восторженно сыпали цветы под ноги русского царя, возгласами: Да здравствует Александр! Да здравствуют русские! Долой тирана!» [3].

Восторженный дух русского воина передавался на родину победителей, поднимая патриотический порыв русского народа. Французы изумлялись великодушию своих победителей [4]. Все русское входило в большую моду. Это был другой тип патриотизма, проявляемый французами в знак благодарности русским и русскому императору за их освобождение от многолетней тирании в лице Наполеона Бонапарта. Главной целью поступков людей, по Канту, тогда было моральное совершенство героев войны в виде патриотизма [5].

Патриотизм – это любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам. Патриотизм – одно из наибо-

лее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями в действиях и поступках людей. О патриотах пишут книги, слагают стихи, их воспевают в песнях народных, их образы воссоздаются в художественном творчестве, помогая сформировать мировоззренческие взгляды подрастающего поколения.

Исторически элементы патриотизма в виде привязанности к родной земле, языку, традициям начали формироваться еще в древности. В условиях капиталистического способа производства, формирования наций, образования национальных государств патриотизм становится неотъемлемой частью общественного сознания. В современном обществе каждый выражает свое отношение к отечеству через присущие ему специфические интересы.

Идея патриотизма, как принцип, – это цементирующая основа общества, субстанциональная составляющая сохранения суверенитета страны. В силу этого, она (идея) должна быть равноудалена как от националистического угара, так и от выпячивания конфессиональной конкретики.

Особенность всех национальных или общенациональных идей заключается в их обращенности в будущее, обеспечивающих долгое существование самой идеи, если правильно выбраны цели и средства их достижения. В полной мере это относится и к нашей стране России.

Важно подчеркнуть, что национальная идея патриотизма реализуется в пяти основных функциях:

- она отражается в пространстве жизнедеятельности людей, в среде их формирования, задавая определенные приоритеты воспитанию и образованию;

- она задает определенное содержание процессу формирования личности молодых людей;

- она проявляется в особом отношении к гражданам России, их защите, где бы они ни находились;

- исходя из национальной идеи патриотизма, определяется стратегия конкретных воздействий и конкретной помощи социальным группам в решении их жизненных проблем [6] ;

- язык и сознание, как неотъемлемые функции человеческого мышления, а последняя позиционирует как высшая ступень познавательной деятельности.

Поскольку этот путь сложный и долгий, национальная идея может пройти в своем формировании ряд этапов, скорость которых будет зависеть от общих усилий. Регулирующая роль государства, особенно в

лице президента и всей политической элиты, безусловно, важна и приоритетна.

На первом этапе предлагалось сосредоточиться на роли общенациональной идеи в формировании и развитии гражданского и патриотического сознания россиян, уделяя особое внимание детям и молодежи. Быть гражданином значит, не только ассоциировать себя с новой реальностью, в которой находится Россия, с живущими на ней народами, с культурой и историей, важна их трансформация в разряд высших ценностей и реальная готовность отстаивать и защищать эти ценности.

На втором этапе неизбежно формируется общероссийский настрой на осознание себя гражданином великой страны, которую необходимо строить своими руками. Чувство Родины зависит от того, сколько труда и страсти вложили в ее жизнь ее гражданин и народ в целом. Оно отсутствует у бездельников да, пожалуй, и людей, не прошедших социализацию в течение своей сознательной жизни.

Необходима отечественная модель нового курса, система либерально-консервативных ценностей, основанная на патриотизме, которая сочетала бы в себе активность, самоорганизацию и инициативу людей с политикой социально ориентированного государства.

В основе понимания сути общенациональной идеи должны быть положены представления о том, что идея должна жить в уме и сердце человека с его повседневными житейскими проблемами, служить маяком, ориентирующим его деятельность в любой жизненной ситуации.

Возникает вопрос, чем же отличается патриотизм XXI века от патриотизма прежних лет? Отвечая на этот вопрос нужно вспомнить, что изменились экономическая парадигма общества, и не стало идеологии государства, в рамках которых сформировалось прежнее понимание патриотизма, у которого имелся классовый характер. Социализм как формация перестала существовать в нашей стране, и вектор воспитания подрастающего поколения, потеряв свою устойчивую направленность, стал размытым, неопределенным. Патриотизм в начале века перестал восприниматься многими представителями разных поколений, кроме военного и послевоенного поколений, как ценность. Долг, честь добропорядочность, нравственные устои стали претерпевать деградацию. Актуальными стали двойные стандарты, двуличие, обман во всех сферах жизни общества. Уважение к старшим и друг к другу было «затемнено» неправильно интерпретированными рыночными отношениями.

Говоря о патриотизме, он в нашем сознании ассоциируется двумя

основными типами патриотизма - военным и гражданским. Безусловно, они взаимосвязаны и достойно дополняют друг друга. Военный патриотизм отличается от гражданского патриотизма внутренним духом своим, системностью, педагогикой, глубокой верой служения Родине. Военный патриотизм набирает популярность не только потому, что, став профессиональным защитником отечества, его служение может быть оплачено на приличном уровне, но еще и потому, что быть защитником Родины престижно, почетно, вызывает глубокое уважение в обществе. Патриотизм воспитывается в семье, в школе, в учебных заведениях, в организованных подростковых движениях и молодежных сходках, а также формирует у подрастающего поколения экологическое сознание, бережное отношение к окружающей среде, к малой и большой родине, что также является одно из основных направлений патриотического воспитания [7].

Не менее интересным является эстетический аспект патриотического воспитания в спорте. Переплетение эстетического направления со спортивной деятельностью составляет интересный духовный аспект патриотизма.

Патриотизм – одна из важнейших характеристик личности, укрепляющая всю социальную структуру общества. Вне острого ощущения единства со своей страной, своим народом, родным языком и культурой нет личности в полном смысле этого слова.

Поэтому невозможно всерьез говорить об эстетическом и нравственном воспитании, если не предполагать при этом патриотического воспитания в историческом, традиционном смысле для каждой нации. По выражению Президента Путина В.В, патриотизм – неотъемлемая черта полиэтнического общества нашей страны. Он проявляется в самоотверженном стремлении выдающихся российских спортсменов к победе во славу своей Родины, единодушной поддержке россиянами своих спортсменов, высоком чувстве ответственности спортсменов перед своим народом [8].

Патриотическая направленность, например, лежит в основе всей системы спорта и физического воспитания и неразрывно связана с эстетическими ценностями физической культуры и спорта. Начиная со школьных соревнований и спортивных состязаний, пробуждается интерес и закладывается основа патриотического воспитания. Оно продолжает расти в вузовских коллективах и сборных командах страны, на занятиях групп здоровья и в спортивной деятельности. А в рамках спорта выс-

ших достижений, включая и олимпийский спорт, совершенно четко прослеживается, что именно патриотизм спортсмена, его оптимистическое мироощущение, социальная активность, связаны с любовью к Родине и своему народу, привносят красоту в спорт, придают ему не только нравственную, но и эстетическую значимость.

При естественной сменяемости поколений, неизменным в большинстве случаев, остается традиционный характер народа. Основу его образуют, неведомые прежде в любой социальной сфере качества – патриотизм и коллективизм, высокий нравственный потенциал и социальная активность, убежденность и преданность идеалам дела, за которое мы ответственны [9].

Если принять во внимание, к примеру, что спорт высших достижений или службу в армии, помимо прочего, служит еще важным ориентиром в системе ценностей для людей различных возрастных групп, и особенно для молодежи, трудно переоценить значимость этих принципов, утверждаемых в спорте и с помощью спорта. Чем глубже они проникают в сознание самих спортсменов, становясь побудительными мотивами их деятельности, тем более сильными становятся спортсмены и тем ближе для них спортивная победа. Это свидетельствует о глубокой связи патриотизма и красоты спорта как общечеловеческой ценности.

Чувство Родины зависит от того, сколько труда и страсти вложены в ее жизнь гражданином и народом в целом. Оно отсутствует у бездушных людей, не прошедших социализацию в течение своей сознательной жизни.

Необходима отечественная модель нового курса, система либерально-консервативных ценностей, основанная на патриотизме, которая сочетала бы в себе активность, самоорганизацию и инициативу людей с политикой социально ориентированного государства [10].

В основе понимания сути общенациональной идеи должны быть положены представления о том, что идея должна жить в уме и сердце человека с его повседневными житейскими проблемами, служить маяком, ориентирующим его деятельность в любой жизненной ситуации. Патриотизм должен быть как результат сформировавшейся нравственно здоровой личности [11, с. 349-35].

Чувство патриотизма закладывается сначала в семье, а потом воспитывается в школе, в учебных заведениях, в организованных подростковых движениях и многие другие молодежные движения, а также формирует у подрастающего поколения экологическое сознание, бережное отноше-

ние к окружающей среде, к малой и большой родине, что также является одним из основных направлений патриотического воспитания.

Идея патриотизма, как принцип, – это скрепляющая основа общества, субстанциональная составляющая сохранения суверенитета страны [12].

Идея патриотизма может выразиться через язык. *Язык — это система знаков, с помощью которых люди общаются, осуществляют познание мира и самопознание, хранят и передают информацию, управляют поведением друг друга [13].* В языке можно выделить естественную систему знаков. Знаки выражаются в вербальном языке и пластике человеческого тела: позе, жесте, мимике, а такжев искусственно созданной людьми языке логики, математики, языке живописи, языке дорожных знаков и т. д. *Язык — явление социальное*: он возникает в процессе формирования общества и становится главным моментом его функционирования. Язык выполняет в обществе множество функций: *познавательную*, *информативную*, *коммуникативную* и др.

Родной язык формирует в человеке бессознательным для него способом чувство ритма, музыкальности, а также многие другие качества души, в том числе и качество патриотизма [14]. Какими они будут — хорошими или не очень, — зависит от того, кто рядом с ребенком в начале его жизненного пути. Любящая мать, которая в речевом обращении к ребенку использует самые красивые и нежные слова, произнося их с соответствующей интонацией, или чужие безразличные люди, слова которых холодны, деловиты, сухи, производят разные впечатления на психику ребенка. Если учесть, что формирование личности начинается с детства, становится понятной огромную роль речевого пространства, в котором находится ребенок. В подобном речевом пространстве должен вырасти молодой человек в масштабах государства.

Сознание и язык неразрывно контактируют между собой. Достаточно указать на тот факт, что одним из условий возможности является его способность сказать о себе «Я», и тем самым заявить о своем относительно самостоятельном бытии. Все нормальные люди знают о своем «*Я*» и выражают его словесно.

Благодаря языку наше сознание становится действенным, существующим и для других людей. *Сознание всегда есть наше отношение к миру. Но чтобы другие люди узнали о содержании этого отношения, «Я» должно выразить его вовне, объективировать [15].* Социальной философии Маркса удалось выявить основные характеристики содержания сознания людей современного ему буржуазного общества. Например, в ходе

конкурентной борьбы, когда успех одного может разорить и уничтожить другого, что несовместимо с этическими общечеловеческими нормами, высокие человеческие чувства начинают обмениваться на деньги, а межличностные отношения становятся продолжением товарно-денежных отношений [16]. Деньги превращаются в своеобразное средство взаимоотношения, в рамках которого вульгарная жадность, грубая страсть к наслаждениям, корыстное стремление к грабежу общего достояния становятся нормой. Учение К. Маркса подчеркивает, что становление буржуазного, «классового общества происходит с помощью таких «гнусных средств, как воровство, насилие, коварство, измена» [16].

В нашей стране проводится реформа, цель которой — построить цивилизованное общество. Это обязывает нас помнить о том, что одновременно с изменением общественного строя произойдут изменения в сознании людей, и притом не в лучшую сторону, что мы и видим сегодня.

Великий русский писатель Алексей Толстой в своем знаменитом рассказе «Русский характер», говоря о патриотизме, отмечает, что люди, защищающие Родину, имеют патриотический настрой, и «всякая чепуха с них слетается, как нездоровая кожа после солнечного ожога» [17].

В творчестве народного писателя Дагестана Ахмедхана Абу-бакара в «Ожерелья для моей любимой» существует такой эпизод, когда два парня из-за девушки повздорили между собой и это заметил старый мудрый человек, он их помирил. Он попросил пожать друг другу руки в знак примерения, спрашивая, чувствуют ли они теплоту рук. Когда молодые люди ответили утвердительно, мудрец произнес, что на этом тепле держится устойчивость мира [18]. Это ценность высокого порядка. Это есть тепло, которое кроется в каждом человеке. Его надо почувствовать и ее чувствуют особенно воины-патриоты. Такое тепло отличается от того тепла Чарльза Дугласа, которое он выражает в своей работе «Зачем они убили Кеннеди?» [19]. В его произведении показаны люди, постоянно думающие о ядерной войне, которым не жалко, чтобы другие люди горели в огне ядерной войны, но не они.

Исторически элементы патриотизма в виде привязанности к родной земле, языку, спорту, традициям формируются еще в древности. В условиях формирования наций, образования национальных государств патриотизм становится неотъемлемой частью общественного сознания. В современном обществе каждый выражает свое отношение к отечеству через присущие ему специфические интересы. Поэтому для победы над внутренними и внешними врагами нашему обществу необходимо под-

держивать высокий духовный подъем и постоянное патриотическое воспитание подрастающих поколений.

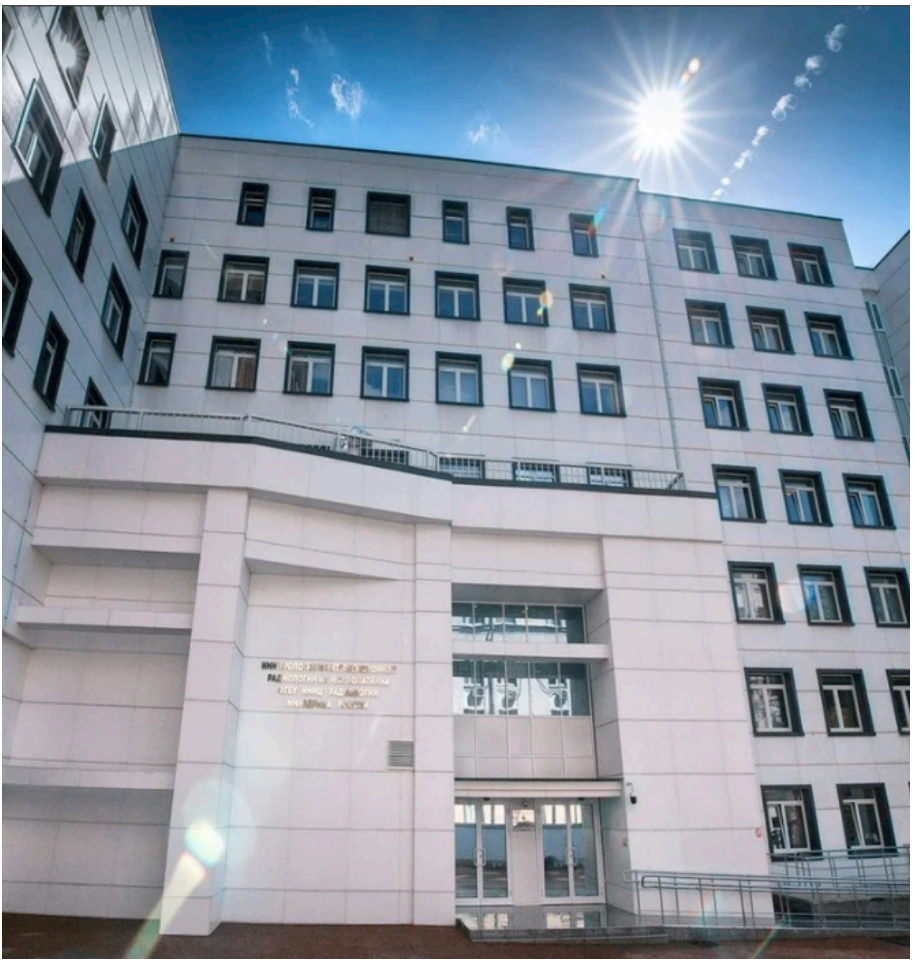
Список литературы:

1. Лобанов М.Е., Песнь на взятие Парижа. 19 марта 1814 года: Посвящается высокому имени государя императора. – СПб.: 1816; Медаль «За взятие Парижа 14 марта 1814 г.»
2. Императорские подарки и чувство патриотизма // URL: http://cultobzor.ru/2016/07/griboedov-imperatorskie-podarki-i-chuvstvo-patriotizma/
3. Данилевский Г.П., Сожженная Москва / Под редакцией Сидорок Е.Ю. Аст 2011г. С. 13-17.
4. Труайя Анри. Русские в Париже // 2008. С. 35-48.
5. Нравственный закон Канта - общечеловеческая мораль. // URL: http://www.newreferat.com/ref-74-14.html
6. О патриотизме. Основные понятия и краткий исторический аспект // URL: http://www. nravstvennost. info/library/news_detail.php?ID=2263
7. Козлов А.А. О патриотизме. Основные понятия и краткий исторический аспект/ О патриотизме и гражданственности: Учебное пособие для студентов, работников сферы молодежной политики и педагогов / Под ред. д.с.н., проф. А.А.Козлова. – СПб.: «ЭлексисПринт», 2005. 228 с. С. 12-26
8. Путин рассказал об истинной роли патриотизма // URL: https://vz.ru/politics/2016/2/4/792180.html
9. Ружа В.А.Становление и развитие культуры патриотизма современного студенчества. Екатеринбург. 2013. С. 176.
10. Герасимова А.А. Формирование патриотизма современной молодежи как условие политической стабилизации российского общества/ диссертация и автореферат кандидат политических наук. – М.: 2007. С. 246.
11. Бахтин Ю.К. Патриотическое воспитание как основа формирования нравственно здоровой личности // Молодой ученый.2014. № 10. С. 349-352.
12. Зубова О.Г., Бухтиярова И.Н. Патриотизм как основа формирования национальной идеи в современном российском обществе // Теория и практика общественного развития № 5. Издательство: Издательский дом «ХОРС», Краснодар. 2017. С. 26-29.
13. Патриотизм в России: если завтра война, если завтра в поход: ВЦИОМ №3136. 2016. 22 июня.
14. МатяшТ.П.Сознание как целостность и рефлексия. — Ростов н/Д, 1988.
15. Метафизические рассуждения о сознании, символике, языке. – М.: 1999.
16. Маркс К. Капитал // Маркс К, Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. Гл. 24.
17. Толстой Алексей. Русский характер. – М.: 1942-1944.
18. Абу-БакарАхмедхан // Знамя, 1967.
19. Дуглас Чарльз. Зачем они убили Кеннеди? – М.: 2019.

Bibliography

1. Lobanov M.E., Song for the capture of Paris. March 19, 1814: Dedicated to the high name of the Sovereign Emperor. - St. Petersburg: 1816; Medal "For the capture of Paris on March 14, 1814"
2. Imperial gifts and a sense of patriotism // URL: http://cultobzor.ru/2016/07/griboedov-imperatorskie-podarki-i-chuvstvo-patriotizma/
3. Danilevsky G.P., Burnt Moscow / Edited by Sidorok E.Yu. Ast 2011. P. 13-17.
4. Troyes Henri. Russians in Paris // 2008. P. 35-48.
5. Kant's moral law is universal morality. // URL: http://www.newreferat.com/ref-74-14.html
6. About patriotism. Basic concepts and a brief historical aspect // URL: http://www. morality. info/library/news_detail.php?ID=2263
7. Kozlov A.A. About patriotism. Basic concepts and a brief historical aspect / On patriotism and citizenship: A textbook for students, workers in the field of youth policy and teachers / Ed. d.s.s., prof. A.A. Kozlova. - St. Petersburg: "EleksisPrint", 2005. 228 p., P. 12-26
8. Putin spoke about the true role of patriotism // URL: https://vz.ru/politics/2016/2/4/792180.html
9. Ruzha V.A. Formation and development of the culture of patriotism of modern students. Yekaterinburg. 2013. P. 176.
10. Gerasimova A.A. Formation of patriotism of modern youth as a condition for the political stabilization of Russian society / dissertation and abstract candidate of political sciences. – M.: 2007. P. 246.
11. Bakhtin Yu.K. Patriotic education as the basis for the formation of a morally healthy personality // Young scientist. 2014. № 10. P. 349-352.
12. Zubova O.G., Bukhtiyarova I.N. Patriotism as a basis for the formation of a national idea in modern Russian society // Theory and Practice of Social Development № 5. Publisher: Publishing house "HORS", Krasnodar. 2017. P. 26-29.
13. Patriotism in Russia: if tomorrow is war, if tomorrow is on a campaign: VTsIOM № 3136. 2016. June 22.
14. Matyash T.P. Consciousness as integrity and reflection. - Rostov n / a, 1988.
15. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism, language. – M.: 1999.
16. Marx K. Capital // Marx K, Engels F. Soch. 2nd ed. Vol. 23. P. 24.
17. Tolstoy Alexey. Russian character. – M.: 1942-1944.
18. Abu-Bakar Ahmedkhan // Banner, 1967.
19. Douglas Charles. Why did they kill Kennedy? – M.: 2019.

ЭКОНОМИКА



Научно-исследовательский институт урологии имени Н.А. Лопаткина

Трофимова Н.Н.
Кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Связь экономики знаний и инновационного развития национальной экономики

Государственная политика в области науки, техники и инноваций всегда была направлена в первую очередь на создание и распространение знаний. В последние годы такая политика привлекает все большее внимание, а тема экономики знаний становится все более важной, поскольку рассматривается как источник экономического роста и конкурентоспособности во всех секторах экономики. Как следствие, ученые всего мира пришли к единому мнению относительно важности использования современных ресурсов, которые обогащают экономику, основанную на знаниях, таких, как инвестиции в IT-технологии, высокотехнологичные отрасли и высококвалифицированных работников.

Конкурентоспособность национальной экономики все больше зависит от ее способности создавать и использовать знания, поскольку знания, образование и инновации являются основными показателями экономического роста в условиях глобализации.

В настоящее время инновации являются ключевым движущим фактором развития экономики в целом и высокотехнологичной промышленности в частности. Переход на инновационную модель экономического развития страны в новых реалиях происходит на основе создания экономики знаний. Эта модель предусматривает реализацию народнохозяйственной стратегии развития, направленной на существенное улучшение экономических показателей и рост ВВП за счет широкой направленности на создание, освоение в производстве, продвижение на рынок технологических, организационных и управленческих инноваций. Можно выделить ряд факторов, которые обусловили недостаточно высокие темпы инновационного развития национальной экономики. К ним, на наш взгляд, относятся: отсутствие четкой стратегии, размытые цели и приоритеты государственной инновационной политики, а также отсутствие серьезной методологической базы, отвечающей новейшему

современному пониманию инновационных процессов.

Задача состоит в том, чтобы изучить современные подходы к инновационному процессу, которые будут отвечать требованиям формирования экономики знаний, а также обозначить основные следствия этих методологических проблем в инновационной политике страны.

Проблемы инновационного развития национальной экономики привлекают внимание многих отечественных и зарубежных исследователей. В основном авторы связывают низкий уровень развития инноваций с низким уровнем расходов на науку и технологии, либо рассматривают инновационные достижения страны в зависимости от степени активности в коммерциализации результатов научных исследований [1]. При этом большинство авторов подчеркивают, что эффективность инновационных процессов в экономике зависит от состояния науки, а их поддержка и развитие являются предпосылками интенсификации инновационных процессов [2].

Концепция экономики знаний получила развитие благодаря исследованию Фрица Махлупа, который в 1962 году выпустил книгу «Производство и распространение знаний в США». Первая волна, начавшаяся в 1970-е гг., была связана с так называемой информационной экономикой. Вторая волна исследований экономики знаний началась в 1990-е годы в связи с ограничениями Национальной Инновационной Системы. Согласно Р. Р. Нельсону, НИС «представляет собой набор институтов, взаимодействие которых определяют инновационную деятельность национальных фирм» [3]. Б.-А. Лундвалл рассматривал НИС как элементы и взаимосвязи, находящиеся в границах государства и действующие в процессе получения, распространения и использования нового экономически выгодного знания [4]. Таким образом, он подчеркивал, что ключевым фактором развития инноваций являются новые знания, которые можно выгодно применить в экономике. Такие знания должны создаваться при взаимодействии фирм, лабораторий и университетов, а также финансовых учреждений, системы образования, правительства и регулирующих органов. Лундвалл представил концепцию обучающегося общества или обучающейся экономики. По его словам, «наиболее фундаментальным ресурсом в современной экономике являются знания и, соответственно, важнейшим процессом является обучение», а «наиболее важные формы обучения можно рассматривать как интерактивное обучение», т.е. взаимодействия между различными институтами НИС [5].

Экономика обучения предполагает способность учиться и расширять

базу знаний. В настоящее время учеными общепризнано, что эффективная система распределения и использования знаний является непременным условием увеличения количества инновационных возможностей [6]. Таким образом, центральной характеристикой НИС является способ распространения и использования знаний. Общая инновационная эффективность экономики зависит не столько от работы конкретных формальных учреждений (фирм, научно-исследовательских институтов, университетов и т. д.), сколько от эффективности их взаимодействия друг с другом.

При анализе инновационных процессов можно выделить два различных подхода к инновациям: так называемый подход предложения и подход спроса [7].

Линейная модель (подход, основанный на предложении) рассматривает в основе фундаментальные исследования, которые в результате неминуемо приводят к экономическому росту. Результаты фундаментальных исследований при таком подходе рассматриваются как исходные данные для прикладных исследований. По мере развития инноваций повышается их влияние на производительность и рост в сфере производства [8].

Подход, основанный на спросе, подчеркивает важность спроса как фактора, стимулирующего и направляющего инновации. По мере развития спроса все больше внимания уделяется научно-исследовательским разработкам и инновациям, что приводит к росту производительности [9].

Британский социолог Рой Ротвелл выделяет 5 поколений моделей инновационного процесса [10].

1. Модель «технологического толчка» (с 1950-х до середины 1960-х гг.).

2. Модель «рыночного притяжения» (с середины 1960-х до начала 1970-х гг.).

3. Модель «Объединения НИОКР и маркетинга» (с середины 1970-х до середины 1980-х гг.).

4. Модель «Интегрированных бизнес-процессов» (с начала 1980-х до середины 90-х).

5. Модель «Системной интеграции и сетевого взаимодействия» (с 1990-х гг.).

Т. Гареев добавляет к этой классификации 6-ю модель инновационного процесса, «основанную на знаниях и обучении», в основу которой положена «Теория фирмы, основанная на знаниях» Р. Гранта [11]. Главныv fктивом компании считается неявное знание. Инновационный процесс продолжает оставаться интегрированным сетевым процессом, по-

зволяющим сосредоточиться на механизмах создания, распространения и использования всех видов знания. Чем быстрее компания способна учиться, тем более она инновационна и способна быстрее реагировать на изменения рынка с помощью инновационных продуктов и услуг.

При определении модели инновационного процесса в наукоемкой экономике, многие ученые указывают на процессы распространения знаний и сети, характерные для современной экономики, и считают, что «в экономике, основанной на знаниях, идеи для инноваций могут исходить из многих источников, инновации могут принимать различные формы, включая постепенное улучшение существующих продуктов, применение технологий на новых рынках и использование новых технологий для обслуживания существующего рынка» [12]. Определение инновационных моделей основано на изменениях в процессе создания самого знания, т. е. на различии неявного и кодифицированного знания. Кодификация знания подразумевает, что знание преобразуется в «информацию», которую можно легко передать через информационную инфраструктуру. Это процесс редукции и преобразования, который делает передачу, проверку, хранение и воспроизведение знаний более легкими. В отличие от кодифицированного знания, неявное знание - это знание, которое передать сложнее, так как оно не имеет явной формы. Большая часть знаний, которые можно систематизировать и свести к информации, может передаваться на большие расстояния при очень ограниченных затратах. Кодификация важна для экономической деятельности по четырем основным причинам:

– кодификация снижает затраты на процесс приобретения знаний и технологии распространения;

– посредством кодификации знание все больше приобретает свойства товара;

– кодификация облегчает экстернализацию знаний и позволяет фирмам приобретать больше знаний по той же цене;

– кодификация напрямую помогает ускорить создание знаний, инновации и экономические изменения [12].

Существует два важных ограничения процесса кодификации:

– тот факт, что кодифицированное и неявное знание дополняют друг друга и сосуществуют, означает, что последние являются естественными ограничениями кодифицированного знания;

– усиленная кодификация не обязательно снижает относительную важность неявных знаний [14].

На самом деле, более легкий и менее затратный доступ к информации делает связь навыков и способностей с отбором и эффективным использованием информации еще более сильной.

Способность фирмы учиться и трансформироваться в этом контексте является решающим фактором конкурентоспособности.

На основе двух типов знаний в экономике знаний М.Б. Дженсен, Б. Джонсон, Э. Лоренс и Б.-А. Лундвалл выделили два режима инноваций:

- режим науки, технологий и инноваций, основанный на производстве и использовании кодифицированных научно-технических знаний;
- режим действия, использования и взаимодействия - режим обучения, основанный на опыте и неявных знаниях [15].

Заключение. Термины «национальная система инноваций» и «экономика, основанная на знаниях» существуют более 20 лет, и сегодня они получили широкое распространение среди политиков, а также среди ученых всего мира.

Несмотря на широкое признание литературы по экономике знаний, ученые и политики рассматривают инновационные процессы в основном как аспекты, связанные с формальными процессами НИОКР, особенно в наукоемких отраслях.

На политическом уровне это можно увидеть в акценте на бенчмаркинг, в ориентации на налоговые субсидии на НИОКР, подготовке ученых в высокотехнологичных областях, таких, как био и нанотехнологии, а также в укреплении связей между фирмами и университетами.

Модели инноваций в экономике знаний подчеркивают, что инновации - это системный и интерактивный процесс, в котором фирмы взаимодействуют как с клиентами и поставщиками, так и с институтами знаний. Инновации не могут быть сведены только к научным инновациям. Тем не менее, до сих пор существует явная склонность рассматривать инновационные процессы в основном как аспекты, связанные с формальными научными и техническими знаниями и формальными процессами НИОКР.

Россия располагает определенным потенциалом для развития «умной» экономики в перспективе. В некоторых областях (уровень образования, темпы развития сектора информационно-коммуникационных технологий, наличие ряда науко- и знание-емких производств) имеющийся задел пока сохраняет хорошие шансы для России в области прорыва в развитии экономики знаний. Но наличие целого ряда острых проблем требует не только развивать приоритетные направления знание-емких производств, но и проявлять повышенную активность в со-

хранении и приумножении научно-технического, инновационного и человеческого потенциала.

При этом необходимо использовать новые методологические подходы к рассмотрению основных экономических процессов в обществе.

Список литературы:

1. Трофимова Н.Н. Постиндустриальный переход к модели экономики знаний в условиях инновационных и цифровых сдвигов // МНИЖ. 2021. № 12-4 (114).
2. Решетняк О.И., Сахненко О.И. Особенности управления научно-инновационными системами в условиях экономики знаний / О.И. Решетняк, О.И. Сахненко // БИ. – 2020. № 2 (505). С. 225-235.
3. Алексеева И.А., Трофимова Н.Н. Формирование человеческого капитала в вузах для наукоемких производств в условиях промышленных инноваций и цифровой экономики // Экономика образования. 2020. № 2 (117). С. 30-38.
4. Дмитриев Н.Д. Место рентного подхода в методах оценки интеллектуального капитала // Экономика и предпринимательство. 2022. № 6 (143). С. 1205-1211.
5. Мячин Д.А., Мусиенко Т.В., Лукин В.Н. Управление экономикой знаний и инновации // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2020. № 2. С. 128-136.
6. Чернянская И.В. Человек и организация в условиях экономики знаний. Сущность и основные этапы процесса производства и трансформации знания // Московский экономический журнал. 2020. № 6. С. 930-945.
7. Миронова В.Н. Инновационное развитие экономики знаний // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 2. С.61-68.
8. Трофимова Н.Н. Современные тенденции корпоративного риск-менеджмента в системе обеспечения экономической устойчивости промышленных предприятий // Управление. 2020. № 2. С. 30-37.
9. Макаренко Е.А. основные направления и проблемы цифровой трансформации отраслей экономики России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2. № 8 (128). С. 89-95.
10. Макаренко Е.А. Национальная безопасность в контексте цифровизации общественных отношений // Экономика и управление: проблемы, решения. 2022. Т. 2. № 1 (121). С. 30-36.
11. Дмитриев Н.Д., Зайцев А.А. Роль науки в формировании интеллектуальной ренты // Московский экономический журнал. 2022. Т. 7. № 8.
12. Миронова В. Н. Инновационное развитие экономики знаний // Экономика. Налоги. Право. 2020. №2.
13. Сухарев О.С. Экономика знаний: перспективы технологического рывка // Экономика. Налоги. Право. 2020. № 2.
14. Аганбегян А.Г. О приоритетном развитии сферы экономики знаний // ЭВР. 2021. №1 (67).
15. Трофимова Н.Н. Проблемы и перспективы формирования экономики знаний в условиях постиндустриальной экономики // Стратегии бизнеса. 2021. Т. 9. № 1. С. 4-8.

Bibliography

1. Trofimova N.N. Post-industrial transition to a knowledge economy model in the context of innovative and digital shifts // MNIZH. 2021. № 12-4 (114).
2. Reshetnyak O.I., Sakhnenko O.I. Features of management of scientific and innovative systems in the conditions of the knowledge economy / O.I. Reshetnyak, O.I. Sakhnenko // BI. - 2020. № 2 (505). P. 225-235.
3. Alekseeva I.A., Trofimova N.N. Formation of human capital in universities for high-tech industries in the context of industrial innovation and the digital economy // Economics of Education. 2020. № 2 (117). P. 30-38.
4. Dmitriev N.D. The place of the rental approach in the methods of assessing intellectual capital // Economics and Entrepreneurship. 2022. № 6 (143). P. 1205-1211.
5. Myachin D.A., Musienko T.V., Lukin V.N. Management of the knowledge economy and innovation // Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2020. № 2. P. 128-136.
6. Chernyanskaya I.V. Man and organization in the knowledge economy. Essence and main stages of the process of production and transformation of knowledge // Moscow Economic Journal. 2020. № 6. P. 930-945.
7. Mironova V.N. Innovative development of the knowledge economy // Economics. Taxes. Right. 2020. № 2. P.61-68.
8. Trofimova N.N. Modern trends in corporate risk management in the system of ensuring the economic sustainability of industrial enterprises // Management. 2020. № 2. P. 30-37.
9. Makarenko E.A. main directions and problems of digital transformation of branches of the Russian economy // Economics and management: problems, solutions. 2022. Vol. 2. № 8 (128). P. 89-95.
10. Makarenko E.A. National security in the context of digitalization of public relations // Economics and management: problems, solutions. 2022. Vol. 2. № 1 (121). P. 30-36.
11. Dmitriev N.D., Zaitsev A.A. The role of science in the formation of intellectual rent // Moscow Economic Journal. 2022. Vol. 7. № 8.
12. Mironova VN Innovative development of the knowledge economy // Economics. Taxes. Right. 2020. № 2.
13. Sukharev O.S. Knowledge Economy: Prospects for a Technological Breakthrough // Economics. Taxes. Right. 2020. № 2.
14. Aganbegyan A.G. On the priority development of the knowledge economy // EVR. 2021. № 1 (67).
15. Trofimova N.N. Problems and prospects for the formation of the knowledge economy in a post-industrial economy // Business strategies. 2021. Vol. 9. № 1. P. 4-8.

Трофимова Н.Н.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Ключевые подходы к управлению талантами в современных условиях всеобщей глобализации и усложнения бизнес-процессов

В области развития и управления человеческими ресурсами управление талантами в последнее время стало важным компонентом корпоративных стратегий управления человеческими ресурсами. В результате за последние два десятилетия термин «талантливый» стал популярным среди ученых, экономистов и практиков.

Предмет управления талантами (ТМ) является устоявшейся областью, значение которой растет; однако нет единого мнения относительно его объективного определения. Широкий обзор доступной литературы показывает, что существующее определение в текущей литературе не позволило провести четкое различие между управлением талантами и другими подфункциями управления человеческими ресурсами. Для обозначения таланта часто используется ряд различных родственных терминов, и это порождает дополнительные концептуальные проблемы.

Управление талантами не следует рассматривать как отдельный вид деятельности, скорее оно включает в себя весь спектр действий, предпринимаемых организацией для удержания своих талантливых сотрудников. Управление талантами также определяется как практика управления всем циклом работы сотрудника, начиная с процесса привлечения и найма и заканчивая продвижением по службе и поиском преемника после выхода на пенсию [1]. Одновременно часто управление талантами рассматривается как «поиск подходящего человека для подходящей работы в правильное время» [2]. Некоторые авторы определили управление талантами как практику преднамеренного отбора и выявления лидерских качеств у своих нынешних сотрудников, чтобы стимулировать индивидуальное продвижение и занять ключевые должности в организации [3]. Они подчеркивали,

что талант имеет решающее значение из-за его роли в обеспечении сильной функции управления человеческими ресурсами, чтобы эффективно управлять персоналом для достижения высоких результатов в созданной организации [4].

Существует множество литературы, подтверждающей взаимосвязь между управлением талантами и удержанием персонала в организации. ТМ - это концепция и практика управления людьми как незаменимым человеческим капиталом, который является ценным корпоративным активом. ТМ можно определить как действия и процессы, которые включают систематическое определение ключевых должностей, которые вносят различный вклад в устойчивое конкурентное преимущество организации. Кроме того, ТМ подразумевает развитие кадрового резерва с высоким потенциалом и высокоэффективными сотрудниками, а также помогает разработать дифференцированную структуру человеческих ресурсов, обеспечивающих высокоэффективную работу на различных должностях компетентными сотрудниками и обеспечить их постоянную приверженность организации [5].

Управление талантами включает в себя активное и систематическое использование методов УЧР для привлечения, развития и удержания людей с высоким потенциалом в соответствии со стратегическим направлением компании в условиях динамичной внешней среды. Такая деятельность задействует как должности высшего руководства, так и другие ключевые должности более низкого уровня. Таким образом, тщательно разработанные и хорошо продуманные подходы к ТМ имеют важное значение для организаций, которые хотят достичь и сохранить конкурентные преимущества. При этом необходимо понимать, что размер организаций влияет на их способность применять те или иные подходы ТМ. Ограниченные ресурсы и менее формальные структуры управления персоналом в небольших организациях создают проблемы и трудности для управления их сотрудниками и талантами. Кроме того, привлечение и удержание сотрудников в малых компаниях и микрофирмах имеет важное значение для конкурентоспособности и роста этих компаний, а это означает, что каждый сотрудник вносит важный вклад и представляет ценность. Конкуренция за талантливых сотрудников всегда имела место среди нацеленных на долгосрочное развитие компаний. Однако простое наличие таланта или талантливых работников не гарантирует успеха или повышения производительности. Организации должны инвестировать в надлежа-

щее использование талантов на благо организации. Другими словами, организациям необходимо управлять талантами [6].

ТМ, каким мы его знаем сегодня в сфере деловой конкуренции и стратегического управления, был концептуализирован знаменитой статьей McKinsey под названием «Война за таланты», которая была опубликована в конце 20-го века. McKinsey определил талант как «сумму способностей человека… его или ее врожденные способности, навыки, знания, опыт, суждения, стремление и способность учиться» [7]. После этого новаторского исследования ТМ стала специализированной областью управления персоналом.

Общая проблема исследований, посвященных ТМ, заключается в том, что они изучали таланты с неявным пониманием того, что талант важен и всегда приведет к улучшению организационных и социальных показателей. Кроме того, отсутствие единого подхода к определению затрудняет проведение различий между такими терминами, как способность, приверженность, компетентность, опыт, знания, производительность, потенциал, навыки, которые часто использовались вместо термина «талант» [8].

В организационных исследованиях частая точка зрения на определение таланта основана на эксклюзивном подходе, который предполагает, что в организации есть весьма ограниченное количество одаренных людей, которые являются ключевыми исполнителями [9]. Аксельрод, Хэндфилд-Джонс и Майклс в 2002г., предложили всеобъемлющее определение термина «талант»: «Кодекс для наиболее эффективных лидеров и менеджеров на всех уровнях, которые могут помочь компании реализовать ее стремления и повысить ее производительность. Управленческий талант - это некое сочетание острого стратегического мышления, лидерских способностей, эмоциональной зрелости, навыков общения, а также способности привлекать и вдохновлять других талантливых людей, предпринимательских инстинктов, фундаментальных навыков и способности добиваться результатов» [10].

Чаще всего управление талантами отождествляют с управлением человеческими ресурсами. Однако ТМ относительно больше фокусируется на человеческой стороне работы и рассматривает талантливых работников как конкурентное преимущество организаций, в то время как HRM учитывает все организационные функции. Управление талантами направлено на развитие человеческих талантов организации, в то время как управление персоналом является более техническим и использует

транзакционный подход [11; 12]. Такой точки зрения придерживались многие ученые, изучающие вопрос ТМ. Они рассматривали привлечение, идентификацию, развитие и вовлечение рабочей силы в качестве ключевых элементов стратегического управления талантами [13].

Глобальный интерес к ТМ привел к множеству публикаций на эту тему в разных странах мира.

Часто исследователи ТМ придерживаются трех четких точек зрения на его определение. Первая точка зрения ученых сосредоточена на механических характеристиках, и это была попытка «ребрендинга», которая включала в себя уже устоявшиеся термины, такие, как управление человеческими ресурсами, подбор персонала, отбор, развитие лидерских качеств и планирование преемственности руководителей. Этот подход предполагает, что ТМ является новым ярлыком для привычной практики управления человеческими ресурсами [14].

Вторая точка зрения делает упор на развитие «кадровых резервов», описывая ТМ аналогично концепции «Планирования преемственности». Кадровые резервы рассматриваются как механизм, обеспечивающий регулярное поступление способных работников, акцент делается только на одном аспекте управления талантами и уделяется меньше внимания другим параметрам. Поэтому такой подход может считаться достаточно узконаправленным [15].

Третий подход имеет субъектный подход к таланту, который рассматривает людей как «талант», а не «талант» как их «характеристику». Этот подход может быть дополнительно разделен на два подхода: эксклюзивный и инклюзивный [12].

Эксклюзивный подход предполагает, что талант присущ только отдельным людям, и поэтому ограничен. Эксклюзивность распространяется только на игроков категории «А» или «Лучших исполнителей» и требует принудительного заполнения организации исполнителями высшего класса и постепенного исключения исполнителей категории «С» из организаций (исполнители категории «С» - это те, кто не соответствует желаемым стандартам производительности) [10]. Этот подход является преобладающим и встречается во многих исследовательских работах. Он подчеркивает, что талантливые сотрудники должны быть наделены важными ролями и должностями в организациях.

Инклюзивный подход предполагает, что все сотрудники талантливы, и необходимы усилия всей организации, чтобы побудить людей исследовать и совершенствовать свои таланты, предоставляя

возможности всем [7]. Таким образом, талант не является редким явлением, то есть каждый сотрудник может быть использован в различных сценариях.

Эти подходы сыграли важную роль в разработке определения управления талантами и придали различную степень важности различным аспектам управления талантами.

Таким образом, исследователи полагаются на эксклюзивный подход к концептуализации таланта. При этом смещается акцент в определении с «Людей» или «Характеристик» на «Должность» и «Роль» [2]. Они включили «Ключевые должности» в определение управления талантами и утверждали, что эти «должности» влияют на конкурентное преимущество, которое фирма имеет перед другими организациями [15]. Этот подход может стать четвертой появляющейся перспективой в этой области и помочь организациям создать более эффективные организационные структуры, которые используют эти должности для повышения эффективности работы организации.

Применение различных точек зрения в определении управления талантами и роль этого определения в формировании отношения и практики ученых и менеджеров к управлению талантами указывает на тот факт, что это не изолированная область. ТМ имеет четкую деловую цель и, следовательно, должен быть приведен в соответствие с потребностями рынка.

Системы управления талантами, в свою очередь, определяются как коллективные системы управления персоналом и инструменты, позволяющие планировать спрос, развивать и оценивать персонал, а также подбирать способных сотрудников на нужные должности.

Можно свести ряд подходов к управлению талантами, в основном встречающихся в литературе по ТМ, и основные моменты этих определений в несколько групп:

1. ТМ - это просто расширение подфункций HR, и этот термин используется взаимозаменяемо с HRM.

2. ТМ носит более стратегический характер и фокусируется на будущих потребностях в способностях работников, которые будут отвечать будущим потребностям бизнеса.

3. ТМ избирателен и фокусируется на ключевых позициях, которые воспринимаются руководством как жизненно важные для развития долгосрочного конкурентного преимущества любого бизнеса.

4. ТМ основан на подходе к стратегическому управлению персона-

лом, основанном на возможностях и наращивании потенциала.

Тщательный обзор приведенных выше и некоторых других определений позволяет выявить несколько общих закономерностей в литературе.

1. Во-первых, процесс ТМ идентифицирует себя с людьми, которые, как считается, обладают критически необходимыми талантами, повышающими ценность организации.

2. Во-вторых, ТМ – это политика и практика управления персоналом, которые специально направлены на наем, удержание и развитие талантливых сотрудников, чтобы лучше служить целям организации.

В свете вышесказанного, ТМ как концепция может быть рассмотрена как стратегически ориентированная кадровая политика управления людьми с экстраординарными необходимыми способностями или талантами. Управление талантами, таким образом, подчеркивает разработку и эффективное применение корпоративных стратегий для эффективного использования кадрового резерва для обеспечения непрерывного притока талантов для достижения своих краткосрочных / долгосрочных целей, а общая деятельность организации согласуется с ее процессами ТМ.

Различные определения управления талантами указывают на различные подходы к изучению талантов. Однако определение таланта на практике принимается в зависимости от бизнес-стратегии организации, типа фирмы, общей конкурентной среды и других факторов. Знание различных способов определения или применения термина “талант” помогает лучше понять, как его можно использовать, и может дать новые направления для будущих исследований. На практике то, как фирмы определяют “талант”, напрямую влияет на их стратегию и практику ТМ.

Заключение. Автор исследования приходит к выводу, что термин “талант” с точки зрения управления человеческими ресурсами все еще находится на стадии эволюции и еще не закрепился как отдельный концепт в бизнес-литературе. Крайне важно, чтобы термин «талант» был принят как независимое понятие, чтобы ученые, авторы, исследователи, практики и читатели выработали общее значение этого термина.

Список литературы:

1. Петрякова С.В., Горбунова О.С., Фатеева Н.Б., Радионова С.В., Алимарданова Н.А. Управление человеческими талантами // Образование и право. 2021. № 1.

2. Алексеева И.А., Трофимова Н.Н. Формирование человеческого капитала в ВУЗах для наукоемких производств в условиях промышленных инноваций и цифровой экономики // Экономика образования. 2020. № 2 (117). С. 30-38.
3. Дмитриев Н.Д. Место рентного подхода в методах оценки интеллектуального капитала // Экономика и предпринимательство. 2022. № 6 (143). С. 1205-1211.
4. Макаренко Е.А., Песоцкий А.Б. Современные тенденции применения телематики и геймификации в страховании в России // В сборнике: Проблемы развития национальной экономики в условиях глобальных инновационных преобразований. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Сборник научных трудов. Под редакцией М.М. Шабановой. 2019. С. 106-115.
5. Аванесов А.А. Проблемы формирования эффективной системы управления талантами // Инновации и инвестиции. 2021. № 8.
6. Воронова И.В., Рассказова О.А. Информационные технологии в управлении талантами // Телескоп. 2022. № 2.
7. Алексеева И.А., Трофимова Н.Н. Методические аспекты инновационного управления человеческим капиталом системы высшего образования // Актуальные проблемы экономики и управления. 2017. № 2 (14). С. 29-33.
8. Дмитриев Н.Д. Интеллектуальный капитал в образовательной среде: формирование инновационных кадров для новой экономики // Психология человека и общества. 2022. № 4 (45). С. 36-44.
9. Карцева Е.А. Принципы успешного построения эффективной системы управления талантами // StudNet. 2020. № 4.
10. Трофимова Н.Н. специфика кадрового менеджмента в условиях нарастающего кризиса в экономике // В сборнике: Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий. Сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием. Москва, 2021. С. 177-180.
11. Иваев М.И., Гостев Д.В. Цифровые инструменты управления талантами // Индустриальная экономика. 2022. № 4.
12. Трофимова Н.Н. Стратегические аспекты внедрения талант-менеджмента в бизнес-процессы управления человеческими ресурсами наукоемкого предприятия // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2020. № 4. С. 50-55.
13. Хлудова В.А., Макаренко Е.А. Современные проблемы транспортного страхования в России // В сборнике: Актуальные вопросы экономики и управления: наука и практика. Криулинские чтения. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Курск, 2021. С. 370-376.
14. Немчук Г.Д. Особенности развития систем управления талантами // StudNet. 2021. № 6.
15. Церкасевич Л.В., Макаренко Е.А. Развитие влияния цифровизации на качество жизни населения // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 4 (63). С. 68-78.

Bibliography

1. Petryakova S.V., Gorbunova O.S., Fateeva N.B., Radionova S.V., Alimardanova N.A. Management of human talents // Education and law. 2021. № 1.
2. Alekseeva I.A., Trofimova N.N. Formation of human capital in universities for high-tech industries in the context of industrial innovation and the digital economy // Educational Economics. 2020. № 2 (117). P. 30-38.
3. Dmitriev N.D. The place of the rental approach in the methods of assessing intellectual capital // Economics and Entrepreneurship. 2022. № 6 (143). P. 1205-1211.
4. Makarenko E.A., Pesotsky A.B. Modern trends in the use of telematics and gamification in insurance in Russia // In the collection: Problems of the development of the national economy in the context of global innovative transformations. Materials of the All-Russian scientific-practical conference. Collection of scientific papers. Edited by M.M. Shabanova. 2019. P. 106-115.
5. Avanesov A.A. Problems of Forming an Effective Talent Management System // Innovations and Investments. 2021. № 8.
6. Voronova I.V., Rasskazova O.A. Information technologies in talent management // Telescope. 2022. № 2.
7. Alekseeva I.A., Trofimova N.N. Methodological aspects of innovative management of human capital in the system of higher education // Actual problems of economics and management. 2017. № 2 (14). P. 29-33.
8. Dmitriev N.D. Intellectual capital in the educational environment: the formation of innovative personnel for the new economy // Psychology of man and society. 2022. № 4 (45). P. 36-44.
9. Kartseva E.A. Principles of successful construction of an effective talent management system // StudNet. 2020. № 4.
10. Trofimova N.N. the specifics of personnel management in the conditions of the growing crisis in the economy // In the collection: The world in the era of globalization of the economy and the legal sphere: the role of biotechnologies and digital technologies. Collection of scientific articles on the results of the round table with international participation. Moscow, 2021. P. 177-180.
11. Ivaev M.I., Gostev D.V. Digital talent management tools // Industrial Economics. 2022. № 4.
12. Trofimova N.N. Strategic aspects of the implementation of talent management in the business processes of human resource management of a science-intensive enterprise // Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 3: Economics, Humanities and Social Sciences. 2020. № 4. P. 50-55.
13. Khludova V.A., Makarenko E.A. Modern problems of transport insurance in Russia // In the collection: Topical issues of economics and management: science and practice. Criulin Readings. Collection of materials of the All-Russian scientific-practical conference. Kursk, 2021. P. 370-376.
14. Nemchuk G.D. Features of the development of talent management systems // StudNet. 2021. № 6.
15. Tserkasevich L.V., Makarenko E.A. Development of the impact of digitalization on the quality of life of the population // Economics of the North-West: problems and development prospects. 2020. № 4 (63). P. 68-78.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Маслова Г.О.

Студент магистратуры кафедры психологии и педагогики филфака, Российский университет дружбы народов.

Маслов С.А.

Кандидат медицинских наук, зав. отделения НИИ (Научно-исследовательский институт) урологии имени Н.А. Лопаткина.

Пономаренко Б.Т.

Доктор исторических наук, профессор кафедры управления персоналом, ИГСУ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Особенности профессионального выгорания у врачебного персонала медицинских организаций

Для современных медицинских организаций сохранение работоспособности и профилактика профессионального выгорания врачей различных специальностей является ведущим социальным фактором их продолжительного и эффективного функционирования. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) характеризует процесс профессионального выгорания как синдром, который развивается вследствие трудового хронического стресса, при котором возникают симптомы, включающие «чувство энергетического истощения", нарастания ментальной дистанции от работы или ощущением негативизма и цинизма на работе, а также снижением трудовых результатов.

Профессиональная деформация - явление развития психологических отклонений в личности врача, возникающих как результат профессиональной деятельности, которые приводят к отрицательному влиянию на эффективность работы и воздействуют на психологическое состояние личности врача, особенно по мере накопления стажа работы и при переходе в старшую возрастную группу. Замечено, что личностно-профессиональные качества медицинских кадров, их продолжительная жизнедеятельность без проявлений профессиональной деформации и выгорания на разных этапах имеют определяющее значение для повы-

шения результативности и эффективности деятельности медицинских организаций различного типа. Это важно и потому, что в ходе структурного и содержательного обновления учреждений здравоохранения в контексте реализации Национального проекта «Развитие здравоохранения» предстоит обеспечить устойчивое профессионально-личностное развитие медицинского персонала, добиться своевременной и качественной профилактики профессионального выгорания врачей. Это становится одной из наиболее приоритетных задач оптимизации деятельности современных медицинских организаций, совершенствования управления человеческими ресурсами системы здравоохранения страны в целом.

Когнитивную дисфункцию рассматриваем как профессиональную деформацию и психологическую дезориентацию самосознания врача, возникающую вследствие перманентного воздействия внешних и внутренних факторов трудовой деятельности. Именно она формирует становление специфической профессиональной структуры личности медицинского работника. Будучи актуальной и практически значимой для теории и практики управления, проблема профессионального выгорания у врачей различного профиля рассматривается в научной литературе с таких предметных сторон как профессионализация, личность профессионала, его эмоциональное состояние, достижение профессионального «акме», профессиональное и эмоциональное выгорание. Сложность структуры синдрома профессионального выгорания обусловливает необходимость всестороннего подхода к его диагностике и устранению.

Полагаем, что достижение эффективной работы медицинского персонала лечебно-профилактических учреждений и научных медицинских центров возможно при совершенствовании диагностики и профилактики синдрома профессионального и эмоционального выгорания у кадровых работников с разным стажем работы. В процессе развития синдрома профессионального выгорания меняется представление о смысле врачебной деятельности. Это находит отражение в деформации профессиональной и организационной приверженности врачей. В эпоху освоения развитых медицинских технологий становится очевидным, что по мере накопления профессионального стажа онколога накапливаются не только профессиональные компетенции, но и негативные эмоции от неудач в диагностике и лечении, физических страданий тяжелобольных пациентов, моральный груз

ответственности и иные негативные аспекты, что в итоге приводит к профессиональному выгоранию. По завершении ординатуры молодой врач грезит об успешном лечении пациентов, разработке инновационных методик диагностики и профилактики заболеваний пациентов, карьерном росте, общественном признании, что сказывается на его эмоциональном состоянии.

В научной литературе синдром профессионального выгорания рассматривается в различных ракурсах его представления и понимания. Так, профессиональное выгорание нередко представляется «своеобразной формой профессионального заболевания, с патогенезом длительного психического напряжения, ведущей к появлению аффекта и энергетической кахексии сотрудника»[1]. К тому же, вырабатывается механизм психологической защиты в форме демпфирования эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия, как экологическую дисфункцию.

Феномен профессионального выгорания объединяет множество разноплановых признаков, принимающих индивидуальные сочетания у врачей различного возраста и стажа медицинской деятельности. При этом, степень выраженности выгорания зависит как от характера конкретного человека, специфики его деятельности, так и от морально-психологического состояния с течением времени работы. Формы профессионального выгорания становятся следствием недостатка внимания, недооценки и некритичности к своему текущему состоянию. Это может быть связано и со схожестью симптомов выгорания с банальной усталостью и плохим настроением человека. По мере сменяющихся стадий профессионального выгорания меняется личностная ориентация врача, что отражается на его профессиональных взглядах, взаимоотношениях сотрудника с коллегами, результатах работы, обесценивании своей социальной функции.

По социологическим оценкам около двух третей респондентов отмечают, что по мере прибавления возраста и стажа работы они ощущают ухудшение самочувствия и снижение профессиональной потенции при выполнении служебных функций. Подобное проблемное состояние довольно часто наблюдается в различного рода компаниях и медицинских организациях. По мере сменяющихся стадий профессионального выгорания у врачей меняется личностная ориентация, что специфиче-

1 *Чутко Л.С.* Синдром выгорания. Клинические и психологические аспекты / М.: МедПрессИнформ, 2013. 256 с.

ски сказывается на их профессиональных взглядах, взаимоотношениях с коллегами, продуктивности труда.

Рассматривая причины профессионального эмоционального выгорания у врачей с разным стажем работы отмечаем следующее. Эмоциональное выгорание в некотором роде является инстинктом самосохранения. Так, если душа человека постоянно подвергается «ранениям», то она со временем черствеет, а неудачный опыт, отсутствие результатов лечения и стрессовое состояние являются своеобразными триггерами, обуславливающими равнодушие и переживания. Профессиональное выгорание развивается в результате воздействия физиологических и психологических факторов или их сочетания.

К физиологическим причинам относятся: переутомление, недосыпание, усталость, дефицит времени на питание и отдых, ночные смены, работа без выходных или отпуска. Если после отдыха и нормализации графика работы состояние человека восстанавливается, то выгорание не наступает. И напротив, если отдых не приводит к достижению психо-эмоционального равновесия, то надо искать способы сдерживания симптомов профессионального выгорания.

К психологическим факторам, способствующим выгоранию можно отнести снижение мотивации отдельных врачей к своей профессиональной деятельности. К демотивирующим причинам относятся отсутствие карьерного роста, продолжительная работа в одной должности, ограничения в профессиональном развитии, незаинтересованность руководства клиники в инициативных предложениях персонала, низкий уровень заработной платы.

Представляется, что эмоциональное выгорание – это, прежде всего, проблема всей медицинской организации, а не только отдельных врачей и специалистов. И если в лечебном учреждении есть врач, у которого заметны симптомы выгорания, то влияет ли он на своих коллег? Если да, то каким образом? Здесь, как представляется, необходимо обратить внимание на негативный характер процесса выгорания. По сути – это явление чревато пагубностью распространения. Так, если один из врачей находится на ранней стадии профессионального выгорания, то через несколько дней могут быть замечены подобные симптомы у других его коллег. К тому же, - коллектив медицинской организации – это взаимосвязанный и взаимодействующий трудовой коллектив. И если врач выполняет свою работу некачественно, то он, тем самым, передает другим своим коллегам этот негативный опыт,

который будучи заимствованным вредит общему делу врачевания. В итоге снижается качество диагностической и лечебной помощи нуждающимся в ней пациентам, а коллективу отделения приходится исправлять ошибки коллеги. Замечено, что даже один некачественно работающий врач обходится медицинской организации дороже полноценного специалиста, поскольку работает в полсилы, не достигая ожидаемого результата врачевания.

Практический опыт авторов, как и результаты включенного наблюдения, показывают, что изменения личности медицинских работников вследствие выгорания обусловлены влиянием внутренних и внешних социальных факторов. Внутренние факторы — это модели поведения медицинских работников и личностные черты их характеров, создающие предрасположенность к профессиональному выгоранию. Внутренние факторы, способствующие синдрому выгорания, определяются индивидуальным восприятием происходящего в коллективе организации. К их числу относим: предрасположенность к эмоциональной ригидности, дезориентацию личности, слабую мотивацию эмоциональной отдачи. Симптомы «эмоционального выгорания» проявляются в снижении эмоционального тонуса, проявлении депрессии, утрате интереса к возможным источникам эмоциональной подпитки. К внешним факторам развития профессионального выгорания логично отнести: напряженный психоэмоциональный фон в отделении, чрезмерную трудовую нагрузку, повышенные требования руководства к персоналу, высокую функциональную ответственность, необъективность профессиональной оценки и др.

Ключевыми признаками синдрома выгорания медицинского персонала являются: индивидуальный предел и потолок возможностей личности противостоять истощению; внутренний психологический дискомфорт; негативный индивидуальный опыт. При развитии синдрома выгорания меняются представления врачей о необходимых для эффективной и успешной работы условиях, о профессиональных потребностях, в том числе в материально-техническом обеспечении. По мере нарастания выраженности синдрома выгорания: уменьшается значимость здорового морально-психологического климата в коллективе медицинской организации; нарастает значимость заработной платы, потребность в помощи и разделении ответственности в принятии решения за тактику лечения больного пациента. Даже при высокой степени развития синдрома выгорания сохраняется интерес к содержанию

работы и инструментально-медикаментозному оснащению медицинского отделения, а также к регулярному повышению квалификации врачей и специалистов.

Возникновение синдрома выгорания деформирует структуру профессиональной и организационной приверженности, что приводит к снижению удовлетворенности работой и эффективности труда врачей. При развитии «редукции персональных достижений» снижается нормативная приверженность как показатель групповой профессиональной и организационной принадлежности специалиста. Высокая аффективная приверженность к организации форсирует появление «эмоционального истощения», при эмоциональной привязанности к одному объекту (организации) отношение к другому (профессии) перерастает в категорию долженствования.

В сфере здравоохранения рельефно проявляются проблемы, связанные с необходимостью повышения профессионального уровня руководителей медицинских организаций, научных сотрудников, врачебного персонала, специалистов. К сожалению, нередко встречаются диспропорции в структуре медицинского персонала организаций; несоответствие качества подготовки медицинских кадров потребностям системы здравоохранения; отсутствие научно-обоснованных методов планирования численности медицинского персонала; недостаточная социальная защищенность работников здравоохранения; невысокий уровень оплаты труда медицинских работников, что обусловливает текучесть кадров; низкий уровень участия в решении кадровых вопросов профессиональных общественных организаций[2].

Профессиональное выгорание — когда человек становится ко всему равнодушен, апатичен, начинает ненавидеть работу, коллег и пациентов — настигает 60% онкологов. Таковы данные зарубежных и отечественных исследований. Как определить ранние признаки выгорания в ситуации постоянного стресса, пытаются ответить психологи, которые специализируются на терапии этого состояния. Эмоциональное выгорание связано с возникающими стрессовыми ситуациями во врачебной деятельности, когда сотрудник теряет мотивацию и чувствует себя истощенным, то его продуктивность постепенно снижается. Важное значение имеет регулярный мониторинг психологического состояния медицинского персонала, создание надлежащих условий

2 *Костин А.А., Пономаренко Б.Т., Самсонов Ю.В.* Кадровая политика в здравоохранении. – М.:Этносоциум, 2015. 96 с.

работы медицинского персонала, а иначе синдром профессионального выгорания может распространиться на весь коллектив организации. В процессе развития синдрома выгорания происходит трансформация личностного смысла профессии, что выражается в изменении субъективных представлений о профессиональной деятельности врача, что в может привести к изменению структуры профессиональной и организационной приверженности, обусловить снижение удовлетворенности работой и эффективности труда медицинских работников с разным стажем работы.

По разработанной в НМИРЦ Минздрава России методике социологической оценки профессионального выгорания у врачей с разным стажем работы проведено исследование, результаты которого показали следующее.

1. У респондентов из числа врачей отмечено развитие деперсонализации до высокого уровня. Данные были получены в двух группах медицинских кадров: у врачей-урологов и у врачей-онкологов. При анализе выявлено, что развитие деперсонализации встречено как у урологов (56.7%), так и у онкологов (46.7%). Сравнивая полученные результаты по подгруппам, установлено, что данный симптом явился ведущим независимо от специализации и квалификации врачей.

2. При сравнении групп врачей в зависимости от выработанного стажа установлено, что значительный стаж работы не приводит к увеличению числа медработников с синдромом профессионального выгорания. Таким образом считаем, что стаж работы не оказывает значительного влияния на показатели профессионального выгорания.

3. Каждая из анализируемых групп врачебного персонала сама по себе (онкология или урология) не способствуют повышению встречаемости синдрома профессионального выгорания.

Полученные результаты показывают изменение отношения врачей НМИЦ радиологии Минздрава России к выполнению должностных обязанностей в условиях противодействия распространения пандемии Covid-19. Считаем, что распространение синдрома профессионального выгорания у врачей, как онкологов, так и урологов, является важной характеристикой медицинской деятельности в современных условиях ее организации и проведения. Степень выраженности синдрома эмоционального выгорания у врачей в незначительной степени определяется их специализацией, стажем работы, видами оказания медицинской помощи пациентам. На формирование синдрома эмоционального

выгорания у врачей преимущественно влияют профессиональные факторы и личностные характеристики врачебного персонала.

Список литературы:

1.Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: методология, теория, практика. – СПб.: Из-во С.-Петерб. ун-та, 2021. 160 с.
2.Грабе М. Синдром выгорания – болезнь нашего времени. Почему люди выгорают и что можно против этого предпринять: Пер. с нем. – СПб.: Речь, 2008. 96 с.
3.Костин А.А., Пономаренко Б.Т., Самсонов Ю.В. Государственная кадровая политика в сфере здравоохранения. Научное издание. – М.:Этносоциум, 2015. 96 с.
4.Решетников А.В. Медико-социологический мониторинг: руководство / А.В. Решетников. – М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 800 с.
5.Чутко Л.С. Синдром выгорания. Клинические и психологические аспекты / М.: МЕДпрессинформ, 2013. 256 с.
6.Юрьева Л.Н. Профессиональное выгорание у медицинских работников: формирование, профилактика, коррекция / Л.Н. Юрьева. – Киев: Сфера, 2004. 271 с.
7.Улумбекова Г.Э. Здравоохранение России: 2018–2024 гг. Что надо делать? // Оргздрав: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. Изд-во ООО Изд. группа «ГЭОТАР-Медиа». – М.: 2018. 145 с.

Bibliography

1. Vodopyanova N.E. Prevention and correction of burnout syndrome: methodology, theory, practice. – St. Petersburg: From St. Petersburg. un-ta, 2021. 160 p.
2. Grabe M. Burnout syndrome is a disease of our time. Why do people burn out and what can be done about it: Per. with him. – St. Petersburg: Rech, 2008. 96 p.
3. Kostin A.A., Ponomarenko B.T., Samsonov Yu.V. State personnel policy in the field of healthcare. Scientific publication. – M.: Ethnosocium, 2015. 96 p.
4. Reshetnikov A.V. Medical and sociological monitoring: guidance / A.V. Reshetnikov. – M.: GEOTAR-Media, 2013. – 800 p.
5. Chutko L.S. Burnout Syndrome. Clinical and psychological aspects / M.: MEDpressinform, 2013. 256 p.
6. Yurieva L.H. Professional burnout in medical workers: formation, prevention, correction / JI.H. Yuriev. – Kyiv: Sfera, 2004. 271 p.
7.Ulumbekova G.E. Healthcare in Russia: 2018–2024 What to do? // Orgzdrav: News. Opinions. Education. Vestnik VSHOUZ. Publishing house LLC Izd. GEOTAR-Media group. – M.: 2018. 145 p.

Подольский В.А.

Кандидат политических наук, доцент факультета политологии. Государственный академический университет гуманитарных наук.

Доверие к институтам как фактор политических процессов в новых демократиях на примере постсоветской России

Статья подготовлена в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (проект FZNF-2022-0009 - Проблема доверия к институтам как фактор политических процессов, 122101000044-7).

Значение доверия в политике было отмечено ещё в древней политической философии: доверие необходимо как для взятия, так и для удержания власти. В политической науке XX века было выделено три вида доверия, имеющих политическое значение: частное доверие, общее доверие и доверие к институтам. Частное доверие характерно для групп, объединённых общим признаком, например, корпоративной, партийной, этнической, религиозной принадлежностью, и имеет небольшой радиус. Общее доверие – это абстрагированная готовность доверять, отражающая настроения в обществе и ряд характеристик этого общества – культуру, состояние экономики, остроту внутренних противоречий [1, p. 42]. Американский политолог Роберт Патнэм использовал термин «связующего доверия» для описания ассоциаций, объединённых общим признаком, и «соединяющего доверия» для описания ситуаций, когда объединяющей силой служит общая задача. Прочность доверия выше при связующих отношениях, но соединяющие отношения обеспечивают вынос доверия за пределы узких групп и создают условия для общего доверия и доверия институтам [2]. Доверие к институтам иерархически выше частного и общего доверия и зависит от них, но корреляция нелинейна и определяется рядом других характеристик доверяющего субъекта, включая уровень дохода и образования [1, p. 47]. Различные институты, согласно работам зарубежных и отечественных исследователей, пользуются разным уров-

нем доверия. Обычно могут быть выделены партийные – парламент – и нейтральные институты, такие, как суды, госслужащие [1, p. 41]. Доверие к партийным институтам будет зависеть от партийной принадлежности и в среднем будет ниже, также законодательная власть обычно пользуется меньшим доверием, чем исполнительная, в том числе и в России [3, с. 95].

Организация системы сдержек и противовесов при демократической форме правления означает институционализацию недоверия для защиты от злоупотреблений. Разделение властей и верховенство права создают условия, при которых исполнение обязательств обеспечивают механизмы, а не частное волеизъявление. Институциональные средства позволяют направлять конфликты между группами интересов и отдельными акторами в русло диалога и голосования [4, p. 78]. Недоверие к конкретным политикам – органичная часть демократических процедур по распределению властных полномочий. Но сами институты, которые призваны служить средством для публично-правового согласования интересов, должны пользоваться доверием, иначе демократические механизмы не смогут выполнять свои функции.

Распад СССР привёл к тому, что существовавшая вертикаль доверия была упразднена [5]. Новые демократии унаследовали сравнительно низкий уровень общего доверия и доверия к институтам. Доверие несколько выросло сразу после перехода к демократической форме правления, а затем драматически снизилось из-за воздействия ряда негативных факторов. По оценке исследователей, изначально доверие в новых демократиях было не ниже, чем в старых [6], но измерение динамики доверия показало, что новые демократии острее реагируют на эффективность институтов [7, p. 346]. На снижение доверия повлияли такие факторы, как ухудшение экономической конъюнктуры, рост бедности и неравенства, снижение качества социальной поддержки, рост преступности и межнациональных конфликтов, снижение качества работы институтов из-за коррупции. Низкое доверие к институтам было фактором, которое негативно влияло на качество их работы, а слабые институты, не пользующиеся доверием, не могли создать среду, в которой обеспечивалось бы качественное выполнение институтами функций и безопасность транзакций. Доминирование неформальной экономики затрудняло сбор налогов и финансовое обеспечение деятельности государства, что ещё больше ухудшало работу институтов. Частное доверие, сложившееся ещё в социалистический период, преобладало, и радиус доверия был небольшим. Частное доверие с ограниченным радиусом не содействует повы-

шению экономической эффективности и политической устойчивости, поскольку характерно в первую очередь либо для узких групп, либо для неформальной экономической активности и коррупции [8]. Отечественные исследователи выявили сильную зависимость доверия к институтам от уровня доверия к лицам, занимающим руководящие должности, то есть в России частное доверие сосуществует с персонализированным доверием к институтам [9, с. 49]. Такое сочетание создает риски для государства, фактически теряющего монополию на создание правил для организации взаимодействия между индивидами и группами из-за того, что совмещение частного и персонализированного доверия предполагает коммуникацию и урегулирование споров в обход существующих институтов [10, с. 75]. Персонализированное доверие многие исследователи связывают с такой серьёзной угрозой для демократии, как популизм, поскольку популизм представляет собой борьбу некоторых политиков с устоявшимися политическими силами через критику институтов. Популисты призывают граждан доверять им, а не институтам [4, p. 87]. Слабое доверие к институтам подрывает стабильность, поскольку государство вынуждено тратить больше ресурсов на обеспечение правопорядка из-за большего числа нарушений законов и правил, а получает ресурсов меньше из-за снижения мотивации граждан и компаний платить налоги. Перенапряжение административно-репрессивного аппарата создает угрозы государству и ещё больше снижает доверие к институтам.

Исследователи указывали на то, что для улучшения точности измерения доверия при формулировании вопросов необходимо указывать и на контекст доверия, и на объект доверия. С организационно-иерархической точки зрения, в демократической форме правления предполагается недоверие граждан власти, от которой требуется доверие гражданам, а в автократической предполагается недоверие власти гражданам, от которых требуется доверие власти [11, с. 380-389]. Устойчивость автократий обеспечивается, по наблюдениям исследователей, эффективностью работы институтов [4, p. 79]. Новые демократии сталкиваются с проблемой сочетания факторов, характерных для автократических и демократических режимов. С одной стороны, низкая эффективность институтов вредит их легитимности, с другой стороны, формальная опора на демократические принципы ведёт к ещё большему росту недоверия к институтам, переносимого от недоверия к конкретным политикам или решениям. Для постсоветского периода истории России, по мнению исследователей, характерна проблема демодернизации как возврата к со-

словному обществу, которое опирается не на институты, а на частное доверие, клановость, привилегии [10]. По наблюдениям исследователей, на доверие к институтам, помимо этнической и партийной принадлежности, влияли уровень образования и дохода, причём наиболее обеспеченные и образованные граждане обычно доверяли больше. Исследователи объясняли такую закономерность тем, что состоятельные граждане связывали свое благополучие с качественной работой институтов [1, p. 47]. В России же сосуществование двух факторов, демократических институтов и домодерновых практик, порождает парадоксальный феномен обратной зависимости уровня доверия от уровня благосостояния, вопреки тем закономерностям, которые обнаруживали исследователи на Западе. Недоверие к институтам, основанное на демократических установках, в России сосуществует с патриархальным доверием [10 , с. 74].

Хотя уровень доверия к институтам в России несколько вырос в XXI веке, он по-прежнему остается более низким, чем в Европе [12]. Наиболее заметный пример проявления влияния низкого доверия к институтам на политические процессы в России – реакция на пенсионную реформу. У государства были объективные причины повышать пенсионный возраст – число получателей пенсий выросло в XXI веке на 15%, или на 5 миллионов, с 38 до 43 миллионов человек, а уровень расходов на пенсии вырос с 4,5 до 7,5% ВВП. Общий объём зарплат в стране вырос в XXI веке в 16 раз, а пенсий – в 24 раза. Если в 2000 году пенсионеры составляли 25% населения, то за два десятилетия XXI века их доля выросла до 30% [13 , с. 152-154]. Сохранение уровня замещения дохода от зарплат пенсионными выплатами даже на сравнительно невысоком уровне в 30% становилось затруднительным. Из-за низкого институционального доверия отношение к пенсионной реформе было резко отрицательным. Согласно опросам Фонда «Общественное мнение», в июне 2018 года, после сообщения о реформе, против повышения пенсионного возраста выступало 80% респондентов. Пенсионная реформа, в свою очередь, отрицательно повлияла на доверие институтам, по некоторым оценкам, в моменте доверие снижалось в среднем почти на треть [14 , с. 14].

Согласно наблюдениям исследователей, важнейший фактор доверия к институтам – это их эффективность. Низкое качество работы института будет подрывать доверие к нему, особенно сильна эта закономерность в отношении институтов социальной поддержки: сокращение объёмов или снижение качества социальных услуг обычно вызывает заметный спад уровня доверия к институтам [8, p. 343]. Доверие к институтам ди-

намично. Оно может снижаться из-за тех или иных информационных поводов, негативно воспринимаемых экономических, социальных, политических или иных событий. Напротив, в случае распространения положительной информации, связанной с институтами и их деятельностью, или общих положительных экономических и социальных изменений, доверие будет возрастать. Авторы отмечают, что утраченное доверие может быть восстановлено [1, p. 41], но скорость восстановления доверия затрудняется тем фактом, что негативная информация влияет на уровень доверия сильнее, чем положительная [15, p. 102]. Так, в начале 90-х доверие к институтам в России снизилось из-за роста преступности, снижения покупательной способности населения, а в XXI веке возросло из-за улучшения экономической конъюнктуры, но рост происходил гораздо медленнее, чем снижение [10, с. 72].

Доверие основывается на опыте и зависит как от интеракции индивида с институтом, так и от мнения, сформированного индивидом об институте на основании информации, полученной через СМИ или от других индивидов. Среди всех факторов, способных снизить доверие к институтам, исследователи указывают коррупцию в качестве наиболее значимого. Имущественное неравенство, некачественную работу чиновников и злоупотребления на выборах в качестве признаков неэффективности институтов в ходе социологических опросов указывало меньшее число респондентов [3, с. 100]. Оценивая корреляцию между уровнем коррупции и доверием, исследователи указывали, что коррупция основана на частном доверии, а общее доверие снижает уровень коррупции. Низкое доверие к институтам способствует коррупции, а высокое доверие делает избыточным использование неформальных каналов и содействует снижению коррупции [16].

Особенность политических процессов в постсоветской России состоит в том, что фактор доверия при принятии решений имеет ключевое значение как при выборе из альтернатив, так и при реакции на последствия принятых решений. Рост недоверия, измеряемого через антирейтинг, воспринимается как значимый риск при оценке эффективности работы институтов и принятии политических решений [17]. Низкое доверие к институтам осложняет принятие непопулярных политических решений, поскольку в старых демократиях институты могли канализировать недовольство через электоральные механизмы, а в новых демократиях протестные настроения создают риски, которые могут приводить к неприемлемым последствиям. В старых демократиях политики

могли терять власть из-за снижения уровня электоральной поддержки и роста недоверия, но в следующем электоральном цикле вновь выигрывать выборы в случае, если практика подтверждала правоту их действий. В новых демократиях рост недоверия к институтам вследствие неприятия некоторых решений или результатов политических процедур создавал угрозу не только конкретному правительству, но и самой демократической форме правления, поскольку повышал угрозу сворачивания демократии [8, p. 339].

Исследователи указывают на ряд предпосылок для доверия к институтам, но важнейшим следует считать их эффективность. Прозрачность работы институтов, хорошо настроенная коммуникация с населением, и надлежащее качество услуг вкупе с высокой скоростью работы увеличивают доверие к институтам. В постсоветской России уровень доверия к институтам увеличился вместе с улучшением экономической конъюнктуры и снижением уровня преступности. Характер влияния доверия на политические процессы в новых демократиях в целом и в постсоветской России в частности выражается в ряде особенностей. Во-первых, новые демократии острее реагируют на эффективность институтов, чем старые. Во-вторых, конфликты и девиантное поведение, которые сдерживала автократическая форма правления, негативно повлияли на уровень доверия к институтам, что затруднило подготовку и реализацию надлежащей реакции государства на эти вызовы в рамках правовых процедур. В-третьих, антирейтинг институтов и риск его увеличения оказывает существенное влияние на процесс принятия решения. В-четвёртых, для России характерна персонализация доверия при оценке уровня доверия к институту. Если доверие к должностному лицу, обеспечивающему функционирование института, высоко, то это доверие будет экстраполировано на сам институт. Объём работы, проделанный в России для повышения доверия к институтам, отличается от региона к региону и от ведомства к ведомству. Высокий уровень доверия важен для сохранения политической, экономической и социальной устойчивости и надлежащего функционирования институтов. Согласно исследованиям о взаимосвязи видов доверия, доверие к институтам содействует росту общего доверия и снижает издержки на защиту от злоупотреблений, позволяя использовать больше ресурсов институтов для выполнения их основных функций. Продолжение работы по улучшению эффективности институтов, следовательно, будет оказывать благотворное влияние на стабильность и соблюдение процедур в рамках политических процессов.

Список литературы:

1. Newton K., Stolle D., Zmerli S. Social and Political Trust // The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. P. 37-56.
2. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
3. Терин Д.Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 2. С. 90-109.
4. Warren M.E. Trust and Democracy // The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. P. 75-94.
5. Данилов С.А. Политический порядок и доверие: риски посткоммунистического транзита // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2015. Том 15. Выпуск 4. С. 18-23
6. Mishler W., Rose R. Trust, distrust and skepticism: Popular evaluations of civil and political institutions in post-communist societies // Journal of Politics, 1997. Vol. 59. Issue 2. P. 418-451.
7. Thomassen J., van der Kolk H. Effectiveness and political support in old and new democracies // The Comparative Study of Electoral Systems. Ed. by Klingemann H.D. New York: Oxford University Press, 2009.
8. Letki N. Trust in Newly Democratic Regimes // The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. P. 336-352.
9. Гужавина Т.А. Доверие как форма поддержки социальных институтов // Государство, гражданское общество и стабильность, 2019. № 4. С. 40-54.
10. Мартьянов В.С. Доверие в современной России: между поздним Модерном и новой сословностью? // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. Екатеринбург, 2017. Том 17. Выпуск 1. С. 61-71.
11. Штомпка П. Доверие – основа общества. Москва: Логос, 2012. 440 с.
12. Половнёв А. В. Доверие институтам государства: Россия в контексте общеевропейских тенденций // Вестник МГЛУ. 2015. Выпуск 2 (713). С. 116-132.
13. Российский статистический ежегодник. 2021. Москва: Росстат, 2021. 692 с.
14. Ильин В.А., Морев М.В. Пенсионная реформа и нарастающие проблемы легитимности власти // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 9-34
15. Kramer R.M. Ingroup-Outgroup Trust: Barriers, Benefits, and Bridges // The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. P. 95-115.
16. Uslaner E.M. Corruption, Inequality, and the Rule of Law: The Bulging Pocket Makes the Easy Life. New York: Cambridge University Press, 2008.
17. Никовская Л.И., Якимец В.Н. О состоятельности институтов публичной политики // Власть, 2015. № 6. С. 16-22.

Bibliography

1. Newton K., Stolle D., Zmerli S. Social and Political Trust // The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. P. 37-56.
2. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. New York: Simon & Schuster, 2000. 541 p.
3. Terin D.F. The construction of political trust in Russia: the efficiency and justice of political institutions // Sociological journal. 2018. Volume 24. № 2. P. 90-109.
4. Warren M.E. Trust and Democracy // The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. P. 75-94.
5. Danilov S.A. Political Order and Trust: Risks of Post-Communist Transit // Bulletin of the Saratov University. New series. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2015. Volume 15. Issue 4. P. 18-23
6. Mishler W., Rose R. Trust, distrust and skepticism: Popular evaluations of civil and political institutions in post-communist societies // Journal of Politics, 1997. Vol. 59. Issue 2. P. 418-451.
7. Thomassen J., van der Kolk H. Effectiveness and political support in old and new democracies // The Comparative Study of Electoral Systems. Ed. by Klingemann H.D. New York: Oxford University Press, 2009.
8. Letki N. Trust in Newly Democratic Regimes // The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. P. 336-352.
9. Guzhavina T.A. Trust as a form of support for social institutions // State, civil society and stability, 2019. № 4. P. 40-54.
10. Martyanov V.S. Trust in modern Russia: between the late Modern and the new class? // Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Yekaterinburg, 2017. Volume 17. Issue 1. P. 61-71.
11. Sztompka P. Trust is the basis of society. Moscow: Logos, 2012. 440 p.
12. Polovnev A. V. Trust in the institutions of the state: Russia in the context of pan-European trends // Vestnik MSLU. 2015. Issue 2 (713). P. 116-132.
13. Russian statistical yearbook. 2021. Moscow: Rosstat, 2021. 692 p.
14. Ilyin V.A., Morev M.V. Pension reform and growing problems of legitimacy of power // Economic and social changes: facts, trends, forecast. 2018. Vol. 11. № 4. P. 9-34
15. Kramer R.M. Ingroup-Outgroup Trust: Barriers, Benefits, and Bridges // The Oxford Handbook of social and political trust. Ed. by Uslaner E.M. New York: Oxford University Press, 2018. P. 95-115.
16. Uslaner E.M. Corruption, Inequality, and the Rule of Law: The Bulging Pocket Makes the Easy Life. New York: Cambridge University Press, 2008.
17. Nikovskaya L.I., Yakimets V.N. On the solvency of public policy institutions // Power, 2015. № 6. P. 16-22.

Демидова Е.Н.
Кандидат философских наук. Доцент
Высшей школы международных отношений Гуманитарного института.
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Некоторые аспекты идеологии современной России

Термин «идеология» появился в восемнадцатом веке. С тех пор не утихают дискуссии и острые споры об осмыслении данного понятия, а также о его наполнении. В России данные дискуссии ведутся особенно настойчиво, в связи с распадом Советского Союза и поиском новой идентичности страны.

Наша страна, развиваясь в течение многих сотен лет, всегда играла заметную роль в международных отношениях, что объективно нашло свое отражение в системе идеологических воззрений, свойственных российскому народу.

Наше государство, возникнув в 9 столетии н.э., формировалось в условиях большой территории, значительного количества населения, преимущественно славянских племен и постоянно испытывая агрессивные попытки сопредельных народов, этносов, государств подчинить нашу страну власти других государственно-этнических образований. В силу данных обстоятельств, российская государственность подвергалась серьезным испытаниям на протяжении многовекового развития. В соответствие с объективными и субъективными факторами, влиявшими на образование столь обширной страны, российское государство приобретало и трансформировалось в различные формы политико-территориального устройства.

В начале первого этапа существования российской государственности это было обширное государство – великое княжество киевское, под общим историческим названием – Киевская Русь. По своей площади оно превосходило все государства европейского континента и оказывало существенное влияние на другие государства Европы. Весьма значимым культурно-политическим обстоятельством, оказавшем глубокое влияние на процесс формирования единого российского государства оказало принятие в качестве государственной религии православного христианства.

Данный факт сыграл весьма положительную роль в становлении устойчивых взаимосвязей между основными славянскими племенами, вошедшими в состав единого государства. Уже тогда жители древней Руси осознавали свою принадлежность к большой и могучей стране и объективно связывали с этим фактом возможность получить от государства помощь и защиту, в случае иностранной агрессии или стихийных бедствий, которые в той или иной степени существенно осложняли нормальную повседневную жизнедеятельность миллионов жителей древней Руси.

Такие географические, исторические, национальные обстоятельства заложили прочный фундамент идеологических представлений рядовых членов общества о том, что единство всех живущих на территории русского государства является определяющим фактором независимости и стабильного развития страны в целях достижения более лучших социально-политических условий жизни каждого человека.

Это концептуальное положение, несмотря на все исторические, социальные, политические изменения, происходившие на нашей обширной территории, сохранило свою устойчивую позицию в общественном сознании абсолютного большинства населения российской державы.

В истории можно найти массу примеров, когда единство всего населения российского государства перед лицом иностранной интервенции становилось основополагающим концептом, позволявшем сплотить рядовых граждан страны в целях достижения единой национальной идеи. «В нашем народе тема единства всегда переживалась особенно. В единстве видели возможный способ отстоять свою свободу и творчески вести строительство национальной жизни [2].

В 1612 г. народное ополчение, в которое входили представители самых различных слоев и групп населения российского государства сумело разгромить польских интервентов, захвативших столицу город Москву. Этот факт нашел свое реальное воплощение в официальные государственные праздники – дне единства, который отмечается 4 ноября. Тем самым одной из основных положений политической идеологии России, нашедшее свое воплощение в идее всенародного объединения, получило свое реальное закрепление в качестве государственного праздника.

Кроме единства, в качестве одного из основных политических постулатов идеологии современного российского государства ярко проявляется такой аспект как патриотизм. Эта грань идеологии российского общества зримо присутствует в различные моменты исторического формирования столь обширного государства как Россия. Патриотизм на-

шего народа является одной из основополагающих черт национального менталитета и его реальное воплощение проявляются в том, что в периоды трудных испытаний преобразований и трансформирования привычных моделей жизнедеятельности многомиллионного российского общества он позволяет сформулировать наиболее адекватные требования к поведению личности в условиях тех трудностей, которые нередко встречались нашему государству в различные периоды времени. В разные периоды истории нашего государства российский народ объективно проявлял многочисленные примеры патриотического отношения служения Отечеству, так как стране приходилось часто отражать внешнюю агрессию со стороны других государств, стремившихся поработить или даже уничтожить Россию. Это обуславливало необходимость именно патриотического отношения любого представителя российского населения к выполнению своего долга по защите независимости и целостности страны перед лицом внешних угроз.

В различные исторические моменты наши соотечественники в своих действиях проявляли массовый патриотизм, граничивший с самоотверженностью, стойкостью и героизмом. Достаточно вспомнить период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг, когда миллионы советских граждан в условиях фашисткой агрессии против нашего государства в реальной действительности шли на любые жертвы, не думаю о своей жизни, совершали подвиги на фронте и в тылу, стремясь добиться победы над идеологией нацизма, что воплотилось в конечном итоге в исторической победе над фашисткой Германией и тем самым спасти мир от угрозы торжества немецкого национализма на земном шаре.

При этом, советский народ в тот период, проживая в условиях тоталитарного политического режима сталинской диктатуры, несмотря ни на что, сумел путем массового самопожертвования и героизма полностью изменить ход Второй мировой войны.

Россия, являясь правопреемником СССР в политико-правовом аспекте может гордится успехами нашего государства в предыдущие десятилетия, в течение которых после разгрома фашисткой Германии наша страна добилась весомых успехов в разнообразных сферах научного, экономического, национального, культурного развития, что является фундаментом для укрепления патриотических чувств граждан России по отношению к достижениям государством значимых результатов во многих отраслях жизнедеятельности общества. Достаточно привести в качестве объективного факта, что именно наш соотечественник Юрий

Гагарин был первым представителем земной цивилизации, который совершил космический полет, что имеет непреходящее историческое значение для начала новой эры существования человечества.

Примером воспитания патриотизма и служения Отечеству может служить система воспитания российского дворянства. Молодежь воспитывалась в идеале служения Отечеству. «Подчеркнем, что решающая установка в воспитании дворянского ребенка состояла в том, что его ориентировали не на успех, а на идеал. Быть храбрым, честным, образованным ему следовало не для того, чтобы достичь чего бы то ни было (славы, богатства, высокого чина), а потому, что он дворянин, потому что ему много дано, потому что он должен быть именно таким» [3].

В системе политических идеологических установок российского общества существенное значение имеет коллективизм. Данная грань политического мировоззрения населения нашей страны нашла свое воплощение в разные периоды истории российской государственности и является одной из существенных особенностей политической идеологии, свойственной многомиллионным массам населения российской державы. В условиях, когда страна осваивала громадные пространства евразийского континента, отличавшиеся значительной протяженностью и часто сложными климатическими условиями российский народ, прикладывал массовые усилия для успешной экспансии в ранее не цивилизованные области, расположенные на значительном удаление от центров государственной жизни. Такие обстоятельства требовали объединения значительных по численности социальных общностей, чтобы коллективным трудом успешно решить задачи социально-экономического, культурного развития обширных территорий и добиться достаточно высокого уровня приспособления многомиллионного народа к непростым природным условиям, характерным для многих регионов столь обширного государства, которым всегда являлась Россия. На протяжении сотен лет истории российского народа можно объективно отметить векторы последовательной экспансии десятков и сотен тысяч людей для освоения больших площадей российского Севера, Урала, Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии, что требовало в качестве объективной черты создания коллективов российских землепроходцев, которые успешно решали задачи по присоединению в состав государства новых земель и районов, отличавшихся природными богатствами и разнообразием населения, проживающих в этих новых анклавов единой страны.

Часто задачи, возникавшие перед населением нашей страны, не могли

быть разрешены без создания коллективных форм политико-государственной активности, в рамках которых важнейшие вопросы политической действительности разрешались наиболее приемлемыми способами, с точки зрения перспектив дальнейшего развития России как независимого мощного многонационального образования, занимавшего достойное место в палитре международных отношений.

В ходе многовековой истории существования нашей страны исключительную роль играло сельское хозяйство так как суровые климатические условия объективно требовали значительных усилий для производства продовольствия, чтобы обеспечить многомиллионное население. Данный фактор влиял на особенности жизнедеятельности сельского населения российского государства как основной части российского общества, в которой в силу исторических и природных условий сформировалась такая форма коллективной взаимопомощи как сельская община. В нее входили абсолютное большинство жителей, занятых производством продукции и такое устойчиво социально-классовое объединение сохраняло свою жизнеспособность на протяжении многих сотен лет исторического пути нашего государства.

В периоды, когда перед Россией вставали острые социально-политические проблемы, они на самым высшем государственном уровне разрешались путем формирования специальных органов власти, имевших ярко выраженную коллективную природу.

Так в частности, в истории нашей страны значительную роль сыграли Земские Соборы, которые собирались в наиболее острые моменты существования нашей страны и именно на них решались наиболее важные проблемы сохранения и укрепления национальной независимости. В качестве примера можно привести проведение таких соборов в 17 столетии, которые имели исключительное значение для дальнейшего развития Московского Царства. Коллективизм был присущ и таким формам политико-социальной активности населения как Земства, сыгравшими важную роль в формировании демократических институтов управления территориями нашей обширной страны.

В период революционного движения в 20 столетии в России значительное распространение получили такие формы коллективной политической власти как Советы, в работе которых активное участие принимали многомиллионные массы тружеников. В Советском Союзе именно Советы являлись основой политической системы всего общества. В настоящее время в Российской Федерации успешно реализуются такие по-

литико-правовые образования как органы местного самоуправления, в деятельности которых учувствуют сотни тысяч представителей всех слоев российского общества. То есть, коллективизм исторически присущ политической идеологии развития нашей государственности.

Новые формы экологических поселений, появившиеся не так давно использовали данную историческую черту, присущую россиянам в организации жизнедеятельности. Любопытно изучить данный опыт, поскольку организация таких поселений происходила добровольно, на основе личного желания участников.

«Черты коллективизма в досуговых практиках жителей экологических поселений лежат на поверхности и прослеживаются явно. Причем как в массовых мероприятиях, организованных для поддержания статуса и жизни в поселении, так и в более частных, проводимых в рамках отдельной общины родовых поместий» [1].

Вопрос идеологии в России, поиск национальной идеи, идеала общества и гражданина сегодня на пике актуальности. Составляющие идеологии России формировались в течение длительной истории, имеют особое переплетение и в разные периоды истории на арену выступали различные компоненты. Последние десятилетия в России ведутся попытки разработать идеологический объединяющий вектор, однако на данный момент еще не сложилась система, которая была бы ясной, пробуждающей веру, а также желание и мотивацию ей следовать. Между тем в различные периоды истории России, на различных территориях были проявлены примеры, которые могут служить духовным ориентиром для многих людей.

Список литературы:

1. Демидова Ю.А. Коллективизм и индивидуализм в сообществах родовых поместий на примере двух экологических поселений Центральной Росси // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 5. С. 26-41.
2. Кирилл, митрополит Смоленский и Калининградский. Духовно-нравственные ценности, единство народа, ответственность государства и общества – слагаемы национального успеха России. / Вестник Российской нации 2008. № 1. С. 129-135.
3. Муравьева О.С. Как воспитывали русского дворянина. Опыт знаменитых семей России – современным родителям / О.С. Муравьева — «Эксмо», 2013.

Bibliography

1. Demidova Yu.A. Collectivism and individualism in the communities of family homesteads on the example of two ecological settlements in Central Russia // Historical journal: scientific research. 2020. № 5. P. 26-41.
2. Kirill, Metropolitan of Smolensk and Kaliningrad Spiritual and moral values, the unity of the people, the responsibility of the state and society are the components of Russia's national success. / Bulletin of the Russian nation 2008. № 1. P. 129-135.
3. Muravyova O.S. How a Russian nobleman was brought up. The experience of famous families of Russia - to modern parents / O.S. Muravyov - "Eksmo", 2013.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Московский государственный институт международных отношений

Косырева М.С.

Доктор филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков,
Новосибирский военный орден
Жукова Институт войск национальной гвардии.
Новосибирский военный институт имени генерала армии
И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

Табареков Д.М.

Аспирант, Сибирского института управления – филиала,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации.

Радикализм, экстремизм и терроризм в рецепции глобальных медиа

Политический дискурс в современном глобальном медиапространстве все чаще оперирует конфронтационными сценариями. В бурном потоке подлинных и фейковых новостей субъектами политического процесса становятся пользователи социальных сетей, к которым не предъявляется никаких особых требований ни в плане профессиональном, ни в плане техническом, ни в плане финансовом, ни в плане этическом. Это привело к беспрецедентной вульгаризации глобальной политической коммуникации[1]. Одним из весьма неприятных последствий вульгаризации глобальных медиа является профанация базовых понятий политической реальности. Данная ситуация весьма удобна для эмоционального навешивания ярлыков, но совершенно бесперспективна для адекватного политического анализа. В данной работе предпринимается попытка дефиниции понятий «радикализм», «экстремизм» и «терроризм» в рецепции глобальных медиа.

Отсутствие общего понимания дефиниции даже весьма широко используемых понятий является одной из проблем, с которыми традиционно сталкиваются ученые, политики и представители массмедиа. Это особенно отчетливо проявляется при анализе понятий «радикализация», «экстремизм» и «терроризм». Последствия коммуникативной

1 *Bogoslovskaya V.R., Dolgenko A.N., Murashko S.F. & Rudakova S.V.* New Media and Vulgarization of the Global Media Space: The Power of History – the History of Power, 2020. Volume 6. Issue 3. (21). P. 398.

дисфункции, когда ученый имеет в виду одно, политик имеет в виду другое, журналист понимает третье, а блогер – четвертое, массовая аудитория понимает что угодно, а подчас уже ничего не понимает. Это весьма опасно по отношению к такой чувствительной теме. Поэтому уяснение содержания и дефиниции понятий «радикализм», «экстремизм» и «терроризм» в рецепции глобальных медиа представляется чрезвычайно важным и своевременным.

Обзор мнений экспертов в сфере радикализма, в полной мере свидетельствует о множественности различных значений, которые массмедиа вкладывают в это понятие. Некоторые интерпретируют феномен радикализма в широком смысле, полагая, что это процесс, в ходе которого отдельные люди и социальные группы приходят к определению далеко идущих изменений, которые они хотят видеть в обществе, и начинают предпринимать шаги по достижению этих целей. Они предполагают, что стремление к этим изменениям может представлять или не представлять угрозу существующему порядку и может включать или не включать применение силы или угрозу насилия. Фактически речь идет о процессе радикализации. Другие склонны смешивать процесс радикализации с процессом, в котором люди и социальные группы понимают и, что особенно важно, принимают необходимость применения насилия для достижения своих целей.

В данном контексте важно учитывать различие между ненасильственной и насильственной радикализацией. В первом случае социальные группы выступают за кардинальные изменения в функционировании государства, религиозных организаций и корпораций, но их требование перемен выражается ненасильственными средствами. Это означает не, что они пассивны, а лишь то, что их идеологический или стратегический выбор не позволяет им причинить прямой вред людям или имуществу. Те же, кто считает радикализацию частью процесса, ведущего к насилию, предполагают, что насильственная радикализация – это процесс, в ходе которого людей побуждают принимать участие в террористической деятельности или к поддержке и помощи террористам в их деятельности[2].

Помимо проведения различия между насильственными и ненасильственными процессами радикализации для современных массмедиа актуальна также и другая дифференциация: радикализации взглядов и ра-

2 См.: *Dzhekova R., Stoynova N., Kojouharov A., Mancheva M., Anagnotstou D., & Tsenkov E.* Understanding Radicalisation: Review of Literature. Centre for the Study of Democracy, 2016. P. 7-13.

дикализации поведения. Некоторые эксперты проводят различие между когнитивной и поведенческой радикализацией[3]. При этом они утверждают, что процесс развития радикальных или экстремистских идеологий или убеждений (когнитивная радикализация) не обязательно приводит к радикализации поведения. А радикализация поведения совсем не обязательно приводит к тому, что люди начинают прибегать к насилию или терроризму. Может существовать связь между радикальными идеологическими убеждениями и применением крайнего насилия, но действия и убеждения не зависят друг от друга.

Следует отметить, что существуют и другие пути к насилию (поведенческая радикализация), которые не требуют принятия экстремистского образа мышления. Они включают в себя давление со стороны сверстников и действия в знак солидарности с друзьями и близкими. Другие эксперты утверждают, что нельзя отделять политические убеждения от политических действий и предполагают, что действия должны быть подкреплены убеждениями. Они считают, что когнитивные и поведенческие аспекты радикализации нельзя разделять[4].

Примечательно, что определения радикализма, используемые правоохранительными органами и спецслужбами многих стран, как правило, усматривают прямую связь между радикализацией и поддержкой применения насилия и террористических актов. Известный эксперт по вопросам терроризма и экстремизма А. Далгаард-Нильсен дает определение радикализации, которое отражает обобщающее представление о данном феномене, фигурирующее в глобальном медиапространстве: «Радикал – это человек, испытывающий глубокое желание фундаментальных социально-политических изменений, а радикализация – это растущая готовность преследовать и поддерживать далеко идущие изменения в обществе, которые противоречат или представляют прямую угрозу существующему порядку, насильственная радикализация – это процесс, в котором радикальные идеи сопровождаются развитием готовности к прямой поддержке или участию в насильственных действиях»[5].

Экстремизм – это еще один термин, который имеет множество значений в восприятии и понимании глобальных медиа. Он может использоваться для описания идей, которые диаметрально противоположны

3 См., напр.: *Dalgaard-Nielsen A.* Violent Radicalization in Europe: What We Know and What We Do Not Know. Studies in Conflict and Terrorism, 2010. № 33 (9). P. 797-814.

4 *Dzhekova R., Stoynova N., Kojouharov A., Mancheva M., Anagnotstou D., & Tsenkov E.* Understanding Radicalisation: Review of Literature. Centre for the Study of Democracy, 2016. P. 7–13.

5 *Dalgaard-Nielsen A.* Violent Radicalization in Europe: What We Know and What We Do Not Know. Studies in Conflict and Terrorism, 2010. № 33 (9). С. 798.

основным общественным ценностям, или для описания безжалостных методов, которые используют люди в попытке навязать свои идеи другим. Это также термин, который часто используется для описания идей или действий людей, которые были радикализированы[6]. Но эти термины не следует смешивать. Известный исследователь А. Шмид предлагает проводить различие между радикалами и экстремистами. Радикалы могут рассматриваться как люди, которые хотят произвести кардинальные перемены в обществе, но при этом признают разнообразие и верят в силу разума и возможность компромисса. В отличие от них, экстремисты стремятся создать однородное общество, основанное на жестких, догматических идеологических постулатах; они стремятся сделать общество конформистским, подавляя оппозицию и порабощения меньшинство. Ученый полагает, что все экстремисты, будь то левые или правые, религиозные фундаменталисты или этнонационалисты, поддерживают одни и те же методы и идеалы, когда речь идет о достижении их целей. К ним относятся использование силы и насилия вместо убеждения, единообразие вместо разнообразия, коллективные цели вместо индивидуальных свобод, а также принуждение к действию. Они также тоталитарны и видят мир в черно-белых тонах: «Ты либо с ними, либо против них, ты часть проблемы или часть ее решения»[7].

Экстремистские политические программы, как правило, должны быть антиконституционными, недемократическими, авторитарными, фанатичными, нетерпимыми, бескомпромиссными. Они отвергают верховенство закона, стремятся реализовать свои цели любыми средствами, включая, когда появляется возможность, применение массового политического насилия против оппонентов. Однако не все политологи и представители массмедиа согласны с тем, что экстремизм обязательно является насильственным. Некоторые проводят различие между «насильственными экстремистскими группами» и «ненасильственными экстремистскими группами». Они считают, что ненасильственные экстремисты обеспечивают путь, который ведет к вовлечению в насильственную деятельность, в том числе террор, в то время как другие утверждают, что ненасильственные экстремистские группы могут играть определенную роль в профилактике обращения людей к насилию. При этом не всег-

6 См.: *Neumann P.R.* Countering Violent Extremism and Radicalisation that Lead to Terrorism: Ideas, Recommendations, and Good Practices from the OSCE Region. International Centre for the Study of Radicalisation (ICSR), King's College London. 2017.

7 *Schmid A.* Radicalisation, De-Radicalisation, Counter Radicalisation: A Conceptual Discussions and Literature Review. 2013. P. 8.

да легко провести различие между первыми и вторыми, утверждая, что группы, отвергающие такие ценности, как демократия, гендерное равенство, плюрализм, отделение государства от религии, свобода мысли и выражения, законы, созданные человеком, уважение к правам человека, становятся сомнительными союзниками в борьбе с терроризмом. Такие группы, как полагает А. Шмид, могут не поддерживать методы террористов, но они склонны поддерживать цели политических групп, которые способны прибегнуть к насилию[8].

Приходится констатировать, что в современной политической коммуникации зачастую термин «экстремист» используется весьма часто и весьма вольно, чаще всего – чтобы маргинализировать политических оппонентов. Однако это не тот термин, который можно использовать легкомысленно и просто навешивать на других ярлыки экстремистов. В конце концов, простое несогласие с нормой, с пресловутыми правилами еще не является экстремизмом, но стремление навязать другим свой образ мышления, не терпящий различий, можно считать экстремистским.

Терроризм – это еще один термин, который в современной политической коммуникации используется настолько вольно, что в рецепции глобальных медиа практически утратил свое значение. Фактически он стал клеймом позора, которое свободно используется любым субъектом, желающим осудить деятельность своих политических противников: правительства используют этот термин для обозначения политических групп, борющихся против них; правящие элиты используют этот термин для демонизации политических противников, участвующих в акциях протеста и актах гражданского неповиновения[9]. Для многих это, похоже, вопрос точки зрения, четко выраженной в часто употребляемом выражении: «Что террорист для одного человека – то борец за свободу для другого»[10].

Хотя борьба интерпретаций в медиапространстве продолжается, некоторые конкретные категориальные признаки терроризма присутствуют во многих дефинициях, разработанных учеными и политиками. Эти признаки весьма наглядно представлены Тао Вангом и Цзюнь Жуаном в

8 *Schmid A.* Radicalisation, De-Radicalisation, Counter Radicalisation: A Conceptual Discussions and Literature Review. 2013. P. 9-10.

9 См.: *Neumann P.R.* Countering Violent Extremism and Radicalisation that Lead to Terrorism: Ideas, Recommendations, and Good Practices from the OSCE Region. International Centre for the Study of Radicalisation (ICSR), King's College London. 2017.

10 См.: du *Toit P.* Handbook: A Conflict Sensitive Approach to Reporting on Conflict and Violent Extremism. 2013.

работе «Подлинное значение терроризма и противодействие терроризму»[11]. По мнению ученых, терроризм – это методология или стратегия, предполагающая систематическое использование насилия для реализации определенных политических, религиозных или идеологических целей, тесно связанных с верой и убеждениями в мирное или конфликтное время. Взрывы автомобилей, перестрелки и ножевые ранения могут иметь признаки террористических атак, но мы не можем назвать их таковыми, пока не будем уверены, что действия нападавших мотивированы радикальной религиозной, идеологической или политической целью. Насильственные действия, мотивированные личными желаниями самовозвеличивания, мести и злобы, не имеют долгосрочных целей и не должны рассматриваться как террористические акты.

Террористические атаки осуществляются группами людей, действующими для достижения общих целей. Единичные акты насилия, совершаемые «одиноким волком», являются преступными деяниями, но обычно не рассматриваются как террористические акты. Тем не менее, в некоторых случаях действия, совершаемые отдельными лицами или небольшими группами от имени террористических организаций, могут рассматриваться как терроризм, даже если нападающие не принадлежат к организации, от имени которой они действуют.

Суть терроризма заключается в его намерении вызвать психологическое воздействие на общество, выходящее за рамки непосредственных жертв. Нападения предназначены для того, чтобы быть драматичными и вызывать страх в обществе. Насилие может применяться без разбора, сея максимальный страх, когда люди понимают, что никто не находится в безопасности. Поэтому даже неудачные нападения могут считаться успешными, если они вызывают страх и панику. Кроме того, чтобы считаться террористическим актом, нападения, как правило, должны быть направлены на «некомбатантов» (имеются в виду гражданские лица). Террористические акты могут также включать в себя уничтожение имущества, которое высоко ценится теми, против кого направлены террористические акты. Именно они стали особенно распространены в последнее время. Примерами могут быть разрушение важных объектов глобальной экономики (взрывы на Северных потоках), мест поклонения (снос памятников советским воинам в некоторых странах Европы), древних артефактов (уничтожение Паль-

11 *Wang T. & Zhuang J.* The True Meaning of Terrorism and Response to Terrorism. Social Sciences, 2017. № 6 (6). P. 160-168.

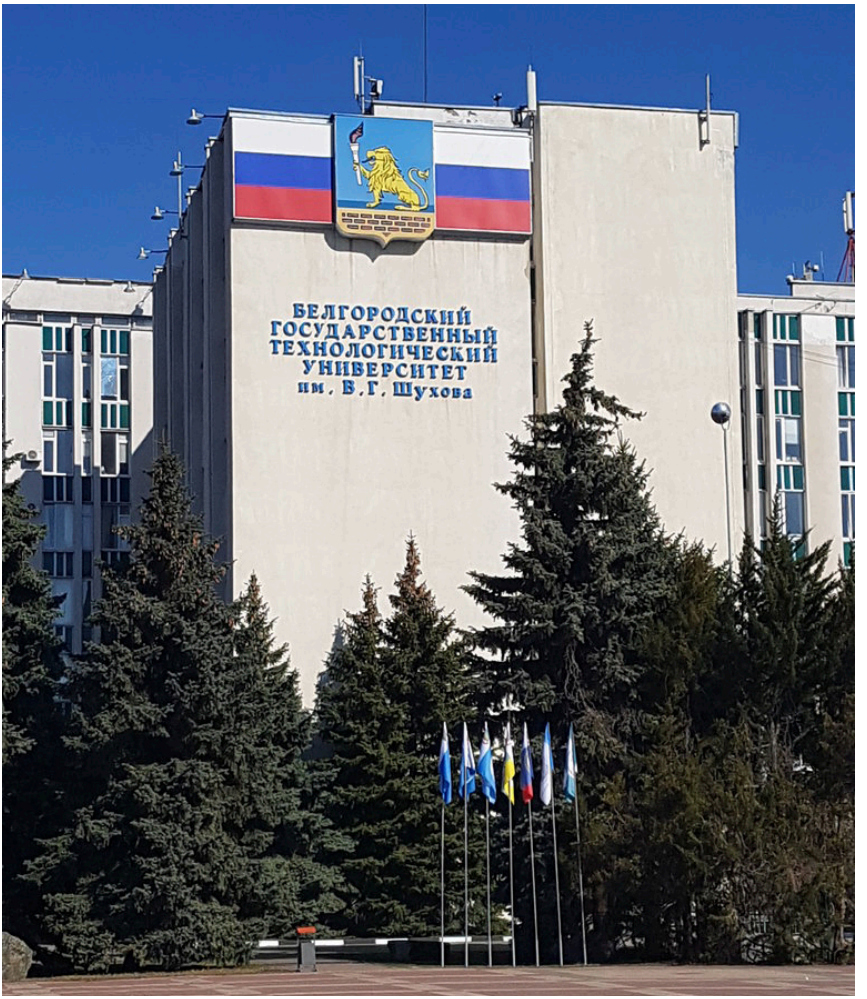
миры) и объектов культурного наследия (порча уникальных произведений живописи в музеях мира).

Приведенные в данной работе признаки радикализма, экстремизма и терроризма представляют собой основной набор показателей, на которые глобальные медиа опираются при принятии решения, применимы или неприменимы данные термины к конкретному контексту, лицу или событию. Однако гораздо важнее то, что они также могут позволить каждому решить, справедливо ли обвинение политических оппонентов в радикализме, экстремизме, терроризме или нет. Это не только поможет увереннее чувствовать себя в глобальном информационном потоке, но, в конечном итоге, способствует укреплению устойчивости общества, которое всегда потенциально уязвимо для радикальных идей – внешне весьма привлекательных и доступных для понимания, но в действительности всегда опасных, а подчас и просто гибельных для личности, общества и государства.

Список литературы / Bibliography

1. Bogoslovskaya V.R., Dolgenko A.N., Murashko S.F. & Rudakova S.V. New Media and Vulgarization of the Global Media Space: The Power of History –the History of Power, 2020. Volume 6. Issue 3. № 21. P. 394-401.
2. Dalgaard-Nielsen, A. Violent Radicalization in Europe: What We Know and What We Do Not Know. Studies in Conflict and Terrorism, 2010. № 33(9). P. 797-814.
3. Dzhekova R., Stoynova N., Kojouharov A., Mancheva M., Anagnotstou D. & Tsenkov E. Understanding Radicalisation: Review of Literature. Centre for the Study of Democracy, 2016. P. 7-13.
4. Neumann P.R. Countering Violent Extremism and Radicalisation that Lead to Terrorism: Ideas, Recommendations, and Good Practices from the OSCE Region. International Centre for the Study of Radicalisation (ICSR), King's College London. 2017.
5. Schmid A. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter Radicalisation: A Conceptual Discussions and Literature Review. 2013.
6. du Toit P. Handbook: A Conflict Sensitive Approach to Reporting on Conflict and Violent Extremism. 2013
7. Wang T. & Zhuang J. The True Meaning of Terrorism and Response to Terrorism. Social Sciences, 2017. № 6 (6). P. 160-168.
8. Zuber C.I. Szöcsik E. Ethnic outbidding and nested competition: Explaining the extremism of ethnonational minority parties in Europe // European Journal of Political Research, 2015. № 54. P. 784-801.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ



Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова

Гу Ли
Аспирант, Балтийский федеральный университет.

Драматические лингвистические особенности рассказов Б. Юльского

Исследование осуществлено при финансовой поддержке «Научно-художественный проект провинции Хэйлунцзян (общий проект) комплексного изучения искусства и культуры "Драматические особенности рассказов Юльского". № 2022B038».

«Научный фонд отдела образования провинции Хэйлунцзян (платформенный проект). № 1».

Платформа по изучению китайской и иностранной литературы а также речевых систем.

«Цицикарский научно - исследовательский проект в области образования . № YB201938».

Введение

Борис Михайлович Юльский (1911–1950?) – один из выдающихся русских эмигрантского писателей 20-го века, который начал писать в средней школе, специализируясь на рассказах. Начиная с 1933-го г., он публиковал в журнале «Рубеж» рассказы о приключениях в маньчжурских лесах, такие как «Прекрасная королевна» (1933), «Туманы» (1935), «Луна над Бештау» (1935), «Хищник» (1938), «Человек, который Ушел» (1940) и др. Он опубликовал более 65 рассказов в харбинском журнале «Рубеж» о жизни и борьбе Северо-Восточной лесной полиции, которые «раскрывают значительный талант писателя, необычный острый глаз и удивительное языковое искусство»[1]. О влиянии литературных произведений Юльского свидетельствует временной промежуток его творчества (с 1933-го по 1943-й г.), разнообразие его тематики, а также широта его исследований.

Юльский прорвался через традиционный повествовательный метод, перенял монолог, диалог и другие приёмы письма, интегрировал монолог и диалог с повествованием романа, тем самым сформировав свой уникальный творческий метод и достигнув хороших художественных эффектов. С одной стороны, его рассказы избегают пространных фоновых

1 *Кодзис Б.* Литературные центры русского зарубежья 1918 – 1933: Писатели [М]. Мюнхен: Творческие объединения, 2002. С. 229.

описаний, скучных психологических образов и замысловатых сюжетных изображений в общих романах; с другой стороны, его рассказы также восполняют слабость недостаточного повествовательного потенциала и монотонности в драме. Поэтому его романы оказали определенное влияние на литературное творчество и развитие, и являются весьма репрезентативными. В статье в качестве примера приводятся рассказы Юльского для объяснения драматических языковых особенностей произведений Юльского с точки зрения драматического описания и драматического диалога, чтобы раскрыть неповторимое очарование романов Юльского.

Драматические описания

При создании рассказов Юльский часто использует драматические приемы изображения, чтобы изобразить поведение персонажей, описать характеристики характера персонажей и создать различные противоречия и конфликты для достижения лучших художественных эффектов.

«Неужели эта болтливая девчонка с кукольной физиономией оказалась хитрее, чем он думал, и теперь не придёт, заранее взяв деньги?» («Хищник»)[2]. Через описание психологической деятельности Чагрина, Юльский ярко выражает противоречие и конфликт между представлениями главного героя о добре и зле. Нерешительности Чагрина показывали его двойственность и подготовили почву для того, чтобы его блудный сын повернул назад.

«И тогда глаза женщины вдруг стали огромными и невероятно напряженными. Она не заплакала, не забилась в истерике. Она даже не сказала ни слова». («Яблоня отцветает»)[3]. Кудрявцев вспомнил портрет жены своего соратника, умершего 10 лет назад, тщательно одетой, чтобы приветствовать мужа, который давно не возвращался домой, но встретила она только тело мужа. Благодаря своему хорошему воспитания, она не плакала, как маленькая, и была настолько тихой, что могла слышать ветер, отражающий их счастливую жизнь в то время и момент, когда она услышала смерть мужа. Драматическое изображение маленькой женщины, потерявшей здесь мужа, достигает чудесного состояния тишины в это время, отражая невыразимую печаль в сердцах, потерю и одиночество, когда не на кого положиться, заставляя читателя жалеть персонажей и беспокоиться об их будущем.

Кроме того, многие изображения в романах Юльского выглядят как

2 *Юльский Б.* Зеленый легион: повести и рассказы [М]. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 338 с.

3 *Ли Яньлин.* Серия литературы китайской русской диаспоры (том 3) [М]. Харбин: Северное литературно-художественное издательство, 2002. 401 с.

намеки или описания сцен в драмах. Как «Протискиваясь в привычной вокзальной сутолоке, Чагрин посмотрел на часы, - была половина восьмого, через сорок минут отправлялся...и Чагрин, выругавшись, отшвырнул его ногой.» («Хищник»)[4] «Кудрявцев спрыгнул с седла, перебросил из-за спины винтовку и привязал коня к низкому деревянному заборчику.» («Яблоня отцветает»)[5] «Кудрявцев снял фуражку, вытер пот с лица и, остановившись около одной из дверей, постучал.» («Яблоня отцветает»)[6] ... Эти предложения очень похожи на подсказки в пьесе. Описание появления героини в расскаже «Хищник»: «Она была одета в потёртую плюшевую жакетку, и всё в её костюме, включая слегка покривившиеся каблуки, говорило о скрываемой бедности...».[7] Подобные предложения почти неотличимы от описаний сцен в сценарии. Даже читатель может услышать голос главного героя из драматического описания: «...Легкие, как бамбук, стены ниппонского домика. В широкое открытое окно заглядывают вишневые кусты и видно большое алое солнце, опускающееся над морем... стоит на коленях перед окном и поет невыразимо печальную, полную тоски и покорности, песню...» («Яблоня отцветает»)[8] Здесь фоном рассказа становится декорация на сцене, и именно мимика и голоса могут ощущаться читателем в результате деятельности человека и его умственной деятельности.

Рассказы Юльского очень драматичны. Повествование Юльского – это не факсимиле ситуации в обычных рассказах, не обычное изображение персонажа, а живое, мощное, лаконичное и яркое сочетание рассказочного повествования и драматического монолога. Через такие драматические описания ярко выражены поведение, движения и черты личности персонажей, различные фоны, противоречия и конфликты в произведении.

Драматические диалоги

Вообще говоря, драматические сценарии требуют, чтобы диалогов персонажей хватало на пьесу, а три слова – это не драма, и всего несколько слов – это не драма. Пока персонаж находится на сцене, он должен написать несколько слов, которые он должен сказать, например, попросить мира, задать вопросы, попрощаться, ответить и т.д. Даже если это не полезно для выражения персонажа, диалог нельзя опустить. Романы бывают разные, такие диалоги могут быть написаны и опущены, а еще более важные диа-

4 *Юльский Б.* Зеленый легион: повести и рассказы [М]. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 338 с.

5 *Ли Яньлин.* Серия литературы китайской русской диаспоры (том 3) [М]. Харбин: Северное литературно-художественное издательство, 2002. 394 с.

6 Там же.

7 *Юльский Б.* Зеленый легион: повести и рассказы [М]. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 339 с.

8 *Ли Яньлин.* Серия литературы китайской русской диаспоры (том 3) [М]. Харбин: Северное литературно-художественное издательство, 2002. 402 с.

логи могут быть опущены до тех пор, пока они не тесно связаны с темой. Кроме того, диалоги в пьесе должны иметь драматические конфликты, иметь ощущение драматического напряжения, показывать поведение и действия персонажей, стараться способствовать радикальным изменениям в мыслях и поступках персонажей. Художественная литература этого не требует. Диалог персонажей романов Юльского имеет много общего с диалогом персонажей пьесы. Возьмём в качестве примера диалог в «Хищнике» для интерпретации драматического характера диалога в романе Юльского.

«- Ну, вот и хорошо! - весело прощебетала девушка.- Знаете, мама хотела проводить меня на вокзал и сама поблагодарить вас. Но она кашляет, и я отговорила...Сегодня очень холодно.

- Д-да...- протянул Чагрин. И бросая нетерпеливый взгляд на часы, спросил: - У вас есть братья или сёстры?

- Нет...- покачала головой девушка; глаза её вдруг часто заморгали, и в них показались слёзы: - Нет, я одна, но...» («Хищник»)[9].

Это диалог с очень драматичным персонажем, который является важным фактором развития сюжета и немаловажным фактором радикальных изменений в мыслях и поступках героев. Этот диалог составляет и продвигает всю сюжетную линию, способствуя возвращению блудного сына главного героя Чагрина.

Использование белого пространства в описаниях диалогов может не только дать читателям исчерпывающее и бесконечное послевкусие, но и соответствовать характеристикам драматического диалога. «Оставление пустоты» намеренно оставляет пробел, позволяя читателю использовать свое воображение и понимание, чтобы заполнить его[10]. Из-за намеренного пропуска предложений читателям необходимо дополнить опущенную часть текста, чтобы получить представление об истинном смысле текста, чтобы читатели могли ощутить психологический комфорт успешной интерпретации текста, углубить свое понимание и впечатление о тексте и улучшить свой эстетический вкус.

В романах Юльского диалоговые описания персонажей используют меньше чернил и оставляют больше пустоты. Краткие описания побуждают читателей психологически дополнять и улучшать образ персонажа и характер романа. «Хищник» изображает главного героя Чагрина как блудного сына, который поворачивает назад. Образ маленького персонажа должен был быть сфокусирован на пере и чернилах, но Юльский поч-

9 *Юльский Б.* Зеленый легион: повести и рассказы [М]. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 340 с.

10 *Тан Юнсян.* Китайская риторическая эстетика [М]. Пекин: Издательство Пекинского института языка, 1992. 45 с.

ти не имеет никакого отношения к характеру, внешности и т. д. главного героя романа, а диалоги также, как говорят, оставляют половину и половину, оставляя пространство для воображения читателя. «Билет у меня!...»[11]. Автор опускает ключевую часть предложения, которая является типичной техникой белого пространства. Если вы завершите последнюю часть, например, «У меня есть билет! Мы можем успешно туда пойти, и вы можете зарабатывать деньги», говоря все со всей своей волей, заставляя рассказ терять свой саспенс, и терять характеристики рассказа, который должен быть лаконичным и объективным. Функция белого пространства заключается в том, чтобы выражение выглядело тактичным и тонким, лаконичным и богатым. Пропуск этого места явно тщательно проработан автором, из чего видно хладнокровие и спокойствие главного героя.

«- Если бы вы знали, как я благодарна вам за эти сорок долларов!...» («Хищник»)[12]. Диалог очень похож на диалоги драматического сценария. В нём нет описания поведения персонажей, нет характеристики психологии персонажей и нет подсказок, подобных сценарию. Однако читатели могут увидеть поведение персонажей из этого диалога и выяснить психологию персонажей. Героиня, которую обманул Чагрин — имеет детское лицо, потому что перед тем, как пойти на работу в ночной ресторан, Чагрин дал ей сорок долларов на решение её насущных потребностей, чтобы она могла выйти на работу со спокойствием, и она была полна доверия и благодарности своему работодателю на некоторое время. Диалоговое описание пустого пространства показывает наивную живость девушки, откровенный энтузиазм и знающий темперамент.

Диалог должен быть обработан и уточнен, чтобы достичь сферы «удаления грубого и утонченного, устранения ложного и истинного» и изображения реалистичных персонажей короткими, краткими, точными и яркими словами. За исключением нескольких предложений, описывающих поведение героев, почти все романы Юльского являются диалоговыми. «Яблоня отцветает» также в полной мере использует драматические диалоги, «Я не могу идти...очень жаль...»[13]. Инженер Огаси был ранен бандитами, поэтому невыполненное намерение Огаси-сана отражало сложность их положения и создавало печальную атмосферу. «Кудрявцев стоял перед калиткой маленького домика в станционном поселке, и ему казалось невыразимо трудно отворить калитку и войти, словно руки и ноги

11 *Юльский Б.* Зеленый легион: повести и рассказы [М]. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. 339 с.

12 Там же.

13 *Ли Яньлин.* Серия литературы китайской русской диаспоры (том 3) [М]. Харбин: Северное литературно-художественное издательство, 2002. 398 с.

были налиты свинцом...»[14]. Лесная полиция не смогла спасти Огаси-сана, и новость о его смерти была передана Кудрявцев его жене, чтобы передать ей душевную тоску и печаль Кудрявцева. «Николай Петрович, у вас нет книжки про парашютистов? Я знаю, у вас много книг!...» («Парашютист»)[15]. «Я думаю, мне пора...» («Поезд на юг»)[16] и т.д. используйте метод пробелов. Эти диалоги почти неотличимы от драматических диалогов.

Из этого видно, что диалог в романе Юльского очень богат характеристиками драматического диалога. Диалог персонажей всегда тесно связан с движениями персонажей, а богатая и тонкая внутренняя деятельность персонажей выражена ярко и живо. Используя немного слов, можно внимательно проследить за основным образом персонажа, добиться эффекта превращения камней в золото, передать дух, но остановиться на определенной точке, позволив читателю дополнить картину самостоятельно и обогатить своё воображение.

Заключение

Юльский интегрировал драматические характеристики в создание рассказов, нарушив повествовательный режим, присущий созданию романа, и сформировав свой неповторимый творческий стиль. Демонстрируя драматические характеристики романов Юльского, эта статья направлена на дальнейшее раскрытие духовного ядра и художественной ценности произведений Юльского, обогащение результатов исследований русской и зарубежной китайской литературы, обогащение исследований творческих характеристик романа в стране и за рубежом, а затем предоставление новых данных для изучения двустороннего влияния двух художественных жанров романа и драмы.

Список литературы:

1. Кодзис Б. Литературные центры русского зарубежья 1918 – 1933: Писатели [М]. Мюнхен: Творческие объединения, 2002. С. 229.
2. Юльский Б. Зеленый легион: повести и рассказы [М]. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. С. 554.
3. Ли Яньлин. Серия литературы китайской русской диаспоры (том 3) [М]. Харбин: Северное литературно-художественное издательство, 2002. С. 604.
4. Тан Юнсян. Китайская риторическая эстетика [М]. Пекин: Издательство Пекинского института языка, 1992. С. 557.

Bibliography

1. Kodzis B. Literary centers of the Russian diaspora 1918 - 1933: Writers [M]. Munich: Creative Associations, 2002. 229 p.
2. Yulsky B. Green Legion: novels and stories [M]. Vladivostok: Almanac "Frontier", 2011. 554 p.
3. Li Yanling. A series of literature of the Chinese Russian diaspora (vol. 3) [M]. Harbin: Northern Literary and Art Publishing House, 2002. 604 p.
4. Tang Yongxiang. Chinese rhetorical aesthetics [M]. Beijing: Beijing Language Institute Press, 1992. 557 p.

14 *Ли Яньлин.* Серия литературы китайской русской диаспоры (том 3) [М]. Харбин: Северное литературно-художественное издательство, 2002. 401 с.

15 Там же. С. 404.

16 Там же. С. 411.

Тамби С.А.

Соискатель кафедры интеграционных процессов,
Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Евроскептицизм в фокусе эстонской прессы

Вопрос о европейском внешнеполитическом выборе Эстонии обсуждался в эстонской прессе еще до обретения республикой независимости в 1991 г. [125, с. 76-80], а после этого исторического события он постепенно стал одной из главных тем внешнеполитической повестки дня [116], «*одним из важнейших направлений внешней политики Эстонской Республики, который не подлежал сомнению*» [102, с. 2]. Пресса страны активно следила за проблематикой сближения Эстонии с Европейским союзом (ЕС), предоставляя свою площадку журналистам, политикам, общественным деятелям и представителям творческой интеллигенции для публикации своих еврооптимистических, евроскептических или евреалистических статей.

Введение

Исходя из авторитетных международных западных оценок, уровень свободы прессы в Эстонии является довольно высоким. Так, согласно *Индексу свободы прессы* (*Press Freedom Index*), который ежегодно составляет международная неправительственная организация «Репортёры без границ» на основе оценок свободы прессы примерно в 180 государствах, в 2011-2012 гг. Эстония по уровню свободы прессы находилась на третьем месте. А в 2022 году она заняла по данному параметру четвертую строчку из всех учитываемых в индексе государств мира [46]. Некоторые аналитики отмечали, однако, и проблемные моменты, присущие эстонским СМИ, среди которых: наличие контроля над ключевыми эстонскими медиа-концернами в руках небольшой группы бизнесменов, связанных с интересами конкретных политических сил, наличие самоцензуры авторов и фильтрации материалов, а также некоторые другие проблемы [25, 31, 7]. Мейнстримными изданиями на эстонском языке владеет крупный эстонский и скандинавский капитал, крупнейшие активы эфирных масс-медиа контролирует государство. Тиражи эстоноязычных печатных

периодических изданий во много раз превышают тиражи русскоязычных изданий в Эстонии.

К настоящему времени к качественной и мейнстримной эстонской прессе, ориентированной на политическую элиту, крупный бизнес и национальную интеллигенцию, относятся эстоноязычные ежедневные общереспубликанские газеты – *Postimees*, *Õhtuleht*, *Eesti Päevaleht*, *Äripäev* (и ее русскоязычная еженедельная версия «Деловые ведомости»). Существуют еженедельные газеты *Eesti Ekspress, Maaleht* и *Pealinn* (и ее русскоязычная версия «*Столица*»). Из региональных газет выделим ежедневную газету *Põhjarannik* (и ее русскоязычную версию «*Северное побережье*»). К прочим газетам относится ежедневная газета *Linnaleht* (распространяется в Таллине, Тарту, Пярну, а также в уезде Ида-Вирумаа), а также многочисленные региональные (уездные) и волостные газеты. Портал *Baltic News Service* (*BNS*) предлагает новостную ленту на русском, эстонском и английском языках. На этих же языках функционирует новостной портал эстонской *Государственной телерадиовещательной корпорации* (*ERR)*. На русском языке представлены Интернет-портал газеты *Postimees*, Интернет-портал *Delfi*, еженедельник «*МК-Эстония*», русскоязычный еженедельник «*Нарва*», а также газеты «*Инфопресс*», «*Дайджест*», «*ТВ-неделя*» и *Narva Linnaleht*. Новости на русском языке предлагают Интернет-порталы «*BaltNews*», «*Балтия*», «*Славия*» и др. Популярностью пользуются телеканалы *ETV*, *ETV+* (русскоязычный)*, ETV2*, *TV3*, а также *Kanal2*. В Эстонии вещают примерно 30 радиостанций. Ранее функционировал телеканал «*Первый Балтийский канал*» (вещание прекращено в 2022 г.), еженедельник «*Комсомольская правда*» *в Северной Европе*» (выпуск приостановлен в 2022 г.), а также Интернет-портал информационного агентства «*Спутник-Эстония*» (работа его редакции с 31.12.2019 г. была приостановлена; Интернет-портал был окончательно закрыт в марте 2022 г.).

Целью настоящего исследования является выявление (в период с 1991 по 2022 гг.) в издаваемой в Эстонии прессе евроскептического дискурса и изучение его сущности. Автором были обработаны публикации (статьи, заметки) как в эстонских качественных республиканских газетах и таблоидах (таких как, например, *Eesti Päevaleht*, *Postimees*, *Äripäev*, *Sõnumileht* и др.), так и в местных (уездных, волостных) газетах (например, *Saue Sõna*, *Vooremaa*, *Sakala*, *Lääne Elu*, *Kõo Vallaleht, Sõnumitooja* и др.). Также был обработан ряд партийных (*Infoleht. Eesti Kristlike Demokraatide tegemisi kajastav leht* и *Konservatiivide Vaba Sõna: Konservatiivse Rahvaerakonna häälekandja*) и условно маргинальных (в т.ч. издания т.н. *желтой прессы*)

и нишевых газет (например, газета *Post*, как она сама себя называла – «истинный голос народа»). Был применен метод качественного контент-анализа. Всего автором настоящего исследования было обработано 179 статей и заметок из 36 издававшихся ранее или издающихся в настоящее время в Эстонии газет разных типов. Результаты исследования могут представлять интерес в качестве выявления взглядов политической элиты, мейнстримных и маргинальных журналистов на евроскептическую повестку внутри ЕС, а также как исследование образа евроскептика, который данная элита на страницах газет и журналов выносит на суд обычного читателя, потребляющего информацию и следящего за новостной повесткой.

Как отмечали эстонские исследователи в 2001 г., ЕС освещался в крупнейших качественных ежедневных газетах Эстонии (таких как *Postimees* или *Eesti Päevaleht*) достаточно сбалансированно, с преобладанием нейтральных в отношении ЕС материалов. По их подсчетам, количество статей же с явно позитивным и явно негативным подходами к теме делится примерно поровну [79, с. 89]. Отмечалось, что в т.н. *желтой прессе* гораздо чаще подчеркивались негативные стороны ЕС. Темы, связанные с ЕС, были в такого рода публикациях довольно маргинальными и случайными [133]. С другой стороны, утверждалось, что за период с 2003 по 2017 гг. в эстонской прессе «*не было статей, посвященных делам ЕС в чёрных тонах. Был скептицизм, конструктивная критика и требовательная позиция – это работа прессы – но не было никаких признаков того, что взгляды эстонской прессы на ЕС были злонамеренными*» [63, с. 39]. Отдельно оговаривалась умеренная евроскептическая позиция редакции качественной газеты *Äripäev* («Деловые ведомости»). Эта газета не была противником присоединения Эстонии к ЕС, как отмечалось, «*редакция ДВ никогда не относила себя к евроскептикам, как, впрочем, и к фанатичным еврооптимистам*» [10, с. 23]. К 2000-му г. в Эстонии склонными к евроскептицизму были несколько уездных и нишевых газет с небольшим тиражом, в том числе *Lääne-Harju Ekspress*, *KesKus* и *Vooremaa*). Евроскептическая риторика довольно хорошо была представлена и на страницах таблоида *Sõnumileht (ныне – Õhtuleht)*, а также в издававшейся до 2009 г. русскоязычной газете «*Молодёжь Эстонии*».

От еврооптимизма к евроскептицизму

В период с 1991 по 1995 гг. пресса Эстонии практически не приводила собственные оценки перспектив возможного присоединения к ЕС, публикации не содержали и глубокого анализа этой перспективы. На тему

Евросоюза печатались различного рода переводы и информационные материалы, во многом поверхностно знакомившие с ЕС. Прежде всего, это было связано с недостаточной специализацией эстонских журналистов по вопросам ЕС. Журналисты жаловались на то, что на эстонском языке не представлялось возможным найти ни Маастрихтский, ни Римский договоры, не говоря уже о прочих документах ЕС [115, с. 9]. Не осталось без внимания журналистов усиление евроскептического лагеря в Эстонии после выборов в Европарламент осенью 1996 года [92, с. 6]. В то время возможное присоединение прибалтийской страны к ЕС еще не стало предметом широкого общественного обсуждения [147, с. 478-487]. В период с 1995 по 1997 гг., который эстонские исследователи называют началом *евродискуссии* [172, с. 8], на страницах прессы появлялись статьи политиков и экономистов, анализирующих вероятные последствия, к которым может привести вхождение Эстонии в ЕС. Тогда же активизировались первые серьезные евроскептики (как умеренные, мягкие так и более радикально настроенные – жесткие). Например, поэт и литератор Яан Каплински (по мнению которого, «*сомневающийся в ЕС ещё не является его противником*») [84, с. 6], писатель и поэт Тыну Ыннепалу, а также писатель Велло Латтик выражали умеренный евроскептицизм. Некоторые политические деятели – Калле Кульбок, Яанус Райдал, Уно Сильберг, Ивар Райг, Велло Лейто, Анти Пооламетс, Тийт Мадиссон, Роберт Вилл, Арне Оттер, Антс Эрм, Юри Лийм, Прискилла Мяндметс, Вальтер Сяаск, Арго Лоо, Тийт Тоомсалу, позже Март и Мартин Хельме и другие – исповедовали более жесткий евроскептицизм (или же просто *еврокритицизм*). Позиции многих из них были представлены на страницах эстонских газет.

Активизация евроскептической риторики происходила как реакция на события, среди которых: подписание Эстонией соглашения об ассоциации с ЕС (12.06.1995 г.); подача Эстонией официальной заявки на вступление в ЕС (28.11.1995 г.); решение Совета ЕС о начале переговоров о вступлении Эстонии в ЕС (13.12.1997 г.); начало в 1998 г. официальных переговоров о присоединении Эстонии к ЕС; принятие 18.12.2002 г. решения Рийгикогу (парламента Эстонии) о проведении референдума по членству Эстонии в ЕС 14 сентября 2003 г. (а также начало в преддверии референдума специальной кампании под названием «*Выбери будущее для Эстонии*»); ратификация в Рийгикогу 9 мая 2006 г. Договора о введении Конституции для Европы; наконец, анонсирование (в соответствии с обновлённым в июне 2009 г. планом правительства Эстонии) присоедине-

ния страны к еврозоне с 1 января 2011 года. Триггером к возрастанию евроскептической риторики являются также всякого рода кризисы – финансовые, миграционный и т.д.

По емкому выражению одного известного журналиста, «*в Эстонии существует небольшой еврозаговор, основными участниками которого являются МИД Эстонии и наша евробюрократия, находящаяся в процессе формирования. Но правительство настроено в целом непреклонно против этого заговора, равно как и пресса*» [72, с. 2]. Площадку (можно даже сказать – трибуну) для знакомства читателей с воззрениями евроскептиков (равно как и с идеями еврооптимистов) предоставляли многие газеты. Порой между представителями еврооптимистов и евроскептиков завязывались весьма увлекательные и обстоятельные заочные дискуссии. Известные эстонские евроскептики всегда находились на слуху у широкой эстонской общественности. Так, например, в вышедшем в июне 2017 г. номере газеты *Põhjarannik* приводится сканворд, в котором была загадана фамилия известного эстонского евроскептика по фамилии Райг (вопрос был поставлен так: «*Ивар… (евроскептик)*») [149, с. 9].

Многие ведущие эстонские политики (входящие в политическую элиту страны) высказывали тогда мысль о том, что не существует даже теоретической альтернативы вступлению Эстонии в ЕС, а тех, кто высказывался против вступления, они обвиняли в нежелании видеть Эстонию в дальнейшем независимой страной. Вопрос ставился даже так: либо страна будет принадлежать Европе, либо в Эстонии произойдет усиление политико-экономического влияния Российской Федерации («*интеграция с востоком*»). Четко ставились варианты дальнейшего развития: «*Фактически у Эстонии есть только две альтернативы – СНГ или ЕС*» [168, с. 2]. Не вступив в ЕС, Эстонии открывалась перспектива стать «*серой зоной, что, зная историю нашего восточного соседа, означало бы скорое объединение с СНГ*» [48, с. 6]. Эта позиция подкреплялась следующим образом: «*Не следует забывать, что несколько авторитетных российских политиков хотят восстановить СССР вместе со странами Балтии*» [98, с. 1]. Артикулировалась мысль о том, что «*пытаясь добиться реальной независимости через изоляционизм, мы окажемся во власти более сильного течения. А более сильное течение идет с востока. <…> В ЕС мы должны отказаться от части своего суверенитета, а в СНГ мы исчезнем с карты мира как нация*» [126, с. 2]. Евроскептическим же партиям ставилось в упрек их «*желание завести нас в СНГ*» [122, с. 9].

Некоторые политики из числа евроскептиков оперировали в 1996 г.

появившимися в прессе данными социологических опросов, согласно которым «*60% эстоноземельцев выступают против вступления в ЕС*» [175, с. 4]. Примерно к 1998-2000 гг., по мере привлечения в СМИ всё большего внимания к разным обстоятельствам и проблемам в случае присоединения Эстонии к ЕС, эстонская общественность становилась всё более евроскептически настроенной [87, с. 137-138]. Печатались опросы эстоноземельцев и графики, демонстрировавшие поддержку/не поддержку эстоноземельцами вхождения страны в ЕС [49, с. 3]. Много было и неопределившихся. Причина роста численности евроскептиков в Эстонии виделась в т.ч. и в «*разрыве между народом и властью после произошедшей «Поющей революции» и обретением независимости*», а также в том, что «*эстонские власти не умеют или не хотят говорить с народом на его языке и исходя из его интересов и забот*» [85, с. 10].

Внимание журналистов привлекло подписание в апреле 1998 г. членами эстонских политических партий и движений националистического толка, а также некоторыми деятелями культуры т.н. «Призыва Юрьевой ночи». Тогда же было образовано *Движение Юрьевой ночи* (*Jüriöölased*), которое обозначило планы по созданию новой евроскептической партии («*поскольку треть эстонцев не поддерживает вступление в ЕС*») [120, с. 2]. В этом СМИ подметили «*преемственность евроскептических настроений древних эстонцев*». Приводилась и прямая аллюзия к Восстанию Юрьевой ночи (1343 г.), когда бунт эстов в ночь на Юрьев день явился пробуждением их национально-освободительного движения за освобождение страны от датско-германского ига. В прессе заговорили даже о «*655-летии со дня Восстания эстонских евроскептиков*» [193, с. 13]. Газеты следили за лозунгами объединившихся евроскептиков («*Мы не поддерживаем подчинение ни давлению Москвы, ни давлению Брюсселя*»). Оценивалась перспектива формирования из этого движения полноценной политической партии [178, с. 3], стремившейся занять евроскептическую нишу [42]. Освещалась также возможность формирования представителями этого движения избирательного блока на основе уже существовавших на тот момент политических партий и участия в парламентских выборах [156]. Публиковались и письма читателей – как в поддержку [96, с. 7] *Движения Юрьевой ночи*, так и против него («*движение скептически относится к вступлению в ЕС, не понимая, что это вступление поможет обеспечить безопасность Эстонии*») [123]. Журналисты писали и о последовавшей неудаче трансформации *Движения Юрьевой ночи* в полноценную партию. Подмечена была и проработка вопроса об открытии их «отделения» (ав-

тономной структуры) в *Эстонской партии будущего* [41]. В набиравшей популярность сети Интернет появлялись как веб-сайты об отношениях между ЕС и Эстонией, так и отдельный сайт евроскептиков [95, с. 2]. Речь об открытом в апреле 1998 г. бывшим членом Рийгикогу Калле Кульбоком информационном портале *www.euroskepsis.ee*, который знакомил эстонскую общественность «*с опасностями, связанными с ЕС*» [74, с. 2]. Впоследствии внимание журналистов привлекло и создание в 2003 г. евроскептически настроенной *Радикальной партии эстоноземельцев* [60].

Содержавшееся в рассматриваемом летом 1998 г. проекте нового закона о вещании требование заполнить эфир продукцией европейских стран было воспринято в прессе как стремление более эффективно пропагандировать европейский образ жизни среди относительно евроскептически настроенных эстоноземельцев (некоторым это даже напомнило о недалёких временах, когда на эстонском телевидении «*в обязательном порядке демонстрировались фильмы о горных ручьях Киргизской ССР*» [54, с. 9].

Еврооптимизм завоевывает читателей?

Закономерно, что в мейнстримной прессе с начала 1990-х гг. и по настоящее время заметно преобладает евроинтеграционный дискурс. Из одной публикации в другую практически без изменений перекочевывают мысли о полезности пребывания Эстонии в составе ЕС. Наиболее широко фигурирует мысль о том, что ЕС является «влиятельной» организацией в международных отношениях. Многократно отмечается большое влияние ЕС в соседних с Эстонией государствах. В эстонской прессе ЕС подается многими политиками, журналистами и экспертами как сообщество ценностей, где «*царит мир и процветание, безопасность и свобода*», что кстати, во многом перекликается с восприятием ЕС в российских печатных периодических изданиях (однако, многие российские авторы в российских СМИ, в отличие от эстонских авторов в эстонских СМИ, предпочитали лишь вскользь подавать ЕС в таком свете, либо вовсе замалчивать об этом) [13, с. 65-66].

Перспектива вступления Эстонии в ЕС была представлена на страницах эстонских газет в целом как положительное явление, которое обеспечит дальнейший экономический рост в стране благодаря открытию новых рынков и увеличению общего объема иностранных инвестиций; косвенно укрепит военную и внешнеполитическую безопасность; распространит на Эстонию привлекательные социальные и региональные

политические практики ЕС; предоставит общую свободу передвижения и возможность нахождения работы в других государствах ЕС; улучшит положение неграждан; возведет на качественно новый уровень отношения между эстонцами и русскими; улучшит внешнеполитические позиции Эстонии; обеспечит качественный прорыв в эстонско-российских отношениях («*присоединившись к европейским структурам, Эстония почувствовала бы себя в большей безопасности, поэтому отношения с восточным соседом также стали бы более стабильными и мирными*» [135, с. 6]; этот тезис постепенно утрачивал свое значение по мере становления всё более реалистичной перспективы вступления Эстонии в НАТО); наконец, позволит Эстонии воссоединиться с историческим европейским культурным пространством [172, с. 10]. Отмечалась фатальность выбора эстонцами европейского пути: «*Мы можем быть либо европейцами, либо не быть вовсе. <…> Как европейцы, мы должны разделить судьбу Европы, какой бы она ни была*» [189, с. 2]. Этот тезис подкреплялся и таким образом: «*Наши евроскептики не хотят подчиняться группе великих держав?! Но мы уже подчинились! И мы подчинялись и во времена Первой Эстонской Республики! В лучшем случае нам остается только выбрать, кому подчиняться*» [70, с. 2].

Характерным высказыванием в поддержку вступления в ЕС выступает следующее: «*У нас достаточно евроскептиков, которые до сих пор думают, что Эстония могла бы оставаться независимой страной без ЕС и со своей эстонской кроной. Так сколького же мы лишились после «потери» своей независимости и способности самостоятельно решать вопросы? Кажется, ничего не потеряли. Наоборот – мы выиграли и извлекли пользу, границы открыты и наши возможности велики*» [35, с. 2]. В прессе нашло место и такое одобрение европейского выбора страны: «*Эстония всегда принадлежала к европейскому культурному пространству*», «*вступление в ЕС, безусловно, было одним из самых важных решений для Эстонии и эстонцев, которые наша страна и народ приняли на протяжении веков*» [97, с. 2]. В газетах говорилось и о том, что доступ к общему рынку ЕС является очень выгодным для эстонских предпринимателей [153, 1]. Вообще описание полученных Эстонией из ЕС экономических благ превалировало в анализе экономической стороны пребывания страны в этой международной организации. Так, в марте 2014 г. член Рийгикогу (Реформистская партия) Лайне Рандъярв отмечала: «*Невозможно сосчитать всё, что было сделано ЕС за последние 10 лет, и нужно быть настоящим евроскептиком, чтобы не оценить помощь, оказанную нашей*

стране Евросоюзом» [145, с. 11]. Другая характерная такому проевропейскому мышлению позиция: «*Благодаря миллионам евро, полученным из ЕС, в уезде Ида-Вирумаа были отремонтированы гидротехнические сооружения, построены дороги, променады, медицинские учреждения, туристические объекты и многое другое*» [198, с. 4]. В 1997 г. в прессе появилось не подтвердившееся позже мнение о том, что правительство Марта Сийманна, дескать, собирается скупать газетные площади и эфирное время для выпуска статей и программ о ЕС [191, с. 3]. Кстати, часто использовавшийся в 1996-1997 гг. евроскептиками довод о безработице полностью отпал к 2002 г. в связи с тем, что безработица в Эстонии к тому времени значительно превысила средний уровень по ЕС.

Возможная неизбежная утрата Эстонией части своего суверенитета виделась еврооптимистами в большинстве случаев как положительное явление: «*Суверенитет Эстонии существенно не уменьшится, а даже увеличится*» [148, с. 10]. Подчеркивалось, что ЕС не планирует стать федеративным государством, а сохранит черты конфедерации: «*ЕС ещё не созрел для того, чтобы стать федеративным государством*» [162, с. 59]. Довольно сильным являлось, однако, и влияние в прессе еврореалистов. Отмечалось, что после того, как Эстония вступила в ЕС, стране «*выписали штрафы за так называемый профицит запасов. Все мы помним те санкции под названием «сахарные штрафы», причины которых логически мыслящий гражданин не мог до конца понять. Цены на электроэнергию внезапно выросли в 2013 г. – это было, по определению некоторых эстонских политиков, требованием Брюсселя*». Критике еврореалистов подверглась и поддержка комиссаром ЕС по окружающей среде Янеза Поточника идеи активистов-экологов о запрете печного отопления в Европе, так как оно является одним из самых больших загрязнителей воздуха: «*Если бы такая идея была реализована, десятки тысяч домов в Эстонии остались бы необогреваемыми, ведь для реконструкции систем отопления требуются большие суммы денег*» [47, с. 4].

В отношении выхода Великобритании из ЕС (*Брекзит*) многие авторы эстонских газет отнеслись нейтрально, другие же – с осуждением, усматривая в этом не только неминуемые финансовые, имиджевые и прочие потери для ЕС, но и прямую опасность для Эстонии («*В национальных интересах Эстонии сохранить британцев в ЕС. Выход британцев из ЕС может вызвать хаос, а пребывающая в хаосе Европа уже имеет негативное значение для Эстонии по историческим причинам*») [38, с. 2]. Другое подобное мнение: «*Ослабление ЕС никак не в интересах Эстонии, учи-*

тывая наше геополитическое положение» [129, с. 4]. Печатались и умеренные статьи с проведением всестороннего анализа происходивших в Туманном Альбионе процессов [113, с. 2; 101, с. 7]. Не преминули газеты и публикацией комментария еврокритика Марта Хельме об итогах британского референдума: «*Я был вне себя от радости 24 июня 2016 г., прежде всего потому, что Еврокомиссия не сумела обмануть англичан ложью, выкручиванием рук, запугиванием и насмешками*» [142, с. 4]. Воспользовавшись развернувшейся в эстонском обществе дискуссией о *Брекзите*, Калле Кульбок разразился тогда тирадой о недопустимости дальнейшего пребывания Эстонии в ЕС: «*Следовало бы проанализировать, соответствовал ли вообще референдум о вступлении в ЕС Закону о народном голосовании. Я утверждаю, что форма вынесенного на референдум вопроса закону не соответствовала. Было бы разумно провести референдум о выходе Эстонии из ЕС, и даже сторонники ЕС по перечисленным выше причинам должны были бы проголосовать за ESTexit!*» [19, с. 5].

Таким образом, в эстонской прессе присутствуют весьма однозначные тезисы об успешности евроинтеграции. Позиции евроскептиков на страницах газет встречаются в несколько раз реже.

Перо в руках евроскептиков

Однако, напрашивается очевидный вопрос: могут ли какие-то идеи, противостоящие европеизму (например, идеи евроскептицизма) быть широко высказанными в мейнстримной эстонской прессе? Несмотря на то, что в информационном пространстве Эстонии преобладает европтимизм, поддерживающий нахождение Эстонии в ЕС, всё же в информационное поле попадают и нелицеприятные характеристики ЕС, обнаруживающие евроскептические настроения. Выражающие недостатки евроинтеграции в Эстонии евроскептические взгляды представлены в статьях эстоноязычных и русскоязычных авторов. В этом наблюдается сходство, например, с прессой ФРГ, в которой наряду с европтимистической повесткой, задаваемой газетами *Frankfurter Allgemeine Zeitung* и *Spiegel*, занимающие евроскептическую позицию периодические издания *Junge Freiheit*, *Kompakt* и *Proußische Allgemeine Zeitung* периодически педалируют неприятные темы – германско-российские отношения, неэффективность евробюрократии, миграционный кризис и нарушение демократии (в рамках национальной концепции) [27, с. 151].

Отметим, что эстонцам присущи такие ценности, как консерватизм, патриархальный уклад жизни, следование традициям, а также во мно-

гом изоляционизм. Множество простых обывателей из числа эстоноземельцев (*эстонский глубинный народ*) являются евроскептиками, будучи, однако, довольно пассивными в социальном плане, не выражающими активно свою точку зрения [172, с. 18]. Эстонские исследователи отмечают, что «*до эстонского референдума 2003 г. о присоединении Эстонии к ЕС, эстонцы славились своим евроскептицизмом, это прибалтийское государство было одним из стран-кандидатов с самым евроскептически настроенным населением*» [77, с. 4]. Подчеркивалось также, что «*среди стран ЦВЕ в Эстонии евроскептицизм наиболее силен*» [4]. Сами эстонские евроскептики говорили о том, что «*евроскептицизм (то есть природный консерватизм и любовь к Родине) поддерживают большинство людей. Нас больше половины*» [64]. Отмечается, что «*ЕС дистанцировался от простых людей. Люди не знают, зачем им нужно это объединение*» [67, с. 2]. Приводились и портреты типичного эстонского еврооптимиста/евроскептика. Так, в 1998 г. типичным еврооптимистом был проживавший в городе и имевший доход выше среднего молодой человек с высшим образованием. Типичным же эстонским евроскептиком тогда являлся проживавший в сельской местности человек 40-59 лет, с низким уровнем образования и низким доходом, «*попавший в переходный период в передрягу*» [184, с. 3]. Характерным эстонцем-евроскептиком является М. Мытлик, направивший летом 1997 г. в редакцию *Eesti Päevaleht* письмо, в котором говорится: «*Я не сторонник стремления вступления в ЕС. И я не радуюсь тому, что мои соотечественники пытаются продемонстрировать свою глупость*» [119, с. 2]. Другой читатель уже в 2014 г. на страницах *Äripäev* отмечал следующее: «*Значит, если ты являешься евроскептиком и выступаешь против иммиграции, то сразу же попадаешь в общество популистов и дураков. Опомнитесь, евро-безумцы*» [107, с. 14].

Хотя некоторые эстонские политики и утверждали, что среди эстонской молодежи «*нет явного евроскептицизма*» [128, с. 3] в подростковой среде всё же присутствовали и евроскептические (еврореалистические) настроения. Так, в прессе описывалось приглашение на телестудию канала *ETV* эстонского еврочиновника: «*Молодежь представляла евроскептицизм единым фронтом и задавала чиновнику толковые вопросы, в которых слышались опасения, например, получит ли Эстония какие-либо права в результате переговоров или лишь возрастут её обязательства. Чиновник не смог адекватно ответить ни на один из провокационных вопросов, и лишь едва слышно перенаправлял вопросы в адрес других инстанций*» [165, с. 29]. Отмечалось, что на прошедшем осенью 2001 г. в гимна-

зии при *Эстонской школе бизнеса* конкурсе ораторского мастерства под названием «*Для чего Европа?*» в выступлениях старшеклассников доминировал евроскептицизм [34, с. 14].

Мысли евроскептиков были хорошо представлены также в газетах, листовках, плакатах и на Интернет-порталах политических партий и движений, которые исповедают евроскептицизм. На разных временных отрезках такими были зарегистрированные и незарегистрированные партии и движения: движение «НЕТ Европейскому союзу!», движение Юрьевой ночи, НКО «Эстонское движение свободы», движение «Независимость», объединение «Евродезинтегратор», Исследовательский центр «Свободная Европа», Информационный центр «Своё государство», Эстонская Республиканская партия, Радикальная партия эстоноземельцев, Эстонская партия выживания, Эстонская социал-демократическая партия труда Эстонии (позже – Объединенная левая партия Эстонии), Эстонская партия будущего, Эстонская христианская народная партия (Эстонские христианские демократы), Эстонская партия независимости, Консервативная народная партия Эстонии [111, с. 4-5], движение «Солдаты Одина – Эстония» и др.

Эстония с 1991 г. всячески артикулировала построение демократического государства. На страницах газет не могли быть не представлены евроскептики. Признавалось, что «*евроскептицизм – совершенно нормальное явление в странах с развитым национальным сознанием*» [69, с. 2]. Евроскептицизм в Эстонии описывался как «*весьма умудренный жизнью*» [5]. Также утверждалось, что тенденции евроэнтузиазма, евррореализма, так и евроскептицизма «*так или иначе присутствуют в политической жизни большинства европейских стран*» [33, с. 8], а «*наличие еврокритического отношения свидетельствует о здоровье общественности*» [150, с. 6]. Газеты отмечали, что «*популисты и евроскептики должны быть избраны в Европарламент*», «*кто-то вешает на своего политического конкурента ярлык популиста или евроскептика (а в Эстонии это воспринимается как нечто унизительное), на самом же деле их наличие – проявление здорового подхода*» [183, с. 2]. В прессе политики-евроскептики иногда жаловались на то, что, поскольку они являются «*умеренными евроскептиками, то национальное телерадиовещание нас не привечает*» [3, с. 16]. Многие журналисты, общественные деятели, политики и простые обыватели обязательно предваряли свои позиции по ЕС'овской тематике фразой, что не являются «*ни евроскептиками* или *европессимистами, ни фанатами ЕС (еврофилами* или *еврооптимистами)*» [105, с. 2].

Другие представлялись *еврореалистами* или *европрагматиками*, после чего переходили к описанию своего конкретного подхода (пусть во многом и критического) в отношении ЕС и его политики. Наконец, авторы из числа евроскептиков часто прибегали к следующему самоназванию: «*евроскептик в правильном, положительном смысле скептицизма*» [102, с. 2]. Некоторые отрекомендовывались читателям выразителями «*здорового евроскептицизма*» [66, с. 2]. Приведём и такую иллюстрацию еврореалиста: «*Неуютно чувствовать себя евроскептиком среди тех, кто на ЕС молился, но я позволял себе несогласие с ними. Евросоюзовские нормы, которые Эстония изначально обязывалась исполнять, никого не смущали, а у меня были сомнения: выдержит ли их страна? И опять ответы полнились оптимизмом*» [16, с. 2].

В 2000 г. было подсвечено заявление премьер-министра Эстонии Марта Лаара о том, что «*односторонняя пропаганда, восхваляющая ЕС, Эстонии не полезна*». Высокопоставленный политик надеялся на развитие в стране «*движения рассудительных евроскептиков*» [127, с. 6]. Проскальзывала мысль и о нехватке евроскептиков в Рийгикогу. Так, в январе 1998 г. отмечалось: «*Легитимная европейская интеграция потребовала бы созыва нового Рийгикогу, в котором был бы представлен также и голос евроскептиков. Это одна из ниш, которая до сих пор отсутствовала в парламенте*» [90, с. 7]. Летом 1999 г. К. Кульбок затеял на страницах газеты *Sõnumileht* полемику с советником по вопросам прессы Информационного секретариата ЕС Пааво Пальк, в ходе которой были подняты некоторые принципиальные вопросы (в т.ч. правовые вопросы, связанные с выходом Эстонии из ЕС, а также тема предполагаемого ограничения субсидий ЕС и др.) [134, с. 2]. Там же состоялась и заочная дискуссия между П. Пальк и Уно Сильбергом. Последний полагал, что «*ЕС хочет уничтожить эстонское сельское хозяйство*» [132, с. 2]. В 2016 г. К. Кульбок сделал такое заявление: «*Любая политическая сила, поддерживающая сохранение эстонского языка и эстонской культуры, обязана сегодня требовать, чтобы и Эстония представила Брюсселю условия, при которых мы остаемся в ЕС. Очевидно, что за странами, в прошлом веке массово принимавшими беженцев с просторов СССР, должно оставаться последнее слово в вопросах миграции. И наши пенсионеры не могут содержать получающих более высокие пенсии стариков Греции*» [14, с. 20]. Журналисты также с интересом писали о предложении правительства Марта Лаара, сделанной Государственной канцелярии, о выделении в 2000 г. эстонским евроскептикам финансовой поддержки от эстонского госу-

дарства [199, с. 5]. Некоторые «акулы пера» расценили это как «*поддержку европтимистами марионеточных скептиков*» [117, с. 6]. Эстонские же евроскептики посчитали выделяемую государством им сумму денежных средств «*нечестной*» [57]. Они также, требуя финансирования своей деятельности напрямую, без посредничества *Инфосекретариата ЕС* и *Фонда открытой Эстонии*, открыто возмутились тем, что в Эстонии «*решение о финансировании проектов евроскептиков принимают люди, которые всем известны как европропагандисты*» [2].

Принимая во внимание большой процент проголосовавших на состоявшемся 14 сентября 2003 г. эстонском референдуме о вхождении в ЕС (на котором более 183 тыс. избирателей Эстонии, или 33,2%, проголосовали «против» присоединения к ЕС), прессой фиксировался тот факт, что Эстония «*должна смотреть правде в глаза и признать, что она по-прежнему остается самой евроскептической страной в ЦВЕ*» [187, с. 3]. В 2003 г. президент Эстонии А. Рюйтель призвал евроскептиков и европтимистов к сотрудничеству после проведения референдума. Тогда в качестве основы для их последующей кооперации предлагалось «*подготовленное под руководством А. Рюйтеля общественное соглашение*» [163]. Тогда же в прессе циркулировали и спекуляции о том, что в скором будущем в Эстонии, дескать, может появиться новая партия, объединившая бы всех евроскептиков [40, с. 2]. Позже анализировалась и позиция Центристской партии, внесшей вклад в формирование «*евроскептического настроя среди народа перед референдумом о вступлении в ЕС*», комментаторам это виделось как «*ситуационное политическое лавирование*» со стороны центристов [194, с. 3].

По приведенному на страницах *Kesknädal* мнению участника прошедших в мае 2019 г. предвыборных дебатов для кандидатов в Европарламент Игоря Грязина, «*европейских ценностей не существует*». Он пояснил: «*Есть христианские ценности. Флаг ЕС также происходит из христианства. Евроскептик в реальной политике означает – быть эстонцем. И эстонец настроен скептически, его принцип – поживем-увидим*» [108, с. 9]. В это же время И. Грязин, исповедующий евроскептические взгляды ещё с начала 2000-х гг. [26, с. 8], рассказал в прессе и о том, почему его можно считать «*единственным евроскептиком, являющимся членом Европейского парламента*» [65, с. 2; 76, с. 9]. Его позиция в отношении евроскептицизма и перспектив ЕС такова: «*Евроскептицизм – это настрой ума. Евроскептики – не противники ЕС, просто мы в него не верим. Каждый настоящий европеец в душе видит Европарламент и ЕС*

как исторически преходящее, временное явление. В истории Европы было много союзов – все они приходили и уходили. В какой-то период должен был состояться ЕС, и он состоялся. Но на сегодняшний день он себя исчерпал. Он развалится. Сам по себе – для этого не нужно ничего делать. Он уже постепенно разваливается. Вопрос в том, что будет после него» [26, с. 8]. К 2008 г. параллельно начала выкристаллизовываться и противоположная мысль о том, что «*евроскептицизм, наверное, уже сегодня относится к области истории, потому что сейчас нам нужна скорее конструктивная критика*» [110, с. 5]. Однако голос евроскептиков в прессе то относительно затихал, то резко увеличивался (например, во время финансовых кризисов). «*После финансового кризиса 2008 г. ценностный консенсус Запада рухнул со всех сторон. Евроскептики и правые экстремисты поднимают головы в Европе*» [114, 12].

Печатались в эстонской прессе и анонсы мероприятий с участием евроскептиков (в т.ч. информация о проводимых ими пикетах [180, с. 6], демонстрациях [181, с. 6; 61, с. 5; 62], расклейке анти-ЕС'овских листовок) [59, с. 5], отчеты об уже проведенных таких мероприятиях [80, с. 14], рецензии и отклики на книги авторства эстонских евроскептиков [146, с. 4; 155, с. 5], карикатуры евроскептического толка [110, с. 5], информация о переезде из Великобритании в Таллин в 2004 г. (вместе с издателем, приступившим к работе политконсультанта у эстонских евроскептиков) международного евроскептического журнала *These Tides* (издававшегося на английском языке) и даже «*путевые заметки евроскептика по Брюсселю*» [152, с. 1-2]. Подсвечивалась и презентация в августе 2003 г. первого эстонского евроскептического журнала *Eesti Küsimus* [21]. Рассказывалось (но весьма эпизодически) и о деятельности евроскептиков из других стран, например, соседних, таких как Латвия, в которой в начале 2000-х гг. функционировало «*Движение за независимость*» Нормундса Гростиньша [58, с. 8]. Газеты обращали внимание и на высокий уровень евроскептицизма в ФРГ [196, с. 9; 24, с. 8-9], Франции [106, с. 9], Литве [104, с. 6; 136, с. 3], Норвегии [44, с. 17; 45, с. 5], Италии [93, с. 14], Финляндии [167, с. 6], Румынии [23, с. 16] и других европейских странах [92, с. 6]. Освещался в прессе и визит лидера французского *Национального Объединения* Марин Ле Пен в Таллин, состоявшийся в 2019 году [39, с. 2]. Журналисты отмечали, что созданная в 2019 г. эстонская правительственная коалиция (куда помимо *Центристской партии* и «*Отечества*» вошла евроскептически настроенная *Консервативная народная партия Эстонии*) является «*самым антиевропейским правительством*» страны, так как

КНПЭ «*подрывает ЕС изнутри из тактических соображений*» [154, с. 12].

Ракурсы евроскептического угла

Публикации в эстонских газетах, ярко выражающие евроскептический дискурс или же вскользь его затрагивающие, представлены тремя тематическими блоками: **политическим, экономическим и аксиологическим** (часто в одной статье находятся постулаты из нескольких или даже всех этих блоков).

Политический блок поднимает такие проблемы, как европейская бюрократия [88, с. 4], коррупция, различного рода уступки Евросоюзу. Недовольство может получить факт вмешательства Брюсселя во внутренние дела Эстонской Республики, внешнеполитическая слабость ЕС (затруднительность проведения скоординированной внешней политики в связи с наличием внутренних разногласий), диктат воли крупных стран-членов малым странам-членам (концепция «*разноскоростной Европы*»). Приводился перевод на эстонский язык выдержек из западноевропейской прессы, подчеркивавшей в том числе, что «*ЕС уже имеет характеристики государства, а государства-члены потеряли большую часть своей власти*» [52, с. 4]. Особенной критике подверглась бюрократия ЕС: «*Всю жутко дорогую бюрократию ЕС оплачивают жители стран-членов*» [169, с. 2]. Другой пример: «*Политики и члены правительства Эстонии не утруждают себя мыслью о том, что будет с эстонским народом и культурой, со страной и с собственной государственностью, если исчезнут границы и наши деньги, когда Эстония будет официально подчинена брюссельской бюрократии. <…> Я не евроскептик, но мы должны знать, каково будет реальное положение Эстонии как малого государства в новом союзе, и кто будет иметь реальную власть*» [188, с. 7]. Приводились и контртезисы: «*Эстония должна выступать за сокращение бюрократии в Европе*» [32, с. 2]. Другой контртезис: «*Евроскептики не терпят ЕС, потому что это крайне бюрократическое явление, а, между тем, самым большим союзником евроскептиков является именно сама вот эта бюрократия, будь она эстонского или брюссельского происхождения*» [71, с. 2].

Присутствует на страницах газет и страх утраты Эстонией суверенитета. С точки зрения эстонских евроскептиков (которые по большей части являются националистами) не важно, какая в Эстонии «оккупация» – мягкая (в их примере – ЕС'овская) или жесткая (в их представлении, к такой относится, например, нацистская оккупация Эстонии). В их интерпретации, любая оккупация – это невозможность для Эстонии прово-

дить свою внутреннюю и внешнюю политику. Активно вспоминался продолжительный временной этап, когда Эстония была под властью иной, чужеземной силы: «*Мало было что ли нам 700 лет рабства?*» [73, с. 3]. Контртезисом выступило такое умозаключение: «*ЕС нельзя сравнивать ни с игом немцев, датчан, шведов, поляков, русских, ни с игом Советского Союза, который пережили эстонцы, сохранив при этом свою самобытность, язык и культуру. ЕС не представляет угрозы этим ценностям, как предполагалось в последнее время. Эта организация по-прежнему является прежде всего экономическим союзом*» [195, с. 5].

Во главу угла евроскептиками ставится примат эстонского национального государства, а не ЕС: «*Эстонский народ выживет только в том случае, если он будет иметь свою страну и сможет сам управлять своими делами и принимать решения*» [141, с. 4]. Утверждалось, что присоединение Эстонии к ЕС «*означало бы угрозу сохранению государственности и эстонского народа, и было бы полезно только элите, т.е. 10% населения*». Приводилась мысль, что в случае вступления «*Эстония также потеряла бы суверенитет над своими недрами*». Речь шла даже «*не столько о горючих сланцах и фосфоритах, сколько о редкоземельных металлах, в т.ч. диктионемовом аргиллите, содержащем уран, молибдене и ванадии*» [176, с. 2]. Высказывалось мнение, что вступление Эстонии в ЕС «*приведет к значительной потере государственного суверенитета, а Брюссель будет порой навязывать выполнение неразумных директив, которые не учитывают наши возможности и традиции*» [11, с. 4]. Упоминалось и о «*давнем желании европейской космополитичной элиты ослабить традиционные национальные государства, чтобы в конце концов создать Соединенные Штаты Европы, в которых у отдельных государств-штатов не было бы особого права голоса*» [15, с. 14]. Подчеркивалась и «*крайняя сложность*» в случае последующего возможного запуска процедуры выхода Эстонии из ЕС [50, с. 2]. Отмечалось в прессе и то, что «*свободное движение рабочей силы и внутренняя миграция в ЕС как отдельная сфера были предметом достаточно острых дискуссий*» [78]. Контртезисом же к вопросу о закрытии границ являлся следующий: «*Отказ от Шенгенской зоны вернёт Эстонию в каменный век и нанесет ущерб как нашей экономике, так и экономике ЕС*» [192, с. 2].

Приводилось мнение консервативного британского евроскептика, члена Европарламента Дэна Ханнана, согласно которому «*многие решения в ЕС принимаются недемократично, а Эстония не выиграла от присоединения к ЕС*» [91, с. 3]. Уно Сильберг и вовсе ставил вопрос об «*ан-*

тиконституционности присоединения Эстонии к ЕС». Он утверждал, что это решение «*было, есть и будет оставаться неконституционным до тех пор, пока народ не даст свое разрешение в соответствии со статьей 162 Конституции Эстонии*» [160, с. 2]. Евроскептики утверждали, что «*присоединение Эстонии к идущей к федерализму Европе неотвратимо ведет к утрате страной суверенитета, хотя первая статья Конституции Эстонии утверждает, что ее суверенитет и независимость вечны и неотчуждаемы*» [12]. Приводился рассказ о посещении в 1999 г. евроскептиком К. Кульбоком *Тартуского информационного центра ЕС* и сделанное им там заявление о том, что «*Эстония всё равно не имеет права голоса в ЕС, потому что если там что-то решается большинством голосов, то всё делается так, как говорят большие страны, потому что у них просто очень много голосов*» [89, с. 5]. По мнению евроскептиков, после ратификации Эстонией Конституции ЕС, «*Конституция Эстонии, в которой зафиксирована обязанность государства защищать интересы эстонской культуры и языка, станет недействительной*» [30]. Обозначался план «лечения» ЕС, зараженного «федеративной болезнью»: «*ЕС должен быть не единым государством, а свободной ассоциацией национальных государств*», необходимо «*восстановить государственный контроль над своими границами*» и «*ликвидировать Европейскую Комиссию*» [65, с. 2]. Признавался и недостаток демократических процессов в ЕС: «*Новая волна» политиков-евроскептиков направлена на восстановление демократии в ЕС*». Март Хельме традиционно выступает «*против превращения ЕС в федеративное государство, потому что я вижу в нем кладбище малых народов. Я также не могу нигде видеть ЕС, который хотел бы и мог бы защитить нас от России*» [186, с. 1]. Предрекалась и его неминуемая гибель: «*ЕС разваливается сам по себе, даже делать ничего не надо. Он уже начал постепенно разрушаться. Вопрос в том, что будет после ЕС*» [185, с. 12].

В июне 2009 г. (в преддверии выборов в Европарламент) «*убежденный евроскептик*», член волостного собрания волости Ания К. Арусте на страницах газеты *Sõnumitooja* заявил, что «*Эстония не получит большой доход от 6 мест в Европарламенте. Вряд ли наши 6 депутатов смогут сделать что-то важное для Эстонии среди более чем 700 депутатов Европарламента*». Однако, он призвал всех скептиков прийти и проголосовать, чтобы «*по крайней мере предотвратить худшее – попадание в ряды избранных нами евродепутатов каких-либо интернационалистов или подобных им депутатов, представляющих антиэстонские силы*» [36,

с. 2]. Артикулировалась и мысль о том, что в Европарламенте «*не менее половины представителей Эстонии обязательно должны быть евроскептиками, чтобы обеспечить баланс между блюстителями суверенитета и теми, кто готов еще больше централизовать ЕС, т.е. любезно подарить нашу государственную власть*» [138, с. 2]. «*Евроскептик, но зато убежденный сторонник НАТО*» (как он сам себя называет), писатель Пеэтер Райдла (проголосовавший на референдуме против вступления Эстонии в ЕС) отмечал, что «*главное, что Эстония (и все остальные государства-члены ЕС) получит от Брюсселя, – это бессмысленные европейские директивы. Миллионы, полученные от Европы, никак не смогут выровнять пришедшее с ними чрезмерное нормирование нашей жизни*» [143, с. 11]. И даже спустя 10 лет после присоединения Эстонии к ЕС «*колебания не исчезли. Сомнения относительно устойчивости европейского государственного управления существуют и сегодня*» [158, с. 15].

Евроскептики и СССР/Россия. К политическому блоку можно отнести и позиции эстонских евроскептиков в отношении СССР/России. Лейтмотивом многих публикаций, посвященных ЕС, является своего рода «отгораживание» намеревающейся вступить в ЕС или уже вошедшей туда Эстонской Республики от Российской Федерации, что вписывается в канву общего негативного фона эстонско-российских отношений. Большинство правых эстонских популистов, националистов и евроскептиков (даже из тех, кто с нейтралитетом относятся к России), являются ярыми и непримиримыми антикоммунистами. Приравнивание Евросоюза к Советскому Союзу («*ЕС = СССР*») странствует по страницам газет, в которых фигурируют публикации с евроскептической тематикой. Антикоммунисты сравнивают ЕС и СССР по многим параметрам: «*Экономический рост в ЕС низкий, безработица там высокая, а всё делопроизводство централизовано, как это было в Советском Союзе*» [190, с. 6]. Упор делался и на бюрократической машине: «*ЕС – это что-то вроде Советского Союза, где снова создана централизованная система и где все вопросы решаются в Брюсселе, как раньше в Москве*» [171, с. 3]. Фигурировали и довольно общие, расплывчатые фразы на этот счет: «*Эстония бежит из одного Союза в другой, причём этот, Европейский, не лучше, чем был СССР*» [17, с. 12]. Приводилась и следующая позиция: «*в составе СССР Эстония была западным, образцово-показательным авангардом, в ЕС она долгое время будет отсталой восточной окраиной, статус которой будет сильно зависеть от отношений Европы с Россией*» [8]. Одним из контртезисов здесь (правда, не из газеты, а из журнала *Diplomaatia*)

выступает следующий: «*Вступление в ЕС не является построением коммунизма или партийной программой европейской интеграции*» [179, с. 2]. Другой приведенный в СМИ контртезис (о кардинальных различиях между Москвой и Брюсселем) сводится в том числе к тому, что СССР «*аннексировал Эстонию в 1940 г., напротив, Великобритания присоединилась к ЕС совершенно добровольно, также проведя референдум; Советский Союз убил и депортировал миллионы людей, ЕС никого не убивал и не депортировал*» [37, с. 6].

В апреле 2004 г. директор *Исследовательского центра евроскептиков «Свободная Европа»* и кандидат в депутаты в Европарламент Мартин Хельме призвал народ Эстонии бойкотировать официальные мероприятия, связанные с вступлением Эстонии в ЕС в знак протеста против уступок Евросоюза России. По его мнению, подписание Протокола о распространении Соглашения о партнерстве и сотрудничестве на новых членов ЕС и сопровождавшее его совместное заявление являлись «*откровенной продажей интересов Эстонии Москве со стороны Брюсселя*» [56, с. 7]. Приводилась идея о том, что с востока Эстония граничит с «*враждебными силами*», и что «*Кремль планирует захватить Прибалтику*», а поэтому европейское единство в виде ЕС – та необходимая панацея для сохранения эстонского суверенитета. Авторов-евроскептиков (из эстонской системной и несистемной оппозиции) часто вовсе предпочитают не замечать, а иногда им ставят в вину работу на внешние центры силы: «*Выступающие под маской борцов за независимость*» и являющиеся «*агентами России*» эстонские евроскептики «*выполняют внешний политический заказ*» [18]. По сути происходит сведение внутренней политической динамики к недружественным действиям других государств: «*Что интересно сейчас, так это то, что евроскептики с обеих сторон политического спектра поддерживают В.В. Путина. Это открытая информация. Существуют очень авторитетные источники, которые утверждают, что В.В. Путин даже финансирует, например, французский Национальный фронт и Ле Пен*» [139, с. 5].

Немного отступим сейчас от изучения газет и приведем несколько цитат из эстонских журналов. Так, в журнале Кайтселийта утверждалось, что «*усилия многих стран по укреплению государственного суверенитета создают для России возможности для сотрудничества с европейскими правыми популистами и евроскептиками с целью ослабления и развала ЕС изнутри*» [99, с. 47]. В журнале *Sõjateadlane* приводилась мысль о том, что «*стратегические нарративы России доводятся до целевых групп*

(в т.ч. евроскептиков) гласными и негласными методами, тщательно адаптированными к конкретным проблемам недовольных сообществ» [118, с. 200]. Эстонскими журналистами не остались незамеченными и поездки представителей евроскептического *Французского национального фронта* в Крым [81, с. 19].

Евроскептицизм и русские/русскоязычные в Эстонии. Отмечался традиционно высокий уровень евроскептицизма у русских (как и в целом у русскоязычных) жителей Эстонии. Так, в 1995 г. приводился ответ некоего Юрия (55 лет) – русского, проживавшего в Эстонии – на вопрос о перспективе вступления Эстонии в ЕС: «*Как русский я бы, конечно, сказал «Нет», потому что русских здесь и так дискриминируют. Возможно, когда Эстония не смогла бы стать членом ЕС, поняли бы, что русский – тоже человек*» [94, с. 2]. Утверждалось, что евроскептически и антииммигрантски настроенная *Консервативная народная партия Эстонии* близка русским избирателям Эстонии: «*Национализм, особенно подпитанный СМИ, консервативно настроенному русскому электорату не чужд как принцип (хотя и лишен подлинной национально-культурной основы, поскольку отчасти подменен принципом имперскости), поэтому партия Марта Хельме ему, на самом деле, идеологически ближе, чем умеренно-либеральные реформисты и социал-демократы*» [20, с. 18]. Циркулировало мнение, согласно которому «*причиной евроскептицизма среди русскоязычных эстоноземельцев является «другое информационное поле*» [75, с. 2]. В последнее время всё больше выделялась и роль КНР в этих процессах. В периодическом издании *VLA* находим: «*Китайская пропаганда углубляет евроскептицизм, настроенность против НАТО и недоверие к демократическим ценностям, которые и так распространены среди русскоязычного населения стран Балтии*» [68, с. 67].

Экономический блок объединяет статьи, призывающие защитить национальную экономику от вмешательства ЕС, остановить рост цен на сельскохозяйственную продукцию, критикующие в целом (или по отдельным параметрам) сельскохозяйственную политику ЕС. В них отмечается возрастание налогового бремени, выражаются опасения в связи с притоком иностранной рабочей силы. В эстонской прессе указывалось на то, что ЕС имеет «*большой, дорогой и сложный механизм перераспределения доходов от богатых к бедным регионам. В таком своем виде он не очень эффективен, допуская высокий уровень расточительства и мошенничества*» [83, с. 6]. Говорилось и о том, что «*используя фонды помощи ЕС, Эстония продает себя в рабство*» [141, с. 4]. Упоминался присущий

эстонцам «*вполне резонный страх того, что ЕС убьет местное производство*» [51, с. 2]. Отмечался «*рост безработицы в Эстонии и вынужденная продажа эстонцами своей земли и имущества*» [121, с. 2]. Приводились примеры «*надуманных законов ЕС, не учитывающих местных условий*», согласно которым, дескать, «*после присоединения к ЕС эстонские водители потеряют работу, а на их места придут безработные европейцы*» [53, с. 2]. Отмечалось в прессе и то, что «*свободное движение рабочей силы и внутренняя миграция в ЕС как отдельная сфера были предметом достаточно острых дискуссий*» [78]. Контртезисом к нараставшей миграционной проблеме и вопросу об открытых границах являлся следующий: «*Отказ от Шенгенской зоны вернёт Эстонию в каменный век и нанесет ущерб как нашей экономике, так и экономике ЕС*» [192, с. 2].

Экономическая тематика была присуща высказываниям Ивара Райга: «*Европарламент не играет никакой роли в вопросах пенсионной политики*», «*поддержка ЕС народом может снова начать уменьшаться, если объединение не сможет сделать свои властные структуры более демократичными и понятными народу, а экономику более конкурентоспособной*» [144, с. 2]. В 1999 г. председатель эстонского движения «*Нет Европейскому союзу!*» У. Сильберг задался вопросом: «*Зачем эстонскому государству иметь свой бюджет, когда доблестные еврочиновники уже находятся у помпы в Брюсселе*» [159, с. 11]. Кстати, подготовку акций своего движения У. Сильберг в шутку называл одним из «*самых диких дел*» [182, с. 6]. В июле 1999 г. отмечалось, что «*только молочная и мясная промышленность имели более тесные контакты с ЕС*». Упоминалось также повышение в ЕС акцизов на бензин [157, с. 2]. В начале 2011 г. многие эстоноземельцы поддались т.н. «сахарной панике» (когда новости о скором повышении цен на сахар и росте спроса вызвали волнения среди жителей Эстонии), а также страху перед возможным повышением налогов: «*Я не хочу быть евроскептиком и думаю, что в ЕС наше экономическое положение наконец-таки улучшится. Но, к сожалению, первоначальное развитие событий всё же противоположное. Цены сразу же стали повышаться. Из-за алчности торговцев, у которых руки оказались развязаны, цены повысились даже раньше, чем это было необходимо*» [9, с. 4].

Подчеркивалась важность проведения Эстонией лоббистской работы: «*ЕС субсидирует только ту часть сельского хозяйства, которая определяется квотами, однако Эстонии очень сложно получить квоты, так как это требует тотальной лоббистской работы*» [137, с. 4]. Евроскептики призывали «*восстановить обменные курсы валют между странами,*

чтобы не приходилось расплачиваться с Грецией и т.д., чтобы регулировать экономические циклы», они также хотели «*поставить корпорации под демократический контроль*» и «*восстановить свободный рынок и конкуренцию*». Традиционным является освещение в прессе идей Мартина Хельме, в т.ч. и по экономической тематике: «*На всех властных уровнях ЕС работают во имя того, чтобы выкачать из налогоплательщиков как можно больше денег и через бюджет направить их паразитирующим институциям*» [131, с. 4]. Приведем пример и контртезисов. Среди них: «*Эстония должна вступить в ЕС*», ведь после этого «*эстонская экономика будет развиваться быстрее и доходы людей будут постепенно догонять западноевропейский уровень*» [6]. Или: «*Присоединение к ЕС означает для Эстонии освобождение от неравных условий конкуренции в ВТО*» [100, с. 1]. Вступление Эстонии в ЕС виделся как вопрос, заключавшийся «*в нашей зрелости, чтобы войти в семью демократических обществ всеобщего благосостояния*». Подчеркивалось, что «*Эстония – бедная страна, где большая часть населения страдает от бедности*» [170, с. 2]. «*ЕС во многом определяет торговлю и качество между странами. Работает так или иначе сельский лавочник, или кто-то варит пиво для собственного потребления и делает колбасу для жителей своего района, – всё это дело региональных властей, даже дело уездной управы*» [43, с. 6].

Евроскептики и присоединение Эстонии к еврозоне в 2011 году (переход с эстонской кроны на евро). В апреле 2010 г. (более чем за полгода до вхождения Эстонии в еврозону), на страницах газеты *Äripäev* появилась заметка, в которой Ивар Райг высказался о том, что «*пришло самое крайнее время, чтобы остановить пришествие евровалюты*» [55, с. 15]. Еще одно его мнение: «*Евро сделает наши кошельки тяжелее, потому что монеты станут использоваться чаще*» [28, с. 2]. Фигурировала мысль о том, что «*собственные деньги – показатель силы страны*» [161, с. 6] и то, что «*эстонская крона – красивая, любимая и сильная*» [1, с. 2].

В 2010 г. читателям предлагалась «мысль дня» от Мартина Хельме, гласившая, что «*теперь девальвируется сам евро, который ведь должен был спасти нас самих от девальвации*» [130, с. 4]. И другое мнение этого же политика: «*Евро – это гвоздь в крышку гроба эстонского народа, его введение знаменует переход крупной собственности от эстонцев к иностранцам*» [109, с. 8]. Традиционно в прессе подается и мнение отца Мартина – Марта Хельме, в т.ч. и по этой горячей для евроскептиков/еврокритиков теме: «*Может быть, нам ещё повезет, может быть, с грохотом проносящийся по Европе долговой кризис уничтожит евро рань-*

ше 1 января 2011 года, и нашим политикам, несмотря на всё их желание, не удастся отказаться от наших собственных денег» [29, с. 2]. Подсвечивались в газетах и мнения противников вступления Эстонии в еврозону из числа простых эстоноземельцев – в т.ч. и из преимущественно русскоязычного уезда Ида-Вирумаа. Так, реплика некой Нины из города Нарвы на титульной странице одного из номеров *Eesti Päevaleht* гласит: «*Пенсия будет составлять менее 300 евро. Как же я должна обходиться с такой небольшой суммой денег?*» [151, с. 1]. В прессе распространялось и заявление бывшего президента Национального банка Швеции и члена Европарламента, шведского евроскептика Ларса Вохлина, в котором он призвал «*создать скандинавское федеративное государство, куда бы вошли Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия и, может быть, даже Исландия и Эстония, которые вместе будут иметь свою общую валюту*» [103, с. 8]. Среди евроскептиков циркулировало распространенное мнение, что приход в Эстонию евро приведет к росту цен [166, с. 5]. Один из контрдоводов звучал так: «*Мы живем в демократической, единой Европе, и евро – это тоже наши собственные деньги, которые, как и эстонскую крону, мы собираемся обеспечить своими резервами*» [112, с. 9]. Подавался и другой контрдовод: «*Стремление к введению евро поможет нам навести порядок в государственной бухгалтерии, то есть привести расходы в соответствие с доходами. После разгулья прежних лет, когда денег поступало больше запланированного, это без серьезного стимула достаточно трудно сделать*» [1, с. 2].

Аксиологический блок представлен статьями, выражающими оскудение духовных ценностей, опасения о постепенной утрате Эстонией национальной идентичности и о возможном курсе на частичное вырождение традиционных семейных ценностей. Отмечались неблагоприятные демографические явления (иммиграция и «утечка мозгов»). К важным сюжетам, поднимаемым евроскептиками, относятся бездуховность европейской политики, поиск национальной идентичности, защита национальной культуры перед евроинтеграционными процессами, пропаганда семейных и религиозных (христианских) ценностей. Кстати, такие темы присущи газетным публикациям представителей евроскептического лагеря многих европейских стран. Параллели здесь можно провести и со многими странами ЦВЕ, например, с Польшей, в которой издания *Niedziela*, *Tygodnik powszechny*, *Polityka* выражают на своих страницах во многом такой же ценностный евроскептический нарратив [22, с. 57].

Часто в эстонской прессе проводилась мысль о том, что «*у европейской*

культуры больше нет своего лица» [140, с. 3]. Подчеркивалась «*боязнь потерять культурную идентичность*» [174, с. 2]. Контртезис же звучал следующим образом: в странах-членах ЕС «*до сих пор процветает национальная культура, да и независимости в них хватает. Все страны, входящие в ЕС, уверены в своей независимости*» [173, с. 4]. Отстаивалась идея, что «*в случае превращения ЕС в федерацию у Эстонии не будет оснований в защите своего языка и народа*» [197, с. 4]. Евроскептики не желали, чтобы Эстония присоединилась к «*новой федерации*», которой, по их мнению, в ближайшем будущем станет ЕС, «*поскольку это означало бы угрозу сохранению государственности и эстонской нации. Выиграет же только элита, т.е. 10% населения страны*» [176, с. 2]. Евроскептики уверяли, что «*путь к выживанию и развитию эстонского народа на его родной земле – национальная идентичность, защищенная прочной стеной духовности*» [164, с. 9]. Они вопрошали: «*Что станет с нашим языком – первым, а может быть, и единственным признаком нашей идентичности? А как насчёт культуры, которая живёт в этом языке? Ждём ли мы – с нашим крохотным языком и последними хуторами – участи индейских детей в резервации? <…> Очень хочется надеяться, что через несколько лет, уже как гражданину большого федеративного государства, мне не придётся полусекретно, на вымирающем языке, писать книгу под названием «Воспоминания о независимости*» [82, с. 13]. В контексте риторики о размывании идентичности один из контртезисов звучал так: «*Одна из причин, почему мы должны вступить в ЕС, несмотря ни на что, заключается в том, что Финляндия уже находится в ЕС и, вероятно, останется там. В тени кулис ЕС сбылась наша давняя мечта о «финском мосту». Нам нужна Финляндия, собственно, как я понимаю, Финляндии мы тоже нужны. Обе наших страны и культурно, и лингвистически немного чужды Европе, и нам было бы приятнее нести нашу финно-угорскость вместе, чем в одиночку. Конечно, как в Финляндии, так и в Эстонии есть те, кто стыдится этой финно-угорскости, этой инаковости и хотел бы раз и навсегда стать европейцем, отбросить от себя как можно дальше дух Варгамяэ и Импиваара*» [86, с. 2].

Заключение

Таким образом, отметим высокую роль эстонской прессы в деле формирования мнения среди эстонской общественности по европеистской (в т.ч. как по европтимистической, так и по евроскептической) повестке дня. В газетах Эстонии преимущественно говорилось о плюсах

членства в ЕС, его привлекательности. Формирование положительного образа ЕС в эстонской прессе было призвано усилить прагматические настроения в обществе, подтвердить однозначность и правильность европейского выбора Эстонии. Лишь в небольшом количестве публикаций указывается на вмешательство ЕС в экономику государств-членов, оказание давления со стороны крупных стран на малые страны, разрастание брюссельской бюрократии и т.д. Проведенное исследование продемонстрировало наличие в прессе хоть и ограниченной, но весьма существенной и укоренившейся евроскептической компоненты. Евроскептическая риторика находит распространение также и на страницах прессы, не принадлежащей к идеологическому мейнстриму, например, присутствует она в небольших газетах локального характера (издаваемых в печати в отдельных уездах/волостях), а также в нишевых, маргинальных и некоторых партийных газетах. Подчеркнем, однако, что в отличии о той же по праву считающейся «*родиной евроскептицизма*» Великобритании (где пресса наполнена евроскептической риторикой, установки которой уходят корнями в британскую политическую культуру, медиа-систему и общественное мнение [124, с. 2]), эстонская пресса весьма умерена в проявлениях евроскептицизма. Он предстает здесь весьма дозированным, а также во многом ситуативным (как реакция на конкретные триггеры – будь это референдум по членству страны в ЕС или разразившийся финансовый кризис).

Наличие евроскептической компоненты в эстонской прессе сбалансировано присутствием многочисленных публикаций, содержащих огромное количество контртезисов для уравновешивания подобной евроскептической риторики. Наблюдается всё же значительный перевес еврооптимистического дискурса в ущерб евроскептическому. Исповедующие евроскептические позиции авторы (журналисты, политики, общественные деятели и представители творческой интеллигенции) апеллируют в газетах Эстонии к первостепенным для современной Европы ценностям, таким как демократические принципы политической жизни, концепция национального суверенитета, защита языкового суверенитета и т.д. Евроскептическая повестка не вызывает большого интереса со стороны мейнстримных эстонских СМИ, однако, даже присутствующая на их страницах, такая риторика прекрасно вписывается в общий евроинтеграционный контекст и предстает скорее как неизбежность (или естественная «цена» интеграционного процесса), которая присутствует на данном этапе, но в скором будущем возможно будет и вовсе устра-

нена как дискурс или снижена до самого что ни на есть минимального уровня. Часто евроскептицизм преподносится в эстонской прессе как маргинальный внешнеполитический дискурс, не имеющий в реальности существенных рычагов влияния на внутреннюю политику Эстонии. Объяснение такой позиции зиждется, с одной стороны, на понимании характера самой эстонской медиа-системы (о ее минусах и плюсах говорилось в начале данной статьи), с другой же стороны, на том факте, что евроскептики в Эстонии не имели (и не имеют в настоящее время) единой политической партии/движения и объединяющего их всех явного лидера (т.е. они не могут создать сколько-нибудь серьезный противовес практически тотально еврооптимистически настроенной политической элите страны), а также зачастую занимают нерешительную, осторожную и весьма умеренную позицию. Отметим также, что евроскептическая тематика в прессе времен периода вступления Эстонии в ЕС, конечно, несколько отличается (как по содержанию, так и по степени её жёсткости) от тематики, например, конца 2010-х или начала 2020-х гг.: присутствовавшие в 1990-х и начале 2000-х гг. вкрапления жёсткого евроскептицизма постепенно к сегодняшнему дню сошли на нет со страниц эстонской прессы – как в количественном, так и качественном измерениях, оставаясь лишь в газетах некоторых эстонских политических партий и движений. На место же жёстких евроскептических идей пришел (или верней сказать, остался на их месте) незначительный и мягкий евроскептицизм. Широко продолжают быть представленными на протяжении всего исследованного отрезка времени на страницах эстонской прессы и публикации, содержащие европрагматические и еврореалистские настроения.

Список литературы / Bibliography

1. В ожидании евро // Северное Побережье. 2009. № 156. 25.08.2009. С. 2.
2. Гаранжа Е. Евроскептики поднимают забрало // Молодежь Эстонии. 31.01.2003.
3. Гаранжа Е. Март Хельме: Я знаю русских лучше, чем сами русские // День за Днём. 2013. № 40. 04.10.2013. С. 16.
4. Гаранжа Е. «Такие дела» эстонских евроскептиков // Молодежь Эстонии. 16.03.2004.
5. Гаранжа Е. Торговой стране нужна независимость // Молодежь Эстонии. 21.04.2003.
6. Гаранжа Е. Ханнес Румм: «раз нас все ругают, значит, мы достигли компромисса» // Молодежь Эстонии. 23.07.2003.
7. Деменков А. Первый шаг к ассимиляции // Rus.Delfi.ee. 24.08.2005. URL: https://rus.delfi.ee/a/11040575 (дата обращения: 04.10.2022).
8. Деменков А. Эстонский путь из СССР в ЕС // Молодежь Эстонии. 04.08.1999.
9. Десять лет в ЕС // Северное Побережье. 2014. № 82. 03.05.2014. С. 4.
10. Евро живее всех живых // Деловые Ведомости. 2013. № 23. 12.06.2013. С. 23.
11. Европритеснения // Северное Побережье. 2013. № 114. 15.06.2013. С. 4.
12. Евроскептики – за независимость // Молодежь Эстонии. 25.08.2003.
13. Кавешников Н.Ю. Европейский союз глазами российских печатных СМИ // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2005. № 21. С. 65-66.
14. Караев Н. Наше антипутинское здравомыслие // День за Днём. 2016. № 27. 02.07.2016. С. 20.
15. Киви Р. Ирония судьбы, или Европейская дезинтеграция // День за Днём. 2012. № 49. 07.12.2012. С. 14.
16. Клочков Н. Общество обывателей заслуживает правительства обывателей // Силламяэский Вестник. 2019. № 24. 13.06.2019. С. 2.
17. Корстен Т. «Еврошкола» делает Европарламент сексуальней // Северное Побережье. 2010. № 25. 06.02.2010. С. 12.

18. Кто против вступления в ЕС? // Молодежь Эстонии. 19.07.2003.
19. Кулбок К. ESTexit? // Postimees: на русском языке. 2016. № 76. 28.06.2016. С. 5.
20. Лагашина О. О чем поет «Йоббик» // День за Днём. 2016. № 3. 16.01.2016. С. 18.
21. Манукян А. Оранжевое «Нет» // Молодежь Эстонии. 08.08.2003.
22. Павлюх М.В. Евроскептицизм как мировоззренческая сфера польской качественной прессы // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 3-4 (8). С. 57.
23. Румыния выбрала евроскептиков // Деловые Ведомости. 2016. № 45. 14.12.2016. С. 16.
24. Стародумова М. Провальная победа Меркель, или Голоса русских ФРГ за Альтернативу // Столица. 2017. № 32. 02.10.2017. С. 8-9.
25. Тетерин И. О русской газете замолвите слово // Комсомольская правда. 19.07.2010. URL: https://www.msk.kp.ru/daily/24524.5/671789 (дата обращения: 04.10.2022).
26. Тух Б. Евроскептик в Европарламенте: профессор и политик Игорь Грязин // Столица. 2018. № 33. 12.11.2018. С. 8.
27. Тэвдой-Бурмули Л.А. Реакция правопопулистской немецкой прессы на референдум по выходу Британии из Евросоюза // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2017. № 6. С. 151.
28. Цитата дня // Северное Побережье. 2009. № 232. 09.12.2009. С. 2.
29. Цитата дня // Северное Побережье. 2010. № 179. 24.09.2010. С. 2.
30. Шегедин А. Евроскептики: правительство и парламент готовят государственный переворот // Молодежь Эстонии. 09.05.2006.
31. Эстонский издатель: Наша пресса боится говорить правду о Южной Осетии // Regnum. 12.12.2008. URL: https://regnum.ru/news/polit/1098512.html (дата обращения: 04.10.2022).
32. Aas T. Eesti peab seisma bürokraatia vähendamise eest Euroopas // Kesknädal. 2019. № 16. 24.04.2019. Lk. 2.
33. Aasmäe H. Euroentusiasm, -realism, -skeptitsism // Sõnumileht. 1997. № 232. 05.10.1997. Lk. 8.
34. Aava K. Kõnevõistlus “Milleks Euroopa?” // Õpetajate Leht. 2001. № 43. 30.11.2001. Lk. 14.
35. Alver J. Keila vald suureks // Keila Valla Leht. 2016. № 5. 01.05.2016. Lk. 2.
36. Aruste K. Lähme valima! // Sõnumitooja. 2009. № 22. 03.06.2009. Lk. 2.
37. Bahovski E. Brexit: irratsionaalsuse pealetung // Diplomaatia. 2019. № 3. 26.03.2019. Lk. 6.
38. Bahovski E. Brexitile võib järgneda Frexit. Või lihtsalt kaos // Vooremaa. 2016. № 23. 27.02.2016. Lk. 2.
39. Bahovski E. Marine Le Pen Maarjamaal: mida oodata? // Lääne Elu. 2019. № 55. 14.05.2019. Lk. 2.
40. Eitajate abil parlamenti // Sakala. 2004. № 57. 24.03.2004. Lk. 2.
41. Ennet P. Jüriöölased partei küsimärgi all // Postimees. 26.08.1998.
42. Ennet P. Jüriöölased tahavad täita euroskeptitsismi nishshi // Postimees. 01.06.1998.
43. Erilaid T. Eesti ministridki on euroskeptikud // Õhtuleht. 2002. № 149. 29.06.2002. Lk. 6.
44. Erlandsen E. Norra – üha rohkem isoleeritud // Sõnumileht. 1997. № 299. 11.12.1997. Lk. 17.
45. Esmaspäeval hääletavad norralased EU-ga liitumise küsimuses // Päevaleht. 1994. № 273. 24.11.1994. Lk. 5.
46. Estonia // Reporters Without Borders. 2022. URL: https://rsf.org/en/country/estonia (accessed 03.10.2022).
47. Euroahistamine // Põhjarannik. 2013. № 114. 15.06.2013. Lk. 4.
48. Eurobaromeeter internetis // Eesti Päevaleht. 1998. № 289. 05.11.1998. Lk. 6.
49. Euroliidu maine on kahanenud // Sõnumileht. 1998. № 130. 17.05.1998. Lk. 3.
50. Euroopa Liidust on raske välja astuda // Post. 1995. № 576. 23.05.1995. Lk. 2.
51. Euroopa Liit tekitab sõltuvuse // Post. 1996. № 889. 08.06.1996. Lk. 2.
52. Euroopa Liit – mis saab edasi? // Post. 2005. № 946. 31.05.2005. Lk. 4.
53. Euroopaga ühenemine suurendab tööpuudust // Post. 1995. № 744. 13.12.1995. Lk. 2.
54. Europropaganda uus tase // Sõnumileht. 1998. № 185. 18.07.1998. Lk. 9.
55. Eurorong sõidab vastastest üle // Äripäev. 2010. № 65. 06.04.2010. Lk. 15.
56. Euroskeptikud: euroliit kapituleerus Moskva ees // Sakala. 2004. № 82. 29.04.2004. Lk. 7.
57. Euroskeptikud kurdavad ebavõrdse kohtlemise üle // Postimees. 29.03.2003.
58. Euroskeptikud: referendumid polnud ausad // Sakala. 2003. № 200. 16.10.2003. Lk. 8.
59. Eurovastased kleepisid plakateid // Õhtuleht. 2003. № 173. 30.07.2003. Lk. 5.
60. Eurovastased loovad oma erakonda // Postimees. 04.10.2003.
61. Eurovastased lähevad pealinnas meelt avaldama // Sakala. 2004. № 116. 17.06.2004. Lk. 5.
62. Eurovastased lähevad põhiseadusleppe asjus meelt avaldama // Postimees. 14.09.2004.
63. Eylandt O. Euroopastumine ja Euroopa Liidu identiteet Eesti ajakirjanduses 2003-2017. Magistritöö. Juhendaja: H. Pääbo. Tartu, 2018. Lk. 39.
64. Gräzin I. Kuulake ka euroskeptikuid! // Postimees. 10.05.2001.
65. Gräzin I. No milles asi, noh? // Vooremaa. 2019. № 49. 27.04.2019. Lk. 2.
66. Gräzin I. Palve: nähkem positiivset! // Vooremaa. 2013. № 148. 21.12.2013. L. 2.
67. Hiietamm A. Valijateta valimised // Sõnumileht. 1999. № 136. 15 .06.1999. Lk. 2.
68. Hiina ja Venemaa suhted COVID-19 pandeemia ajal // Eesti rahvusvahelises julgeolekukeskkonnas. № 1. Juuni 2022. Lk. 67.
69. Hvostov A. Euroskeptikud ja uus Jüriöö mäss // Eesti Päevaleht. 1996. № 30. 07.02.1996. Lk. 2.
70. Hvostov A. Euroskeptikute kõrge kotkalend // Eesti Päevaleht. 1998. № 145. 03.06.1998. Lk. 2.
71. Hvostov A. Kuidas küsijale suu pihta lüüakse // Eesti Päevaleht. 1998. № 228. 05.09.1998. Lk. 2.
72. Hvostov A. Nädalast nädalasse // Sirp. 1998. № 18. 08.05.1998. Lk. 2.
73. Interneti eurodebatti juhivad skeptikud // Sõnumileht. 1998. № 190. 24.07.1998. Lk. 3.
74. Internetis avati euroskepsise koduleheküIg // Sõnumileht. 1998. № 89. 02.04.1998. Lk. 2.
75. Ivanov P. Teise info välja õigustus // Eesti Päevaleht. 2010. № 159. 14.07.2010. Lk. 2.
76. Jarne A. Igor Gräzin: näitustel ja ooperis käivad Brüsselis euroskeptikud // Kesknädal. № 19. 15.05.2019. Lk. 9.

77. Järvet A. Euroopa Liidu käsitlemine Postimehes aastatel 2000-2004 ja avalik arvamus Euroopa Liiduga liitumise suhtes. Tartu Ülikool. Bakalaureusetöö. Juhendajad: Prof. P. Vihalemm, doktorant A. Past. Tartu, 2007. Lk. 4.
78. Jürgenson K. Kust otsida euroskeptitsismi? // Postimees. 03.02.1998.
79. Kaasik S. Ajakirjanduse võim ja vastutus – Euroopa Liit ja Eesti avalik arvamus. Tartu: Tartu Ülikooli kirjastus, 2001. Lk. 89.
80. Kalda K. Euroliit tuli lähemale // Õpetajate Leht. 2000. № 20. 19.05.2000. Lk. 14.
81. Kaldre P. Trooja hobused // Maaleht. 2014. № 23. 05.06.2014. Lk. 19.
82. Kallas T. Euroopa Liit... kas mälestused iseseisvusest? // Sõnumileht. 1997. № 260. 02.11.1997. Lk. 13.
83. Kaplinski J. Euroskepsis levib liberaalide hulgas // Sõnumileht. 1997. № 164. 21.07.1997. Lk. 6.
84. Kaplinski J. Euroskeptitsismi kaitseks // Sõnumileht. № 188. 18.08.1997. Lk. 6.
85. Kaplinski J. Miks kaob Eestis eurovaimustus // Sõnumileht. 1997. № 211. 13.09.1997. Lk. 10.
86. Kaplinski J. Näoga Euroopa Liidu poole // Sõnumileht. 1996. № 65. 19.03.1996. Lk. 2.
87. Kirch A., Kirch M. National and European Identities: The View from Estonia – National and European Identities in EU Enlargement: Views from Central and Eastern Europe. Ed. by P. Drulak. Prague: Institute of International Relations, 2001. Lk. 137-138.
88. Kitsing M. Euroopas levib euroskeptitsism // Eesti Päevaleht. 1995. № 44. 28.07.1995. Lk. 4.
89. Kivine M. Eurotõde huvitas vaid eurovastast Kulbokit // Eesti Päevaleht. 1999. № 6. 09.01.1999. Lk. 5.
90. Kivirähk J. Erakonnamaastikul on jõud tasakaalus // Sõnumileht. 1998. № 1. 03.01.1998. Lk. 7.
91. Koido M. "Euroopa Liit muutis Eestit sotsialistlikumaks" // Linnaleht: [Tallinn]. 2006. № 153. 31.10.2006. Lk. 3.
92. Kopli K. Eurovastased koguvad peaaegu kõikjal jõudu // Eesti Päevaleht. 1996. № 245. 22.10.1996. Lk. 6.
93. Kraun M. Mida tähendab Itaalia olukord eurotsoonile? // Äripäev. 2018. № 48. 09.03.2018. Lk. 14.
94. Kui toimuks referendum Eesti Euroopa Liitu astumise kolda, kas hääletaksite poolt või vastu? // Post. 1995. № 733. 30.11.1995. Lk. 2.
95. Kukk E. Euroreferendumile mineku eel tasuks hankida lisateadmisi // Saue Sõna. 2003. № 15. 16.08.2003. Lk. 2.
96. Kungla K. Jüriöölaste toetuseks // Sõnumileht. 1998. № 162. 19.06.1998. Lk. 7.
97. Küttis K. Tagasi Euroopas // Sakala. 2004. № 251. 30.12.2004. Lk. 2.
98. Kuus A. Endel Lippmaa peab euroskeptikute algatust enneaegseks // Sõnumileht. 1996. № 25. 31.01.1996. Lk. 1.
99. Kuzitškin A. „Sõjarahva" loomine – vene valitsuse uus eesmärk I // Kaitse Kodu! : Kaitseliidu ajakiri. № 4. Aprill 2020. Lk. 47.
100. Laansalu A. Euroskeptikute hala kuulates // Maaülikool: Eesti Maaülikooli ajaleht. 2003. № 48. 05.06.2003. Lk. 1.
101. Laiapea A. Suurbritannias on eurovalimiste peateemaks Brexit // Kesknädal. 2019. № 19. 15.05.2019. Lk. 7.
102. Langemets A. Kas Euroopa tuleb Eestisse? // Sirp. 2003. № 34. 12.09.2003. Lk. 2.
103. Laugen L. Rootsi euroskeptik näeks ka Eestit Põhjala liitriigis // Eesti Päevaleht. 2012. № 151. 02.07.2012. Lk. 8.
104. Leedus on palju euroskeptikuid // Eesti Päevaleht. 1997. № 74. 04.04.1997. Lk. 6.
105. Leetsaar J. On põllumajandus, on ka probleemid... // Sõnumileht. 1996. № 55. 07.03.1996. Lk. 2.
106. Linnart J. Ettevaatust – Prantsuse paremäärmuslus! // Sõnumileht. 1997. № 37. 14.02.1997. Lk. 9.
107. Lugeja arvab // Äripäev. 2014. № 229. 15.12.2014. Lk. 14.
108. Lukas J. Europarlamenti kandideerijad debateerisid Jõgeval // Kesknädal. 2019. № 19. 15.05.2019. Lk. 9.
109. Lõhmus A. Euro tuleb kontrolljoonega // Maaleht. 2010. № 14. 08.04.2010. Lk. 8.
110. Mattheus Ü. Rong on läinud, perroon tühi // Sirp. 2008. № 12. 20.03.2008. Lk. 5.
111. Meie võitleme Euroopas iseseisva Eesti eest! // Konservatiivide Vaba Sõna: Konservatiivse Rahvaerakonna häälekandja. 2019. № 2. 02.05.2019. Lk. 4-5.
112. Meiel K. Eurole üleminek ei too meile jalapealt kaasa majanduslikku õitsengut // Pärnu Postimees. 2010. № 62. 03.04.2010. Lk. 9.
113. Mertsina T. Ühendkuningriik. Olla või mitte olla? // Sakala. 2016. № 43. 04.03.2016. Lk. 2.
114. Mihkelsaar J. Jõhkardite ja narride meelevallas // Sirp. 2018. № 36. 07.09.2018. Lk. 12.
115. Mikko M. Kas Eestile on vaja Euroopa ministrit? // Päevaleht. 1994. № 297. 22.12.1994. Lk. 9.
116. Mäe A. Balti riigid Euroopasse? // Päevaleht. 1991. 22.10.1991.
117. Mängime (euro)debatti // Sõnumileht. 2000. № 140. 17.06.2000. Lk. 6.
118. Mölder H., Sazonov V. Venemaa strateegilised narratiivid Balti riikidele suunatud mõjutustegevuses COVID-19 kriisi ajal // Sõjateadlane. № 14. Detsember 2020. Lk. 200.
119. Mõtlik M. Olen euroskeptik // Eesti Päevaleht. 1997. № 150. 08.07.1997. Lk. 2.
120. Neiman K. Erukindral kavandab partied // Sõnumileht. 1998. № 106. 21.04.1998. Lk. 2.
121. Neiman K. Eurovastane pikett algab septembris // Sõnumileht. 1998. № 195. 30.07.1998. Lk. 2.
122. Nestor E. Kodanikuühiskonnas on peamine valida! Jüngritega SRÜ-s // Sõnumileht. 1999. № 34. 11.02.1999. Lk. 9.
123. Niidas H. Jüriöölaste kavatsustest // Postimees. 27.04.1998.
124. Nitoiu C. Not so Eurosceptic: British newspaper attitudes towards the European Union's foreign policy // UACES Annual Conference papers. Passau, 2012. P. 2.
125. Nutt M. Miks Eesti pürgib Euroopa Liitu? Kas Eestil on võimalus jääda iseseisvaks väljaspool Euroopa Liitu? // Riigikogu Toimetised. № 3. 2001. Lk. 76-80.
126. Nutt M. Piiratud iseseisvus – kas paratamatus // Eesti Päevaleht. 1996. № 45. 27.02.1996. Lk. 2.
127. Oodatakse uskmatuid // Sõnumileht. 2000. № 139. 16.06.2000. Lk. 6.
128. Õpilased värskendasid poliitikute mõtteid // Sõnumileht. 1997. № 201. 02.09.1997. Lk. 3.
129. Paet U. Brexit on tagasilöök Euroopa koostööle // Harju Elu. 2016. № 26. 01.07.2016. Lk. 4.
130. Päeva lause // Põhjarannik. 2010. № 132. 17.07.2010. Lk. 4.
131. Päeva lause // Põhjarannik. 2012. № 177. 15.09.2012. Lk. 4.
132. Palk P. Euroliit toetab vaesemaid // Sõnumileht. 1999. № 86. 15.04.1999. Lk. 2.
133. Palk P. Kriitika asemel arvamuskujundus // Postimees. 2000. 04.08.2000.
134. Palk P. Liit kardab liikmeid pügada // Sõnumileht. 1999. № 179. 07.08.1999. Lk. 2.
135. Palmaru R. Eesti ei mahu EU-roopasse // Sõnumileht. 1997. № 120. 27.05.1997. Lk. 6.
136. Parmas A. Eesti ja Leedu soovivad eraldi hartat // Eesti Päevaleht. 1997. № 75. 05.04.1997. Lk. 3.

137. Parmas A. Euroskeptikud hirmutavad // Eesti Päevaleht. 1997. № 146. 03.07.1997. Lk. 4.
138. Poolamets A. Massiimmigratsioon otsustab saatuse // Virumaa Teataja. 2019. № 87. 07.05.2019. Lk. 2.
139. Põlma I. Ka kõige suurematel tuleb Euroopa Parlamendis teha koostööd väikeriikidega // Raplamaa Sõnumid. 2014. № 20. 14.05.2014. Lk. 5.
140. Püüa M. Jaan Kaplinskile anti üle Balti kirjandusauhind // Sõnumileht. 1997. № 293. 05.12.1997. Lk. 3.
141. Raba R. Iseseisvuspartei: me keeldume kerjamast // Sakala. 2005. № 193. 06.10.2005. Lk. 4.
142. Raba R. Mart Helme: poliitkorrektsed tabud pole Eesti huvides // Sakala. 2016. № 129. 08.07.2016. Lk. 4.
143. Raidla P. Ise küsin, ise vastan // Pärnu Postimees. 2014. № 116. 17.06.2014. Lk. 11.
144. Raig I. Teemast räägitakse mööda! // Meie Maa. 2014. № 109. 16.05.2014. Lk. 2.
145. Randjärv L. Kümme aastat Euroopa Liidus // Pärnu Postimees. 2014. № 58. 25.03.2014. Lk. 11.
146. Rattur Ü. Eesti mineerib maailmarahu? // Eesti Päevaleht. 1998. № 327. 14.12.1998. Lk. 4.
147. Raudsaar M. Eestist ja Euroopa Liidust // Akadeemia. № 3. 1995. Lk. 478-487.
148. Reiljan R. Euroopa Liit ei ole idalaienemiseks majanduslikult valmis // Sõnumileht. 1997. № 187. 16.08.1997. Lk. 10.
149. Ristik // Põhjarannik. 2017. № 111. 20.06.2017. Lk. 9.
150. Rõigas A. Kuula ja imesta // Sõnumileht. 1997. № 229. 02.10.1997. Lk. 6.
151. Roonemaa H., Mazur T. Pelg ja uudishimu: euro tekitab Narvas segaseid tundeid // Eesti Päevaleht. 2010. № 192. 23.08.2010. Lk. 1.
152. Roosileht M. Brüssel on lähedal. Euroskeptiku reisikiri // Kõo Vallaleht. 2007. № 51. 01.08.2007. Lk. 1-2.
153. Rumm H. Suurettevõtjad on eurooptimistid // Eesti Päevaleht. 1998. № 26. 30.01.1998. Lk. 1.
154. Rumm H. Uue valitsuse seitse välispoliitilist riski // Äripäev. 2019. № 65. 03.04.2019. Lk. 12.
155. Ruutsoo R. Abiks agitaatorile: vaatenurki Euroopa Liidule // Sirp. 2003. № 33. 05.09.2003. Lk. 5.
156. Rütman T. Jüriöölased sihivad parlamenti // Postimees. 05.05.1998.
157. Saagu valgust! // Sõnumileht. 1999. № 171. 29.07.1999. Lk. 2.
158. Saar K. Euroskeptikud on sunnitud oma mütsi sööma // Äripäev. 2013. № 165. 16.09.2013. Lk. 15.
159. Silberg U. Eesti ametnike võit! // Sõnumileht. 1999. № 122. 28.05.1999. Lk. 11.
160. Silberg U. Kes tunnistaks põhiseaduse rikkumist? // Sõnumileht. 1999. № 171. 29.07.1999. Lk. 2.
161. Silberg U. Ühisraha hingab kuklasse // Sõnumileht. 2000. № 20. 26.01.2000. Lk. 6.
162. Sildam T. Andres Tarand: väikeriigi rahvusvahelised suhted ei ole praalimine // Diplomaatia. № 204. 26.02.2021. Lk. 59.
163. Sildam T. President kutsub euroskeptikuid ja -optimiste hääletuse järgsele koostööle // Postimees. 14.09.2003.
164. Sillaste R. Euroopa Liit – rahvusriigi lõpp? Aadete asemel valitseb kapitali diktatuur // Sõnumileht. 1998. № 183. 16.07.1998. Lk. 9.
165. Sobolev M. Euro erutab // Sõnumileht. 1999. № 143. 26.06.1999. Lk. 29.
166. Sommer-Kalda S. Hinnad muutuksid ka ilma eurota // Põhjarannik. № 76. 24.04.2010. Lk. 5.
167. Soome toetas euroskeptikuid // Eesti Päevaleht. 1996. № 245. 22.10.1996. Lk. 6.
168. Soosaar E. Läki, läki NAFTA-sse // Eesti Päevaleht. 1997. № 150. 08.07.1997. Lk. 2.
169. Soosaar M. Eurobürokraadile terendavad kullahunnikud // Sõnumileht. 1996. № 36. 13.02.1996. Lk. 2.
170. Soosaar M. Kas Eesti sobibki EL-i? // Sõnumileht. 1999. № 132. 10.06.1999. Lk. 2.
171. Süvari A. Pabschi üllatas Eesti väike majandusime // Universitas Tartuensis: Tartu Ülikooli ajaleht. 1999. № 13. 01.04.1999. Lk. 3.
172. Talts M. Euroopa Liidu teemalise debati areng ja probleemid Eesti ajakirjanduses (Tartu Ülikooli Euroopa Kolledži loengud. Vihik nr. 13). Tartu, 2002. Lk. 8, 10, 18.
173. Talvik R. Euroskeptikute kõverpeegel // Õpetajate Leht. 2003. № 31. 29.08.2003. Lk. 4.
174. Talving H. Andra Veidemann usub Eesti võimalusse // Sõnumileht. 1996. № 289. 10.12.1996. Lk. 2.
175. Talving H. Euroliidu vastased hakkavad ühinema // Sõnumileht. 1996. № 12. 16.01.1996. Lk. 4.
176. Talving H. Euroskeptikud pelgavad uut föderatsiooni // Sõnumileht. 1998. № 183. 16.07.1998. Lk. 2.
177. Talving H. Euroskeptikud pelgavad uut föderatsiooni // Õhtuleht. 16.07.1998.
178. Talving H. Jüriöölased otsivad kohta. Ühisjooned on rahvuslus, euroskeptitsism ja vasakpoolsus // Sõnumileht. 1998. № 144. 01.06.1998. Lk. 3.
179. Tamm E. Eurointegratsioon pole kommunismi ehitamine // Eesti Päevaleht. 1997. № 297. 11.12.1997. Lk. 2.
180. Tammela A. Eesti astus pika sammu euroga liitumise suunas // Pärnu Postimees. 2010. № 90. 13.05.2010. Lk. 6.
181. TEE alustab eurovastaseid pikette // Sõnumileht. 1998. № 253. 07.10.1998. Lk. 6.
182. Teie elu metsikum tegu? // Post. 1996. № 866. 13.05.1996. Lk. 6.
183. Telgmaa J. Europarlamendi valimised. Kas valida ja keda valida? // Vooremaa. 2019. № 57. 18.05.2019. Lk. 2.
184. Tramm T. Eurovaimustus kahaneb // Sõnumileht. 1998. № 313. 16.12.1998. Lk. 3.
185. Tuch B. Igor Gräzin: Tervisekindlustus peaks katma ka hammaste ravi! // Pealinn. 2018. № 33. 12.11.2018. Lk. 12.
186. Tugeva meheta pole tervet ühiskonda // Videvik. 2005. № 33. 22.09.2005. Lk. 1.
187. Tuus M. Eurorealistidel on õigus olnud // Videvik. 2004. № 19. 13.05.2004. Lk. 3.
188. Udam V. Euronõuanded on halvanud mõtlemise // Sõnumileht. 1998. № 190. 24.07.1998. Lk. 7.
189. Unt M. Nad ei taha // Sirp. 2003. № 26. 04.07.2003. Lk. 2.
190. Valikuvabadus? // Eesti Päevaleht. 1998. № 133. 21.05.1998. Lk. 6.
191. Valitsus hakkab ajakirjanduses Euroopa Liitu reklaamima // Eesti Päevaleht. 1997. № 121. 31.05.1997. Lk. 3.
192. Vallbaum E. Schengeni kaotamine on tagasiminek // Virumaa Teataja. 2016. № 91. 12.05.2016. Lk. 2.
193. Valner S. Jüriöö tulede kauge kuma // Sõnumileht. 1998. № 110. 25.04.1998. Lk. 13.
194. Valner S. Kuus aastat hiljem: kas jälle sama viga? // Eesti Päevaleht. 2009. № 292. 17.12.2009. Lk. 3.
195. Vihuri M. Euroskepsist põhjustab rahva heaolu // Sõnumileht. 1998. № 78. 22.03.1998. Lk. 5.
196. Villa M. Saksamaa euroskeptiline arengualternatiiv? // Eesti Päevaleht. 2013. № 63. 01.04.2013. Lk. 9.
197. Võsu P. Millist Euroopa Liitu me tahame? // Infoleht. Eesti Kristlike Demokraatide tegemisi kajastav leht. 2008. № 1. Lk. 4.
198. 15 aastat abielu Euroopa Liiduga // Põhjarannik. 2019. № 51. 04.05.2019. Lk. 4.
199. 200 000 kahtlejatele // Sõnumileht. 2000. № 139. 16.06.2000. Lk. 5.

Хэ Чжиюн
Кандидат культурологических наук, доцент.
Дальневосточный федеральный университет.

К вопросу об образовательной модели обучения китайскому языку в условиях цифровизации

Информационные технологии широко применяются в обучении китайскому языку, помимо учебных материалов на бумажном носителе, образовательный процесс дополнен медийными онлайн аудиториями, библиотеками, читальными залами, цифровыми видео-, аудиоматериалами, мультимедийным программным обеспечением, различными обучающими платформами. Учебный материал содержательно насыщен, информационные технологии включены в образовательный процесс, цифровые преимущества информационных технологий используются в полной мере. В своей монографии «XXI век – новая цифровая эпоха обучения китайскому языку» профессор Чжан Пу сказал: «Современная образовательная модель с использование цифровых технологий многовекторно отвечает потребностям эпохи преподавания китайского языка как иностранного. Под многовекторностью мы понимаем реализацию как действующей образовательной модели очного обучения в стенах учебного заведения, так и современной модели дистанционного самостоятельного обучения студента под кураторством преподавателя»[1].

1. Применение цифровых технологий вызывает интерес учащихся к обучению

Традиционный образовательный формат обучения китайскому языку, находясь под влиянием цифровых технологий и новой парадигмы образования, использует в работе новые методы, формы и технологии обучения, задействует Интернет-ресурсы для самоподготовки. Данный подход еще больше акцентирует практикоориентированность знаний, повышает эффективность обучения. Стандартно в традиционной образовательной модели весь процесс обучения китайскому языку вращается

1 *Чжан Пу.* XXI век – новая цифровая эпоха обучения китайскому языку. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 2001.

вокруг присутствия в аудитории и работы с учебником. Время учащегося распределяется на аудиторную работу и домашнее задание. Кроме того, экзамены призваны подтвердить успешное усвоение учащимся учебного материала. Модель не раскрывает индивидуальность учащегося в полное мере. С включением же цифровых технологий в процесс обучения китайскому языку учащийся получает пространство самостоятельного выбора, может выбрать такой формат обучения, который соответствует его потребностям. Такой подход стимулирует личную инициативу учащегося в обучении и снижает одностороннюю необходимость «вливать» знания со стороны преподавателя. Такая образовательная модель не только может повысить учебную активность учащегося, но и поможет развить общие личностные качества учащегося. Форма же обучения в равной степени удовлетворяет потребности изучения китайского языка. Информационные технологии обеспечивают образовательный процесс аудиовизуальными формами, которые более наглядны в восприятии учебного материала и оттачивании навыков. Кроме того, образовательная модель с включением информационных технологий позволяет выйти за пределы государственных границ, стереть межгосударственные ограничения, предоставить образовательную платформу для любителей китайского языка из разных стран мира, содействует интернационализации изучения китайского языка[2]. В практике обучения китайскому языку учащийся является субъектом, преподаватель играет роль наставника. Необходимо максимально разнообразить техниками и методами образовательную аудиторную среду, создавать в классах атмосферу живого участия, искать способы комфортной подачи материала так, чтобы обогатить, разнообразить образовательно-воспитательную среду в классе, благодаря использованию различных методов обучения вызвать личную инициативу и активность учащихся в овладении и использовании знаний.

Онлайн обучение призвано создать реальную или приближенную к реальности учебную среду, вовлечь учащихся в интерактивный формат обучения, в процессе имитации среды решить проблемы овладения, применения знаний и смыслового наполнения. Таким образом, при подборе цифровых учебных ресурсов необходимо максимально использовать преимущества цифровых технологий, наполнять программы качественным контентом, звуком, анимацией, видео, создавать различные

2 *Ли Фэн, Сунь Лу.* Развитие и перспективы информатизации в международном образовательном процессе обучения китайскому языку. Рецензия на «Введение в международный образовательный процесс обучения китайскому языку» // Исследования развития образования, 2017. № 18. 94 с.

реальности, характерные признаки эпохи, вести диалог в естественной среде обитания так, чтобы учащийся ощущал личное присутствие в пространстве, быстро включался в события произведения. Сочетание аудио и визуальных форматов, форматов, где задействованы сенсорные раздражители, дают большую чувственную включенность учащегося в процесс обучения китайскому языку, обогащают его чувственный опыт, опыт понимания культурологической среды изучаемого языка. Все это позволяет повысить эффективность обучения. По сравнению с печатными учебными материалами цифровые вызывают больший интерес учащихся, повышают учебную активность. Учащиеся подходят к процессу обучения легко и свободно, не ощущая трудоемкости получения знаний. Обучение китайскому языку в условиях цифровизации не должно решать проблемы образовательных технологий в рамках реализации традиционных программ обучения, а находить для программ обучения китайскому языку разумные преимущества в применении информационных технологий, которые сделают образовательный процесс более эффективным.

2. Включение в учебный процесс дигитал-преимуществ делает акцент на комплексной подготовке учащихся

В условиях дигитал-пространства учащийся может самостоятельно выбрать учебный материал в Интернет-сети, при этом он не ограничен временными, пространственными или учебными рамками. Это позволяет сделать изучение китайского языка вариативным. Учеба доступна учащемуся в любое время, любой локации при помощи мобильного телефона, планшета, компьютера, информационные технологии для обучения и изучения китайского языка предоставляют различные форматы и возможности. В рамках традиционной образовательной парадигмы получить знания можно только в аудитории или из учебников, но в современном мире гораздо проще отправить запрос в Интернет. Например: в течение ограниченного по времени аудиторного занятия невозможно гарантировать, что учащийся освоит всё содержание урока. Но учащийся может вне урока в свое свободное время несколько раз пересмотреть заданную преподавателем на уроке тему, углубить знания при помощи обучающих программ, видеоуроков, учиться и упражняться, экспериментировать, вникать, углублять аудиторный учебный материал. Кроме того, преподаватели и ученики просто обязаны в полной мере использовать потенциал бесплатного подключения к Интернету

на территории кампуса учебного заведения, создать сайт своей учебной группы, проводить совместные занятия, отправлять информационные сообщения для группы, распределять домашние задания, оценивать, проводить онлайн обсуждения, повторять уроки после занятий. Также в удобном формате можно использовать группу в мессенджере WeChat. Подобная пролонгация аудиторного обучения становится важнейшей образовательной моделью дистанционного обучения китайскому языку, которая выходит за рамки отдельного кампуса и открывает новые образовательные возможности для всех любителей китайского языка. Таким образом, практика и опыт взаимодействия постепенно сформируют новую образовательную модель обучения китайскому языку, открывающую широкие перспективы[3].

Информационные технологии не только благоприятны в части повышения эффективности обучения студентов, но и в принципе поднимают преподавание китайского языка на новый качественный уровень, предоставляют учащимся огромные возможности прикоснуться к языку с формате имитационного обучения, углубить свои навыки в «аудировании, говорении, чтении, письме». В обучении практиковаться, на практике учиться, преобразовать знания в навык. Упражнения на тренировку аудирования и говорения включают в себя: собственно аудирование, запоминание на слух, аудирование и речь, практику речи. Имитационный формат обучения с использование цифровых технологий языковой среды, создание живой и реалистичной языковой среды позволяют погрузить учащегося в онлайн обсуждение на любую тему. При этом отсутствует пространственный барьер, к речевой практике могут подключиться учащиеся из разных регионов. Использование в практике преподавания специализированного программного обеспечения дает возможность тренировки учащимся навыка декламирования текста. Преподавателю удобно контролировать отработку навыка учащимся и корректировать его. Программа позволяет учащемуся проработать произношение, темп речи, интонацию, ударение, паузы. Учащийся может имитировать чтение вслух, несколько раз повторять, сравнивать свои записи, коммуницировать. При этом учащиеся в одно и то же время могут отрабатывать речь на примере разных диалогов, а преподаватель работать с отдельными учащимися, не мешая в этот момент другим. Все это повышает эффективность обучения. Кроме того, сетевой ресурс

3 *Чжао Сюемэй.* К вопросу о цифровой образовательной модели обучения китайскому языку // 5-я международная электрохимическая конференция китайского языка, 2006. С. 98-104.

можно использовать для чтения лекций, проведения семинаров. Все это повышает эффективность обучения китайскому языку. Цель языкового обучения «если говорить в принципе, то состоит в том, чтобы научить учащегося коммуницировать средствами аудирования, говорения, чтения, письма, а также чтобы сформировать у учащихся языковую компетенцию и коммуникативные навыки»[4].

Языковая компетенция учащегося постепенно повышается при наличии учебной практики применения знаний, поэтому обучение основам китайского языка тесно взаимосвязано с тренировкой практических навыков языка, ведь только практика позволит поднять уровень владения китайским языком. Внеаудиторное повторение – это отличный способ закрепить полученный на аудиторном занятии материал. Только многократная тренировка навыков аудирования, говорения, чтения позволит достичь цели овладения языком. Преподаватель в повседневном режиме записывает для учащихся множество ситуативных мини-уроков в видеоформате, а учащийся в свободном режиме изучает и повторяет, углубляется в ощущении языка, происходит своего рода интериоризация языка через собственный опыт восприятия, формирование чувства языка, накопление и применение языковых навыков. Преподаватель организует индивидуальную творческую работу учащегося на материале, взаимосвязанном с аудиторным, поощряет к практике выполнения письменных заданий, повышает общие личностные качества учащегося и его культурную подготовку.

Заключение

Практика применения цифровых технологий в обучении китайскому языку – важная тема современного состояния преподавания языку. Мы ясно понимаем, что современное информационное общество и эпоха Интернета, повсеместное использование медиа выдвигают новые требования к преподаванию китайскому языку, отвечающие современным реалиям. Учитывая запросы различных групп к изучению китайского языка и используя технологии цифровых медиа, необходимо на научном уровне разрабатывать дидактические методы использования информационных технологий, соответствующие реалиям времени, с научных позиций подходить к повышению уровня знания китайского языка учащимися,

4 *Люй Бисун.* К вопросу о преподавании китайского языка как иностранного. Издательство Отдела аттестации преподавателей китайского языка как иностранного при Государственном комитете по образованию, 1996.

повышать интерес учащихся к учебе, разумное применение информационных технологий решит проблемы, стоящие перед преподаванием китайского языка. Кроме того, рациональное включение Интернет-ресурсов в практику обучения китайскому языку повысит качество изучения языка и коммуникационные навыки[5], расширит интернационализацию китайского языка.

Список литературы:

1. Чжан Пу. XXI век – новая цифровая эпоха обучения китайскому языку. Пекин: Издательство Университета Цинхуа, 2001.
2. Люй Бисун. К вопросу о преподавании китайского языка как иностранного. Издательство Отдела аттестации преподавателей китайского языка как иностранного при Государственном комитете по образованию, 1996.
3. Ли Фэн, Сунь Лу. Развитие и перспективы информатизации в международном образовательном процессе обучения китайскому языку. Рецензия на «Введение в международный образовательный процесс обучения китайскому языку» // Исследования развития образования, 2017. № 18. 94 с.
4. Лян Жэньюнь. Развитие и перспективы информатизации международного образовательного процесса обучения китайскому языку на фоне новой эпохи // Минжи фэншан (Нравы и обычаи завтрашнего дня), 2017. № 7. С. 138-138.
5. Чжао Сюемэй. К вопросу о цифровой образовательной модели обучения китайскому языку // 5-я международная электрохимическая конференция китайского языка, 2006. С. 98-104.

Bibliography

1. Zhang Pu. The 21st century is a new digital age of learning Chinese. Beijing: Tsinghua University Press, 2001.
2. Lu Bisun. On the issue of teaching Chinese as a foreign language. Publishing House of the Department of Certification of Teachers of Chinese as a Foreign Language under the State Committee for Education, 1996.
3. Li Feng, Sun Lu. Development and prospects of informatization in the international educational process of teaching the Chinese language. Review of "Introduction to the international educational process of teaching the Chinese language" // Studies in the development of education, 2017. № 18. 94 p.
4. Liang Renyun. Development and prospects of informatization of the international educational process of teaching the Chinese language against the backdrop of a new era // Mingzhi fengshan (Manners and customs of tomorrow), 2017. № 7. P. 138-138.
5. Zhao Xuemei. On the issue of a digital educational model for teaching Chinese // 5th International Electrochemical Conference of the Chinese Language, 2006. P. 98-104.

5 *Лян Жэньюнь.* Развитие и перспективы информатизации международного образовательного процесса обучения китайскому языку на фоне новой эпохи // Минжи фэншан (Нравы и обычаи завтрашнего дня), 2017. № 7. С. 138-138.

ИСКУССИОННЫЙ ФОРУМ

Вопросы о содержании понятия «нации», о сущности и значении «национальной идентичности», о других процессах и явлениях, связанных с понятием «нации», сегодня приобретают особую актуальность и остроту. Специалистам, ученым и практикам-управленцам, которые занимаются указанными проблемами, все еще никак не удается придти к согласию относительно целого ряда важных аспектов национального строительства. Мы предлагаем вниманию читателей статью Л.Г. Мальцева о структуре дискурса «нации» и принципах его организации в современном обществознании. При том, что не все положения и научные позиции, отстаиваемые автором, с нашей точки зрения представляются бесспорными, статья в целом показалась нам интересной и редакция решила опубликовать ее в дискуссионном порядке. Приглашаем аудиторию высказаться по поводу поднятых в статье положений.

Мальцев К.Г.

Доктор философских наук,
профессор кафедры теории и методологии науки,
Белгородский государственный технологический университет
имени В.Г. Шухова.

Алавердян А.Л.

Кандидат философских наук,
Белгородский техникум промышленности и сферы услуг.

«Двусмысленные идентичности»: к вопросу об истолковании «двусмысленности» современного дискурса нации

Введение; постановка проблемы.

Почти сорок лет прошло со времени семинара, материалы которого затем (в 1988 году) были изданы отдельной книгой[1]; тогда И. Валлерстайн и Э. Балибар охарактеризовали «нацию» как «двусмысленную идентичность». Кажется, за прошедшие годы эта «двусмысленность» не только не «разрешилась», но еще более усилилась. Нации приписывается быть «политическим сообществом» и «социальной общностью» и о ней сказано как о «воображаемом сообществе» (Б. Андерсон[2]); различение «республиканских наций» и «этнических наций», хотя не имеет «эмпирического социологического подтверждения» (Р. Брубейкер[3]), тем не менее сохраняет «нормативность» в современных научных дискурсах; сохраняется упорное желание сохранить за «этносом» определение как «культурного», «исторического», но никоим образом не «природного» феномена, и, одновременно, «этническим нациям» приписывается «врожденная порочность», и даже «зоологизм» (Л. Гринфельд[4]); нация представляется как «гражданская асоциация», и вместе с тем – как

1 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. 288 с.

2 *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.

3 *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.; Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430-434.

4 *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.

«моральное сообщество» (Б. Як[5]) и даже «мифическая реальность» (К. Хюбнер[6]); объявляется «категориальный характер» национальной идентичности (К. Калхун[7]), и вместе с тем конструктивисты[8] (например, Р. Брубейкер) настаивают не только на *политической*, но и именно на *научной* необходимости (на основе «когнитивистского подхода») отказа от «категориальности» в представлении и описании «идентичности» нации, вводя относительно нее специфическое представление «групповости без групп», – перечисление можно было бы продолжить, но уже сказанного достаточно для того, чтобы *предположить*: суть «двусмысленности» не является «недоразумением» и не может быть также объяснена «недостаточной изученностью», но имеет *существенный* характер, и нуждается в *интерпретации*. Однако, научная актуальность объяснения/интерпретации иногда даже «перекрывается» *политической* «необходимостью»: с одной стороны, большинство исследователей согласны с утверждением, что *национализм* определяет современность (именно так это формулирует Л. Гринфельд, иначе, но еще более *радикально* – М. Фуко[9]: «нация» есть одна из «основных форм» гражданского общества, а значит не только «имеет значение», но «играет роль» в современном либеральном политическом порядке), – одновременно с этим, «национализм» полагается и «опаснейшей угрозой» (например, У. Альтермат[10]) для демократии и либерального порядка западных обществ (а не только их «периферии», или «стран третьего мира»).

Целью нашей статьи является выявление имеющих релевантность в отношении констатированной «двусмысленности» нации обстоятельств (как относящихся к самому «объекту», то есть к *действительности* нации, так и к *дискурсу* «нации»), которые устанавливаются в перспективе *марксистского* подхода (именно так позиционируют себя Валлерстайн и Балибар: «современный марксизм») к исследованию «нации» и в *контексте* представления *действительности*, свойственном такому подходу: нация в любом случае *есть* феномен современности и один из важ-

5 *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.; *Мальцев К.Г., Алавердян А.Л.* Моральный дискурс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 42-52.

6 *Хюбнер К.* Нация: От забвения к возрождению. Москва: Канон +, 2001. 400 с.; Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472-476.

7 *Калхун К.* Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.

8 *Ломако Л.Л., Мальцев К.Г.* Модернистский и конструктивистский способы концептуализации нации и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273-291.

9 *Фуко М.* Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.

10 *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 366 с.

ных элементов ее *парадигматического представления* (можно было бы сказать: «элемент диспозитива», если вспомнить М. Фуко). Достижение поставленной цели предполагает постановку ряда вопросов: во-первых, каковы *методология* и *контекст* рассуждений о нации Валлерстайна и Балибара; во-вторых, как *социологически* определяется то, что *называется* «нацией»; в-третьих, вопрос о характере *действительности*, которая приписывается «социальной категории» (Валлерстайн); наконец, в-четвертых, какие иные «социальные категории» и представления ближайшим образом участвуют в *определении* «нации» и в ряду каких «объектов действительности» нация приобретает свой собственный «характер» (в подзаголовке своей книги Валлерстайн и Балибар выстроили такой «ряд»: «раса», «нация», «класс»).

Методология и «контекст».

Следует удерживать различие в позициях Валлерстайна и Балибара; последний определяет его так: Балибар «исходит из диахронии, исследуя траекторию нации как формы»[11], Валлерстайн же «исходит из синхронии, исследуя функциональное место, которое занимает национальная надстройка среди других политических институтов в мире экономики»[12]. Однако уже из этого замечания ясно, что нация представляется как «форма» (для чего?) и как «надстройка» (над чем?), – для обоих авторов существует один «ответ»: «классовая борьба», которую Балибар описывает «в контексте национальной формы, даже если классовая борьба противополагается ей»[13], Валлерстайн же «описывает нацию, как и другие формы, в контексте классовой борьбы, даже если классы становятся классами «для себя»»[14]. При этом утверждается, что оба автора чужды «вульгарного экономизма», несмотря на то, что именно «экономизм» *в конечном счете* является методологическим принципом анализа: «Мы не доверяем ни чисто «экономическим» объяснениям, ни объяснениям чисто идеологическим»[15]; *пригодным* подходом заявляется *историзм*: «методологическое «чудо» не заключается в эклектичном сопоставлении противоположных точек зрения, например законов накопления капитала на мировом уровне и герменевтики коллективных символов или выражений национальной и религиозной культуры. Существует только

11 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 20.

12 Там же.

13 Там же, С. 21.

14 Там же.

15 Там же, С. 9.

один способ познания – это изучение уникальности исторических ситуаций исходя из специфики их противоречий и влияния на них глобальных структур, частью которых они являются»[16]. В «основу» современности полагается ее «организация экономики»: «Капиталистическая миро-экономика – это система, построенная на бесконечном накоплении капитала»[17]; это означает, во-первых, «превращение всего в предметы потребления»[18]; во-вторых, такие предметы имеют форму товара и обращаются на рынке как «товар, капитал и рабочая сила»[19]; в-третьих, такое обращение должно быть «свободным», и все, что ему мешает, «гипотетически является вредным»[20], – согласно этой логике, «партикуляризм любого рода оказывается если не совершенно несовместимым с логикой капиталистической системы, то, как минимум, препятствующим ее оптимальному функционированию»[21]. Таким образом, «необходимо утверждать и развивать универсалистскую идеологию»[22], и в этом отношении «национализм», по видимому, *не вписывается* в данный «диспозитив», а нация должна пониматься как препятствие для «свободного движения капитала». Собственно говоря, в некотором «пределе» так и считается: во-первых, республиканская нация определяется как «ассоциация» на основе «рациональных интересов» индивидов, имеющих «экономическую», или, как их называет Д. Лал[23], «материальную» природу; однако пока мировой порядок находится в становлении, «особенности» («космологические», или «культурные» ценности), определяющие различный *вид* наций, должны быть терпимы как *факт*, если, конечно, этот факт не вступает в противоречие с *экономическими интересами*; во-вторых, республиканская нация приобретет со временем «свою собственную форму» как «всемирная нация» (Гринфельд), *начало* которой уже *действительно* – в американской нации. Однако, подобная «линейная логика» либерального дискурса нации *отвергается* как Валлерстайном, так и Балибаром: они указывают на *существенные* препятствия ее последовательного линейного развертывания, как *реальные* (то есть относящиеся к самому представлению нации, ее *понятию*), так и *действительные* (структура глобального порядка как «мир-система» отличается от по-

16 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 8-9.
17 Там же, С. 41.
18 Там же.
19 Там же, С. 42.
20 Там же.
21 Там же.
22 Там же.
23 *Лал Д.* Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.

рядка, представленного в либеральной версии «экономической парадигмы политического»).

Далее: Валлерстайн утверждает, что «социальные категории», претендующие описывать действительность, суть конструкты: если «само прошлое» в сознании прошлого «должно выступать как нечто постоянное»[24], то «когда речь идет о социальном прошлом, то есть о том способе, которым мы воспринимаем реальное прошлое, то оно, в лучшем случае, записано на влажной глине»[25]. Это утверждение согласуется с тем, в чем *почти* согласны историки, озабоченные своей методологией: Ф.Р. Анкерсмит, например, в «Нарративной логике»[26] определял, каким образом мы можем представлять «реальное прошлое» и каким способом действительность может приписываться «нарративам о прошлом», которые всегда «картина, написанная с определенной точки зрения» (разумеется, здесь не место входить в методологические тонкости историописания, о которых пространно рассуждает Анкерсмит). Одновременно Анкерсмит доказывает, что «историческая реальность», с которой работают историки, *принципиально* не отличается от «политической реальности», с которой имеют дело политические теоретики и практические политики; так же *условия* и *способ*, каким этим двум «реальностям» *приписывается действительность* тождественны.

Валлерстайн продолжает: «Если дело обстоит так, то не важно, определяем ли мы сознание прошлого в плане генетически непрерывных групп (рас), исторических социально-политических групп (наций) или культурных (этнических) групп»[27]; все это, считает он, «способы конструирования народа, изобретения сознания прошлого, актуальные политические феномены»[28], и тогда актуальными в научном отношении являются вопросы: «Почему существует три базисные категории, если было бы достаточно и одной? Должен же быть смысл такого разделения одной логической категории – «народ» – на три социальные?»[29]. Валлестайн утверждает, что «чтобы разгадать эту загадку, нам придется рассмотреть историческую структуру капиталистической миро-экономики. Каждая из этих трех категорий связана с одной из фундаментальных черт капи-

24 *Лал Д.* Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. С. 93.

25 Там же.

26 *Анкерсмит Ф.Р.* Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. С. 93.

27 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 93.

28 Там же.

29 Там же.

талистической миро-экономики»[30]. Он пишет, что понятие «расы» «связано с осевым разделением труда, соответствующим фундаментальному различию миро-экономики на центр и периферию»[31]; понятие «нации» «соотносится с политической надстройкой этой исторической системы, с суверенными государствами, образующими межгосударственную систему и определяемыми ею»[32]; понятие «этническая группа» определяется «созданием структур домашних хозяйств, позволяющих выживать значительной части рабочей силы, неоплачиваемой в процессе накопления капитала»[33]. Все это – «социальные» и «культурные» «категории»; почему «этнос» определяется как «культурная категория» всеми *без исключения* представителями западного обществознания *нормативно/императивно*, нам надлежит выяснить: это *принципиально* для понимания способа *представления* нации. Валлерстайн специально подчеркивает, что в различении категорий (и соотнесении с ними действительности») существуют «концептуальные трудности», что они (категории) «многочисленны, зачастую пересекаются и остаются неясными»[34]; более того: «Не существует никаких строгих дефиниций – скорее наоборот»[35]. Отчасти, «двусмысленность» есть следствие такого положения вещей.

Вообще же, понятие (даже если оно *есть* и *пригодно* для научного социологического дискурса: «народ» – сложный исторический и юридический конструкт; в новоевропейской «управленческой парадигме» (М. Фуко), экономической и социологической по своей сути, «народ» заменен «населением») «народ», отмечает Валлерстайн, «не так уж часто употребляется в литературе по историческим социальным наукам»[36]. В отличие от «народа» как «источника власти» и «носителя суверенитета», «население» более *пластично* для «социологических категорий»; три названные выше, по Валлерстайну, одни из основных, «имеют множество смысловых вариаций», но допускают различение в связи с «привязкой» к действительности (указанным выше, предложенным Валлерстайном, способом, который является наиболее употребительным), и являются «базисными» «и с точки зрения частоты употребления, и в плане логики»[37]. Из них нация в *определяющей* степени относится к политической

30 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 93.
31 Там же.
32 Там же.
33 Там же.
34 Там же. С. 221.
35 Там же.
36 Там же, С. 91.
37 Там же.

области, так как «связана тем или иным образом с реальными или возможными границами государства»[38]; таким образом, нация не просто «социальная общность» (и категория объективного социологического анализа), но и «политическое сообщество», то есть ей (нации) приписывается значение *действующего актора*, с неизбежной при этом «натурализацией» (М. Манн[39]) и сопутствующими проблемами различения «слова» и «вещи». В таком случае неизбежной является «путаница» и в «употреблении» терминов, и в самом «представлении объекта»; использующие термин нация (и другие «смежные» термины) «указывают ими на некое устойчивое явление, которое в силу продолжительности своего существования не только обладает силой воздействия на повседневное поведение, но также является основанием для выдвижения политических требований»[40].

Изучение нации, таким образом, имеет не «случайное», но принципиальное «политическое измерение», так как ориентировано (в числе прочего) на *схватывание* «культурных, исторических различий, различий в принадлежности»[41], и на придание значения «вопросам миграции и границ», которые *политические* и «продолжающие умножаться», – то есть *анализ* «нации» нацелен на то, чтобы «разобраться в структурах, служащих причинами актуальных конфликтов и кризисов»[42]. То есть исследование нации не может абстрагироваться от главных *политических границ*, актуальных для современности: это подтвердило «основополагающее» для современного западного обществознания различение, проведенное Г. Коном[43] еще в 1944 году: на «республиканские» и «этнические» нации (соответственно «западнее» и «восточнее» Рейна), которое имело политический смысл и сохраняет нормативное значение до настоящего времени (правда, «граница сместилась»)[44]. В этой же логике производит-

38 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 91.

39 *Манн М.* Источники социальной власти в 4 т. Т. 3: Глобальные империи и революция, 1890-1945 годы. М.: Дело, 2018. 682 с.; Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Социологическое представление возникновения европейских наций: опыт философской критики // Kant. 2021. № 2 (39). С. 209-225; Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 4-14.

40 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 92.

41 Там же, С. 8.

42 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 7.

43 *Kohn H.* Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Frankfurt/M.: P. Fischer Verlag. 1962. 565 p.

44 *Алавердян А.Л., Мальцев К.Г* Этнос и «этнические нации» в модернистских теориях нации: содержание и критика // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 2 (210). С. 4-16.

ся подразделение человеческих культур «на два больших класса: универсальные и прогрессивные и непоправимо частные, примитивные»[45]. Это «различение» нисколько не преодолевается «политикой мультикультурализма», но, напротив, в политическом требовании, например, «доступности математики для цветных» фиксируется их «отличие» от «белых»: изменение «оценок» и «модальностей» как «элемент» политики и идеологии закрепляют это различение. Если сорок лет назад Балибар описывал эти «политические игры» включенными в «механизм угнетения» и «маргинализации» низших социальных слоев и иностранцев, то сейчас они встроены в механизмы тотального контроля «управления» в целях «безопасности» (Агамбен[46], например, считает, что именно «соответствие норме» и «максимальная конформность» с «точки зрения управления и власти» (политика как управление в «управленческой парадигме») выглядит «максимально подозрительной» и может быть расценена как «потенциальный терроризм»; в самом деле: белый, гетеросексуальный, имеющий семью и работу мужчина, – так описывается «модель» насильника и террориста).

Другая, имеющая значение и почти «универсальная», граница, которая должна приниматься в расчет, это разделение между «Севером» и «Югом». В связи с исследованием наций ей приписывается следующее (в том числе и методологическое) значение. Нация есть «западный», а в относительно новом различении «мира» на «север» и «юг», которому придается как «экономический», так и «политический» смысл, именно «северный» «исторический феномен»; во всяком случае как «государство-нация». Балибар (и можно предположить, что и Валлерстайн: во всяком случае, приводимое утверждение содержится в общем введении) считает, что «проблемы идентичности и этнической принадлежности не являются прерогативой ни одного из них»: «Север» «пошел в постнациональную эру так же реально, как «Юг» достиг «преднациональной»[47], – «но и тот, и другой (и даже один благодаря другому) сталкивается с незавершенностью и с кризисом национальной формы, с кризисом государства, способствовавшего его образованию»[48]. То есть в дискурсе нации следует учитывать, что эта «форма» пребывает «в кризисе».

45 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 36.

46 *Агамбен Дж.* Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.

47 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 8.

48 Там же.

Наконец, нация есть «идентичность», которая приписывается некоему «сообществу». Балибар ставит два вопроса: во-первых, «в силу чего нация является сообществом?»[49]; во-вторых, «чем форма сообщества, которую устанавливает нация, особым образом отличается от других исторических сообществ?»[50]. Ответ на эти вопросы дает *предварительное* понимание (даже скорее – *указание*), в какой *области* надлежит искать/располагать то, что называется нацией. Балибар считает, что следует отказаться от «антитезы» между «реальным» и «воображаемым» сообществом»: «Всякая социальная общность, воспроизводимая под воздействием институтов, является воображаемой»[51]; ее основа – «проекция индивидуального существования на ткань коллективного повествования, на узнавание общего имени и на традиции, переживаемые как след незапамятного прошлого»[52]. Таким образом, «только воображаемые сообщества, в зависимости от обстоятельств, являются реальными»[53]. В отношении нации, утверждает Балибар (и это, как мы уже отмечали, является «общим мнением»), это «воображаемое народа», вписанное в реальное: «Это воображаемое сообщества, которое заранее узнает себя в государственном институте, которое признает его «своим» по отношению к другим государствам и прежде всего включает в свой кругозор политическую борьбу»[54]. Но, считает Балибар, такой народ не «есть в наличии», но *производится*: «народ, который постоянно сам себя производит как национальное сообщество»[55], или «производство эффекта единства, благодаря которому народ предстает в глазах всех «как народ», то есть основание и источник политической власти»[56]. Таким образом, *объективность* аналитической «социальной категории» и «идентичность» *политического актора* в *представлении* нации удерживаются в «двусмысленном» единстве.

Язык, культура и раса; снятие/исключение природного/естественного.

Балибар, и с ним безусловно согласен Валлерстайн (равно как вся традиция современного западного обществознания в представлении нации),

49 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 111.

50 Там же.

51 Там же.

52 Там же.

53 Там же.

54 Там же.

55 Там же.

56 Там же.

специально подчеркивает, что «ни одна современная нация не обладает заранее данной «этнической» базой»[57]. В этом утверждении косвенно признается тот *факт*, что «этнос» и «этничность» обычно «включаются» в состав *представления* нации; императивным требованием при этом является *представить этничность* как «культурную», «социальную», – но в любом случае не «естественную» категорию/действительность.

Тема «этноса», пожалуй, является одной из наиболее *политизированных* в обществознании; «травматический опыт», связанный с «расовыми теориями» конца XIX – первой половины XX веков, выстроенная в перспективе этих теорий «политическая практика» заставили не просто пересмотреть некоторые «очевидности» (например, представленные в рассуждениях об «обязанностях белого человека» в отношении к «дикарям») прежних, считавшихся вполне «научными», *идей*, но и политически и нормативно *блокировать* возможность некоторых высказываний не только в публичном, но и в научном дискурсе. За человеком *утверждается* быть единственным «биологическим видом», в отношении которого «естественные факторы эволюции» не просто *сняты* социальными, но и вообще полагаются *не-действительными*. Однако, временами проявляется «неблагополучие» в этой области: дело вовсе не в том, что, например, высказывания одного из признанных основателей современной генетики (речь идет «об истории» с Джеймсом Уотсоном) оценены как ошибочные, но о *политических выводах*, которые были сделаны в отношении него научным сообществом; научная полемика, которая всегда полагалась *свободной*, в некоторых (и не только в названном) случаях таковой больше не является.

Мы уклоняемся от *оценки* интерпретации Балибаром (и согласного с ним Валлерстайна) того, что есть этнос и раса; наша задача – демонстрация основных положений этой интерпретации в придающем ей значение контексте (не только методологическом, но и нормативном).

Балибар ставит вопрос: «Как производится этническая принадлежность?»[58], – и утверждает: «История показывает, что есть два основных конкурирующих между собой пути к достижению этого: язык и раса»[59]. Они могут быть объединены, так как «только их взаимодополнительность позволяет народу представить себя совершенно однородной единицей»[60]. Оба они «проецируют трансцендентное на актуально дей-

57 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 111.

58 Там же, С. 115.

59 Там же.

60 Там же.

ствующих индивидов и политические отношения»[61]; временами один начинает «доминировать над другим» и «такое различное проявление этнической принадлежности – либо с лингвистической, либо с расовой доминантой – имеют очевидные политические последствия»[62]. Однако, главное для нас в другом: «Они создают как два способа укоренения исторического населения в самой «природе» (различие языков, как и различие рас, представляется как судьба), так и два способа придать смысл его существованию во времени, преодолеть его случайность»[63], – именно эта «естественность» «не устраивает» современное обществознание, и должна быть «снята».

Что касается «языка», то *актуальная* традиция, возводящая нацию к «общности языка» (культурной общности, которая только опосредованно может пониматься как «естественная», не «в собственном смысле»[64]), восходит к И.Г. Гердеру[65] и И.Г. Фихте[66]. Общность языка, по Балибару, не «абстрактное», но самое «конкретное» понятие: «Он привязывает индивида к источнику, который в любой момент может быть актуализирован, который содержит в себе общее действие обмена, дискурсивного общения между этими индивидами»[67]. Такое сообщество не является «непосредственным», а «прозрачность» коммуникация (здесь уместна отсылка к К. Ясперсу[68], Ю. Хабермасу[69], Дж. Ролзу[70], полагавшим иначе) коммуникации, по Балибару, никогда не является ни данной, ни достижимой, но все-таки имеющиеся «пределы» всегда «относительны»: индивиды «связаны неразрывной цепью промежуточных дискурсов» и во всяком случае «не изолированы ни юридически, ни фактически»[71].

Если прежние империи выстраивали «иерархии языков», часто совпадавшие с «политическими» и «социальными» иерархиями, то условием политического существования новоевропейского государства-нации яв-

61 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 115.

62 Там же.

63 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 115.

64 *Ломако Л.Л., Мальцев К.Г.* «Культурные особенности»: политизация, деполитизация и глобальный порядок // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 485-490.

65 *Гердер И.Г.* Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 705 с.

66 *Фихте И.Г.* Речи к немецкой нации. СПБ.: Наука, 2009. 350 с.

67 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 115.

68 *Ясперс К.* Разум и экзистенция. М.: «Канон+», РООИ «Реабилитация», 2013. 336 с.

69 *Хабермас Ю.* Теория коммуникативной деятельности: в 2-х тт. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с.

70 *Ролз Д.* Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.

71 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 115.

ляется своеобразная забота о «национальном языке», стандарт которого внедряется через систему образования: «Всеобщее школьное образование – основной институт, производящий этническую принадлежность как языковое сообщество»[72]. Однако это не означает «социального равенства»: «Социальные различия выражаются и релятивизируются как различные способы говорить на национальном языке»[73], и Балибар считает, что «общности языка недостаточно для производства этнической принадлежности»[74]. Во-первых, «всегда можно усвоить несколько языков и по-другому сделать себя носителем дискурса и трансформации языка»[75]; во-вторых, современное общество «открыто» для эмигрантов (относительно), и «эмигрант второго поколения», усвоивший язык принявшей его страны, не усваивает «автоматически» соответствующую «этничность». Таким образом, утверждает Балибар, «чтобы привязанность языка к границам определенного народа сохранялась, этот язык нуждается в особом дополнении, то есть в принципе закрытости, в принципе исключения»[76], – «этим принципом и является расовая общность»[77].

Вопрос о «расе/расизме» Балибар формулирует следующим образом: «В чем специфика современного расизма?» Как он может быть соотнесен с разделением на классы при капитализме или с противоречиями национального государства? И с другой стороны, как феномен расизма позволяет переосмыслить взаимосвязь национализма и классовой борьбы?»[78], и тем самым сразу указывает на *область*, в которой не только обретается сам «расизм», но и из которой следует понимать его суть. Эта «точка зрения» конкретизируется, когда Балибар предлагает рассматривать расизм с «позиции жертв»: «избыточность насилия» «по отношению к теориям, дискурсам, рационализациям» (и отмечаемый Агамбеном, характерный для современности, «приоритет» политической практики над политической теории) задает «способ организации» дискурса расы. Более того, именно в практике основывается научная актуальность темы: «расизм в современном мире не уменьшается, но прогрессирует»[79]; «расизм нельзя назвать простым «предрассудком»» и «расизм вовсе не является ни пережитком, ни анахронизмом»[80].

72 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 116.
73 Там же.
74 Там же, С. 117.
75 Там же.
76 Там же, С. 118.
77 Там же.
78 Там же, С. 10.
79 Там же, С. 18.
80 Там же, С. 19.

Любое «естественное» («природное», «биологическое») объяснение расы Балибар (и Валлерстайн) называет «фиктивным»; это не отменяет задачи *объяснить* значение/использование данной «фиктивности». Балибар признает, что «любые соматические или психологические черты, видимые или невидимые, могут служить построению фикции расовой идентичности, то есть формировать природные и наследственные различия между социальными группами внутри нации или же за ее пределами»[81]; эта «фикция» «также черпает свою эффективность в повседневных практиках, в отношениях, которые непосредственно структурируют «жизнь» индивидов»[82], но это «фикция второго порядка», которая характеризуется изменчивостью, которая познаваема из «отношений, в которые они вступают с различными историческими формами социальных конфликтов»[83] и из «символического ядра», позволяющего «идеально отождествить расу и этническую принадлежность и представить единство расы истоком или причиной продолжения исторического существования народа»[84].

Вообще же, Валлерстайн утверждает: «В ходе эволюции человеческого вида на планете Земля, до появления оседлого земледелия и в самом начале развития капиталистической миро-экономики, был период, когда распределение генетического материала было однородным. Различия между генетическими типами в любой точке пространства были менее заметны, чем сегодня. Мир в целом был более однороден»[85], и что ««расовые» категории стали кристаллизоваться как качественные именно тогда, когда всемирная капиталистическая экономика перешагнула границы Европы, а географическая дифференциация процессов производства на центральные и периферийные становилась все более явной»[86]. Расы, таким образом, пишет Балибар, «не образуют изолированные биологические единицы» и «поведение индивида и его «склонности» не объясняются ни кровью, ни даже генами»[87], и даже «на самом деле не было «человеческих рас»»[88], и это, по его утверждению «признают даже расисты». Характер «расы» («этноса») объясняется «его принадлежностью к определенной исторической «культуре»»[89]. Вообще, «биологический расизм сам по себе

81 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 118.
82 Там же.
83 Там же.
84 Там же.
85 Там же. С. 94-95.
86 Там же, С. 95.
87 Там же, С. 32.
88 Там же.
89 Там же.

никогда не был способом растворения особости человека в более обширной совокупности жизни, эволюции или природы, но, напротив, применял псевдобиологические понятия для построения человеческого вида, для его улучшения или же предохранения от вырождения»[90]. Таким образом, «не существует «расы» как биологической или психологической «памяти» людей, но существует расизм, который представляет одну из самых устойчивых форм исторической памяти в современных обществах»[91].

«Теоретическое измерение расизма» не является «ни автономным, ни первичным», но является *разделительной практикой*, укорененной в *отношениях власти*. В этом смысле, расизм как «тотальное общественное явление» «проявляется в практиках (в форме насилия, дискриминации, нетерпимости, унижения, эксплуатации»[92], и в дискурсах и представлениях «в производстве интеллектуалами фантазма профилактики или сегрегации (необходимости очищения социального тела, сохранения самоидентичности и идентичности «нас» от всякого промискуитета, от любых смешанных браков, от вторжения всего чужеродного); и подобные дискурсы базируются на выделении признаков чуждости (имя, цвет кожи, религиозные практики). И следовательно, расизм создает аффекты и придает им форму стереотипов, как со стороны их «объектов», так и со стороны их «субъектов»»[93]. Именно эта комбинация (практик, дискурсов и представлений) «в сетке аффективных стереотипов позволяет понять, как формируется расистское сообщество»[94]. Наличествующая альтернатива «институционального и социологического расизма» (первый характеризуется как властное отношение «сверху вниз», второй – как «горизонтальный», широко распространенный в современных обществах) должна удерживаться как «предостерегающая от пренебрежения различиями, отделяющими наличие расизма в государстве от образования государственного (официального) расизма»[95], но «всякий исторический расизм является одновременно и институциональным, и социологическим»[96]. Можно также различать «(исключающий) расизм истребления» и «(включающий) расизм притеснения или эксплуатации»[97]; первый стремится «очистить социальное тело от грязи или опасности, которую

90 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 74.
91 Там же, С. 57-58.
92 Там же, С. 27.
93 Там же.
94 Там же, С. 28.
95 Там же. С. 52.
96 Там же, С. 51.
97 Там же, С. 52.

несут с собой низшие расы», цель второго – «иерархизировать общество и изолировать его части»[98]. Однако «все названные различения не столько служат классификации типов отношений или идеально чистых структур, сколько намечают исторические траектории расизма»[99].

Однако, в любом случае, «современное понимание расы», как бы оно ни проводило разделение на «недочеловечество» и «сверхчеловечество», «изначально имело не национальное или этническое, но классовое или, скорее, кастовое значение»[100]; «кастовое» потому, что придавало различению характер «естественности». Именно это отнесение к «естественности» обусловливает появление дискурсов «крови, цвета кажи, смешения рас»; и «только потом понятие расы «этнизируется» и таким образом интегрируется в националистический комплекс»[101]. Расовый «символизм» соединяет «элемент антропологической универсальности, на котором он основывается» и «элемент воображаемых отбора и запретов»[102]; но на практике происходит постоянное «смешение» (например, в силу миграции, интенсивность которой в современной мир-экономике, позволяет считать ее одним из «существенных признаков» системы); «настоящее» же «препятствие смешению населения прежде всего образуется в силу классовых различий, которые стремятся восстановить феномен касты»[103].

Современный, новый, расизм – это «расизм «деколонизации»», и его можно считать «безрасовым расизмом»: «Главной темой этого расизма является не биологическая наследственность, а невозможность уничтожить культурные различия. На первый взгляд, он постулирует не превосходство определенных групп и народов над другими, но «всего лишь» катастрофические последствия устранения границ, несовместимость образов жизни и традиций: этот расизм можно назвать точным термином дифференциалистский»[104]. Балибар утверждает, что такой расизм должен быть «консервативным»: «Он боролся бы за неизменность всех культур»[105], «под предлогом защиты культуры и европейского образа жизни от поглощения «третьим миром», он закрывает европейской культуре любую возможность реальной эволюции»[106].

98 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 52.
99 Там же.
100 Там же, С. 242.
101 Там же, С. 243.
102 Там же, С. 122.
103 Там же.
104 Там же, С. 31.
105 Там же, С. 36.
106 Там же.

Определяя подобным образом «содержание» и «форму» расизма, Балибар демонстрирует *необходимость* «соединения расизма и национализма», объясняя тем самым *значение* включения в представление нации «этнического» (которое, как мы видели, тесно «увязано» с «расистским»).

Балибар констатирует, что «дискурсы расы и нации никогда не являются слишком отдаленными друг от друга, даже если их близость отрицается»[107]; при этом «национализм представляется если не единственной причиной расизма, то во всяком случае определяющим условием его возникновения»[108]. Такое *научное* представление может быть расценено как «противоположное» обыденному и распространенному («естественность» расы предполагает, что она первично «лежит в основе», или, лучше, «задает перспективу» различения наций, – но, как мы установили, «ничего естественного» в расе не усматривается); но это научное представление выступает как *аргумент* в пользу того, что «расизм не имеет никакого отношения к существованию объективных биологических рас»[109], и свидетельствует о том, что «расизм – это исторический и культурный продукт»[110]. Одновременно такое представление отсылает к *определенному пониманию культуры*: «позволяет избежать двусмысленности «культуралистских» объяснений, которые, со своей стороны, также стремятся представить расизм своего рода инвариантом человеческой природы»[111]. «Взаимоотношение» национализма и расизма «не может описываться в классических схемах причинности – как механистической (одно есть причина другого, «производящая» его по правилу соответствия следствия причине), так и спиритуалистической (одно «выражает» другое, придает ему смысл или показывает его скрытую сущность)»[112]. В «расистских дискурсах», как и «националистических», в отличие от *научных*, указывает Балибар, «пытаясь описать общую сущность национального, расизм неизбежно вовлекается в обсессивные поиски ненаходимого «ядра» аутентичности»[113], что является либо *ошибкой*, либо *политической идеологией*.

Также распространенным является представление о том, что «смысловым ядром» различения «национализма» и «расизма» является «противопоставление «нормальной» идеологии и политики (национализма) «радикальной» идеологии и поведению (расизма), использующееся

107 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 49.

108 Там же.

109 Там же.

110 Там же.

111 Там же.

112 Там же, С. 64.

113 Там же, С. 76.

либо для того, чтобы различить их, либо для того, чтобы сделать из одного подтверждение истинности другого»[114]. В основе этого представления – различение в самом национализме: «Всегда существует «хороший» и «плохой» национализм: один стремится создать государство или общество, а другой – подчинить и разрушить его; один обращается к праву, а другой обращается к насилию; один признает другие национализмы, и даже оправдывает их и включает в ту же самую историческую перспективу (великая мечта о «весне народов»), а другой радикальным образом исключает их, в перспективе империалистической и расистской»[115]. Это различение имеет основание в исторической действительности: национализм существенно связан с демократией, особенно в начале ее становления (Сийес, например, и его определение нации), когда «нация» противопоставлялась «королю» (и всему «старому порядку»), – и сохраняется в либеральной идеологии: «Влияние этой дилеммы особенно заметно в либеральной традиции, что объясняется, вероятно, глубинной двусмысленностью отношений либерализма и национализма по меньшей мере в течение двух последних веков»[116]. Актуально это противопоставление и для практики «национально-освободительной борьбы», вплоть до настоящего времени (национализмы «освободившихся государств» третьего мира, конструируемые *против* «европейского колониализма» и «неоколониализма»: например, Б. Андерсон). Некоторым образом расизм «необходим для национализма» (по крайней мере, их историческая связь почти очевидна); таким образом, «анализ места расизма внутри национализма является решающим – несмотря на то, что расизм не проявляется одинаково во всех национализмах или во всех моментах его истории: он представляет собой тенденцию, необходимую для образования национализма»[117]. Однако, действительное «значение» этой связи, имея в виду сказанное относительно расизма выше, выясняется только в *опосредовании*: «В конечном счете, эта взаимосвязь отсылает к обстоятельствам, в которых национальные государства, установившиеся на исторически спорных территориях, вынуждены контролировать перемещение населения и само производство «народа» как политической общности, более значимой, чем классовое деление»[118].

114 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 60.

115 Там же, С. 60-61.

116 Там же, С. 61.

117 Там же.

118 Там же, С. 61-62.

Таким образом, можно сделать выводы относительно связи расы, этноса, нации, народа – и государства и, шире, капиталистической мир-системы.

Первое: «Ни одна нация (то есть ни одно национальное государство) не располагает реальной этнической базой. Это означает, что национализм не может быть определен как этноцентризм, разве только как производство фиктивной этнической принадлежности. Рассуждать иначе – значит забыть, что, как и «расы», «народы» не существуют естественным образом в силу происхождения, культурной общности или предзаданных интересов»[119].

Второе: расизм есть политика (практика) разделения, в основе которой, в конечном счете, полагаются *классовые* различия и различия в отношениях власти межу «ядром» и «периферией» в капиталистической мир-системе.

Третье: «Эта широкая структура расизма – гетерогенная и, тем не менее, прочная, прежде всего благодаря сетке фантазмов, а также благодаря дискурсам и поведению, – необходимо соотносится с национализмом и участвует в его создании, производя фиктивную этническую принадлежность, вокруг которой он и организуется»[120].

Четвертое: «Не существует современного государства, являющегося «эгалитарным», но существует национальное (и националистическое) современное государство, «равенство» в котором внутренне и внешне ограничивает национальную общность и по сути заключается в действиях, которые напрямую на эту общность указывают (в частности, всеобщие выборы, политическое «гражданство»). Это прежде всего равенство с точки зрения нации»[121], – таким образом, фиксируется *политический смысл* того, что называется «нацией».

Итак, нам необходимо сделать последний шаг в нашем исследовании: выяснить, каким образом социологический дискурс представляет нацию и каким образом «социальной категории» приписывается *действительность* (последний вопрос «двуедин»: во-первых, является ли нация «обозначением» *действительной социальной группы/общности*; во-вторых, какое «давление» на «признание действительности» нации оказывает *политическое*).

119 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 62.

120 Там же, С. 63.

121 Там же.

Социологический дискурс нации; «социальная категория» и действительность.

Валлерстайн пишет: «Ничто не кажется более очевидным, чем национальная идентичность»[122], она явно фиксируется (для «всех») в названии и истории; однако, по Валлерстайну, вопрос о национальной принадлежности, адресованный индивидам, «даст широкий спектр ответов», причем «широта спектра будет особенно большой, если вопрос задается в пору отсутствия повышенного политического внимания к данной теме»[123]: «Тот, кто следит за политикой, знает, что самые страстные дебаты возникают именно вокруг названий народов»[124]. Таким образом, если «по себе» вопрос национальной идентичности «является сложным и запутанным», то только в период «острого политического кризиса» для тех, кто вовлечен в «национальную войну» (например, в бывшей Югославии), «решение этого вопроса самоочевидно»[125]. Национальная идентичность не просто актуализируется, но и «фиксируется» в политическом противостоянии.

Балибар констатирует, что «трудно определить национализм» потому, что «это понятие никогда не употребляется само по себе, но всегда выступает внутри цепи, в которой оно является одновременно центральным и слабым звеном»[126]. Эта цепь «постоянно обогащается (с соответствующими модализациями, которые варьируются от одного языка к другому) новыми терминами, опосредующими или крайними: гражданственность, патриотизм, популизм, этнизм, этноцентризм, ксенофобия, шовинизм, империализм, джингоизм»[127]. Он утверждает: «Я бы поспорил с кем угодно, что нельзя однозначным образом раз и навсегда зафиксировать различия в этих значениях»[128]. Но, продолжает Балибар, их «можно проинтерпретировать». Одним из употребимых способов такой интерпретации является выяснение значения «отношения национализм – нация», в котором «смысловым ядром является противопоставление «реальности» нации и «идеологии» национализма»[129]; в отношении же самой нации актуален вопрос: «Должна ли она прежде всего рассматриваться как «государство» или как «общество»»[130].

122 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 83.
123 Там же.
124 Там же.
125 Там же.
126 Там же. С. 59.
127 Там же.
128 Там же.
129 Там же.
130 Там же.

Нация есть (в числе прочего) «вид идентичности», поэтому для социолога первым является вопрос: «Как национализируются индивиды, то есть как они социализируются в господствующей форме национальной принадлежности»[131]. Правильная постановка вопроса здесь предопределяет направление для ответа; дело в том, что речь не идет о противопоставлении «индивидуальных идентичностей» «коллективной»: «Всякая идентичность является индивидуальной, но единственной идентичностью всегда была историческая, то есть образованная в поле социальных ценностей, норм поведения и коллективных символов. Никогда (даже в «синтетических» практиках массовых движений или в «близости» эмоциональных отношений) индивиды не отождествляют себя друг с другом, но они никогда и не достигают изолированной идентичности, понятия внутренне противоречивого. Подлинная проблема заключается в том, как господствующие признаки индивидуальной идентичности трансформируются в зависимости от времени и институциональной среды»[132], то есть как «усваивается» национальность. Балибар утверждает: «Социальная формация воспроизводит себя как нация только в той мере, в какой через сетку повседневных механизмов и практик индивид институционализируется как homo nationalis, с рождения и до самой смерти, что происходит одновременно с его институционализацией как homo oeconomicus, politicus, religiosus и т. д. Вот почему вопрос о кризисе национальной формы, раз он уже поставлен, – в основе своей является вопросом о том, в каких исторических условиях возможен такой институт, благодаря каким соотношениям внешних и внутренних сил, а также благодаря каким символическим формам, облеченным в элементарные материальные практики, он возможен? Ставить этот вопрос – еще один способ исследовать, какому преобразованию в цивилизации соответствует национализации обществ, каковы формы индивидуальности, в которых возникает национальность»[133].

Формирование нации является результатом «долгой предыстории», но, утверждает Балибар, «она существенно отличается от националистического мифа о линеарно действующей судьбе»[134]. Это формирование «состоит из множества качественно различных событий, отсто-

131 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 111.

132 Там же, С. 112.

133 Там же, С. 110-111.

134 Там же, С. 105.

ящих друг от друга по времени, ни одно из которых не заключает в себе последующие»[135]; более того, «эти события по природе своей не принадлежат к истории одной определенной нации. Они были связаны с другими политическими единицами, чем те, что сегодня кажутся нам результатом исходной этнической идентичности»[136]. То есть «это связь случайных отношений, а не необходимая линия эволюции, задним числом прочерченная в предыстории национальной формы»[137], то есть по своей сути не отличаются от того, с чем имеют дело и что создают историки, – «исторические нарративы» (Ф.Р. Анкерсмит): нация конструируется «нарративно», только «точка сборки» такой конструкции («точка зрения историка») – государство: «Аппарат ненациональных государств, цели которого были совсем другими (например, династическими), постепенно начинает производить элементы национального государства или, если угодно, невольно «национализируется» и начинает национализировать общество»[138]. Только в том, что называется *современностью* был достигнут «порог необратимости»: «с одной стороны, возникла конфигурация системы суверенных государств, а с другой стороны, началось постепенное распространение национальной формы на мнимую тотальность человеческих сообществ, сопровождавшееся в течение двух веков насильственными конфликтами»[139]. Причем, утверждает Балибар, мы можем *объяснить* возникновение этого «порога»: «Этот порог соответствует развертыванию рыночных структур и классовых отношений, свойственных современному капитализму»[140]; разумеется речь не идет о «выведении» национальной формы из капиталистических производственных отношений, но, скорее, о том, что принято называть «охватывающими причинами». «Инструментами» формирования национальной идентичности являются школа и семья; семья (как отмечал М. Манн) дает «фикцию интимности» и одновременно в современном государстве («мобилизационном», опять по Манну) «образует центральный пункт для юридического, экономического, образовательного и медицинского посредничества государства»[141]; о значении государственной системы

135 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 105.

136 Там же.

137 Там же.

138 Там же.

139 Там же, С. 105-106.

140 Там же, С. 106.

141 Там же, С. 121.

образования мы уже упоминали (эту тему акцентирует в своем социологическом дискурсе нации Э. Гелнер[142]).

Тем не менее, надлежит удерживать понимание того, что важнейшим *местом* происхождения/производства нации является *рассказ* (то есть – нарратив): «История наций всегда предстает нам в форме рассказа, предписывающего ей сюжетную непрерывность»[143]. В отличие от Анкерсмита (который пишет о своеобразной «действительности» нарратива) Балибар настаивает на *иллюзорности* этого рассказа как «схемы самовыражения национальной личности»: «Такое представление, разумеется, создает некую ретроспективную иллюзию, но помимо этого оно отражает принудительность институциональных реальностей. Это двойная иллюзия. Она заставляет считать, что поколения, название которых оставалось почти тем же самым, сменявшиеся в течение веков на относительно стабильной территории, передают друг другу некую неизменную субстанцию. И эта же иллюзия вынуждает думать, что эволюция, отдельные стороны которой мы ретроспективно отбираем так, чтобы считать себя ее завершением, была единственно возможной, что она – наше предназначение. Проект и предназначение – это две симметричные фигуры иллюзии национальной идентичности»[144].

Итак, *определяющей* и *существенной* является связь между государством и нацией в том, что *есть* современность. Возникали и другие «этатистские формы», конкурировавшие с «национальной»; «зарождающаяся капиталистическая буржуазия как бы «колеблется между несколькими формами гегемонии»[145]; в итоге побеждает «форма суверенного государства-нации» и «национальная форма окончательно вытесняет» конкурентов[146]. Таким образом, «в конечном счете именно конкретные конфигурации классовой борьбы, а не «чистая» экономическая логика объясняют и образование национальных государств, исходя из истории каждого из них, и соответствующее изменение общественных формаций в национальные»[147].

Новоевропейское государство как суверенное и национальное, выстроено таким образом, что «его внешние границы являются также его внутренними границами»[148]; на необходимость этого указывал

142 *Геллнер Э.* Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.

143 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004, С. 103.

144 Там же.

145 Там же, С. 107.

146 Там же, С. 106-107.

147 Там же, С. 107.

148 Там же, С. 112.

еще Фихте в своем рассуждении о нации; то есть, как пишет Балибар, «чтобы внешние границы все время считались проекцией и протекцией внутренней коллективной идентичности, которую каждый несет в себе самом и которая позволяет обживать время и пространство государства как место, где всегда были и где всегда будут «у себя дома»»[149]; собственно говоря, Сийес тоже объяснял нацию через «границу» и «легислатуру». Затем «в дело» вступают взаимоотношения между государствами: в иерархической системе европейских государств (а Европа с XVI века «распространяет» «свою систему» на «весь мир»: К. Шмитт[150]) «для государства не быть нацией означает находиться вне игры, ставка в которой – изменение его ранга в межгосударственной иерархии»[151]; государства, бывшие вне системы, «не имели потребности быть «нациями» и не были ими»[152], но и вынуждены были становиться «нациями» по мере «охвата системой». Таким образом, в различении расы – нации есть еще одно измерение, которое устанавливает Валлерстайн: «Расовая категоризация первоначально возникла как способ выражения и утверждения антиномии центр-периферия, то национальная категоризация изначально служила способом выражения межгосударственной состязательности в борьбе за определение характера медленных, но регулярных перестановок в иерархическом порядке, а следовательно, за определение преимущественных позиций внутри этой системы как противостоящей более грубой расовой классификации»[153]. Итак, нация есть инструмент, с одной стороны, «поддержания целостности и неделимости» суверенного государства, с другой – средство противодействия «внешней агрессии»[154], а национализм можно определить в этой связи как «способ осуществления государственной стратегии»[155]. «Миф» о «происхождении нации» и «ее непрерывности» доказал свою «эффективность», – и принят на вооружение «молодыми нациями», порожденными деколонизацией[156].

Итак, определение Балибара: «Я называю «фиктивной этнической принадлежностью» сообщество, образованное национальным государ-

149 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 113.

150 *Шмитт К.* Номос Земли в праве народов Jus publicum Europaeum. СПб.: Владимир Даль, 2008. 669 с.

151 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 98.

152 Там же.

153 Там же.

154 Там же, С. 97.

155 Там же.

156 Там же, С. 104.

ством»[157]. Слово «фиктивный» следует понимать «не в смысле чистой и простой иллюзии», но «по аналогии с «фиктивным лицом» (persona ficta) юридической традиции, в смысле институционального действия, «изготовления»»[158]. Ни одна нация «не обладает этнической базой естественным образом, но они обретают ее по мере того, как национализируются их общественные формации, как включающееся в них, упорядочивающееся и доминирующее в них население «этнизируется», то есть представляется в прошлом или в будущем как если бы оно образовывало естественное сообщество и обладало изначальной идентичностью, культурой, интересами, более высокими, чем индивиды и социальные условия»[159]. Именно «этническая принадлежность позволяет видеть в государстве выражение предсуществующего единства, все время соотносить его с «исторической миссией» на службе нации и, следовательно, идеализировать политику»[160]. Наконец: «Создавая народ как фиктивную этническую единицу, на основе универсалистского представления, которое приписывает каждому индивиду одну единственную этническую принадлежность и подразделяет все человечество на различные этнические группы, потенциально соответствующие нациям, национальная идеология делает нечто большее, чем просто оправдывает стратегии, применяемые государством для контроля над населением; она заранее вписывает требования этих стратегий в чувство «принадлежности» в обоих смыслах этого слова: она образует принадлежность самому себе и в то же время принадлежность всем себе подобным. То есть заставляет индивида называться именем сообщества, именем, которое носит его окружение. Натурализация принадлежности и возвышение идеальной нации – это две стороны одного процесса»[161].

Заключение; выводы.

К безусловным достоинствам концепции Валлерстайна/Балибара (при всех различиях между позициями названных авторов, их подход к исследованию нации характеризует существенное единство методологических оснований) следует отнести то, что они *договаривают до конца*: ход рассуждений и выводы, которые они делают, выявляют «двус-

157 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 114.

158 Там же.

159 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 114.

160 Там же.

161 Там же, С. 114-115.

мысленности» в представлении «нации» и «национализма», которых не может избежать современное обществознание в конструировании «дискурсов нации» в *определенной перспективе*, заданной *нормативно* в господствующей (либеральной) парадигме, которую Агамбен назвал «экономической парадигмой политического», а М. Фуко – «управленческой парадигмой». Своеобразным императивом здесь выступает утверждение о том, что «раса», «нация», «этнос» *ни в каком случае* (а априори, до всякого исследования) не являются «естественными феноменами», но *конструктами*, возникшими либо в результате «неповторимой констелляции» «исторических обстоятельств», либо *произведенными* в качестве *инструмента* решения политических задач; главным «актором» производства нации полагается государство, а «обстоятельства», обусловившие появление «наций» называются *современностью*, под которыми разумеются «капиталистическая система» (в самом широком значении, а не только как «способ производства») и либеральный политический порядок.

Формула Валлерстайна: «нация» есть «социальная категория»; нацию следует понимать как «историческую социально политическую группу» а этнос – как «культурную группу»[162], – является не только «подведением итога», своеобразным *синтезом* исследований нации и этноса в различных *научных дисциплинах* (различающихся как по *методу*, так и по *цели*, которыми определяется и направляется познавательный интерес), но и *ориентиром* для последующей разработки *темы*, фиксирующим *норму*.

Выявленные Валлерстайном и Балибаром «двусмысленности» (она не «одна», и можно говорить о «многосмысленности», – но Валлерстайн и Балибар определяют одну, «исходную», полагая остальные *производными*: Балибар обозначает ее как «фикцию национального») позволяют поставить вопрос: что именно удерживает в единстве *разнородные дискурсы* нации и национализма. В первую очередь это то, что Балибар называет *рассказом* («истории нации», но этот *рассказ* не только «об истории», но о *действительности*, хотя сам Балибар считает его «иллюзией»): представление нации *нарративно*, в том значении, которое определял за нарративом Ф.Р. Анкерсмит: нарратив есть именно «объединение», как пишет Анкермит[163], – *организация истины* с определенной *точки зрения*.

162 *Балибар Э., Валлерстайн И.* Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004. С. 93.

163 *Анкерсмит Ф.Р.* Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

Таким образом, появляется возможность *указать* на эту «точку зрения» и *определить* ее; ближайшим образом она фиксируется как «государство», однако этого недостаточно. Балибар указывает *направление* для дальнейшего *поиска*, когда указывает на «глубинную двусмысленность отношений либерализма и национализма по меньшей мере в течение двух последних веков». Европейская нация, таким образом, является «феноменом» действительности, представленной в либеральной версии экономической парадигмы политического, – опытом *демонстрации* этого является настоящее исследование.

Список литературы:

1. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
2. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г Этнос и «этнические нации» в модернистских теориях нации: содержание и критика // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2021. № 2 (210). С. 4-16.
3. Алавердян А.Л., Мальцев К.Г. Социолого-исторический дискурс нации: метод и структура // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2020. № 4 (208). С. 4-14.
4. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М.: Изд. центр РГГУ, 2000. 366 с.
5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
6. Анкерсмит Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
7. Анкерсмит Ф.Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.
8. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Издательство «Логос», 2004, 288 с.
9. Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012. 408 с.
10. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
11. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 705 с.
12. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2012. 528 с.
13. Калхун К. Национализм. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. 288 с.
14. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
15. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. «Культурные особенности»: политизация, деполитизация и глобальный порядок // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 485-490.
16. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430-434.
17. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Конструктивистская парадигма в исследовании нации, национализма, этнонационального конфликта: некоторые критические замечания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 430-434.
18. Ломако Л.Л., Мальцев К.Г. Модернистский и конструктивистский способы концептуализации нации и национализма: сопоставительный анализ // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 3. С. 273-291.
19. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Моральный дискурс нации и национализма в горизонте либеральной парадигмы политического // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 6. С. 42-52.
20. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Современная политическая философия и «миф нации» К. Хюбнера // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 472-476.
21. Мальцев К.Г., Алавердян А.Л. Социологическое представление возникновения европейских наций: опыт философской критики // Kant. 2021. № 2 (39). С. 209-225.
22. Манн М. Источники социальной власти в 4 томах. Том 3: Глобальные империи и революция, 1890-1945 годы. М.: Дело, 2018. 682 с.
23. Ролз Д. Теория справедливости. М.: ЛКИ, 2010. 536 с.
24. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации. СПБ.: Наука, 2009. 350 с.
25. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
26. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: в 2-х тт. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 880 с.
27. Хюбнер К. Нация: От забвения к возрождению. Москва: Канон +, 2001. 400 с.
28. Шмитт К. Номос Земли в праве народов Jus publicum Europaeum. СПб.: Владимир Даль, 2008. 669 с.
29. Як Б. Национализм и моральная психология сообщества. М.: Издательство Института Гайдара, 2017. 520 с.
30. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Frankfurt/M.: P. Fischer Verlag. 1962. 565 p.

Bibliography

1. Agamben J. Kingdom and glory. To the theological genealogy of economics and management. M.; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 2019. 552 p.
2. Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. Ethnos and "ethnic nations" in modernist theories of the nation: content and criticism // News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences. 2021. № 2 (210). P. 4-16.
3. Alaverdyan A.L., Maltsev K.G. Sociological and historical discourse of the nation: method and structure // News of higher educational institutions. North Caucasian region. Social Sciences. 2020. № 4 (208). P. 4-14.
4. Altermatt W. Ethnonationalism in Europe. M.: Ed. center of RGGU, 2000. 366 p.
5. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the origins and spread of nationalism. M.: Kanon-Press-C; Kuchkovo field, 2001. 288 p.
6. Ankersmit F.R. narrative logic. Semantic analysis of the language of historians. M.: Idea-Press, 2003. 360 p.
7. Ankersmit F.R. aesthetic policy. Political philosophy beyond fact and value. Moscow: HSE Publishing House, 2014. 432 p.
8. Balibar E., Wallerstein I. Race, nation, class. Ambiguous identities. M.: Logos Publishing House, 2004, 288 p.
9. Brubaker R. Ethnicity without groups. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 408 p.
10. Gellner E. Nations and nationalism. M.: Progress, 1991. 320 p.
11. Gerder I.G. Ideas for the philosophy of human history. M.: Nauka, 1977. 705 p.
12. Grinfeld L. Nationalism. Five paths to modernity. M.: PER SE, 2012. 528 p.
13. Calhoun K. Nationalism. M.: Publishing House "Territory of the Future", 2006. 288 p.
14. Lal D. Praise for Empire: Globalization and Order. M.: New publishing house, 2010. 364 p.
15. Lomako L.L., Maltsev K.G. "Cultural features": politicization, depoliticization and global order // Eurasian Law Journal. 2021. № 3 (154). P. 485-490.
16. Lomako L.L., Maltsev K.G. Constructivist paradigm in the study of the nation, nationalism, ethno-national conflict: some criticisms // Eurasian legal journal. 2020. № 8 (147). P. 430-434.
17. Lomako L.L., Maltsev K.G. Constructivist paradigm in the study of the nation, nationalism, ethno-national conflict: some criticisms // Eurasian legal journal. 2020. № 8 (147). P. 430-434.
18. Lomako L.L., Maltsev K.G. Modernist and constructivist ways of conceptualizing the nation and nationalism: a comparative analysis // Social and humanitarian knowledge. 2020. № 3. P. 273-291.
19. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Moral discourse of the nation and nationalism in the horizon of the liberal paradigm of the political // Humanitarian and social sciences. 2020. № 6. P. 42-52.
20. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Contemporary Political Philosophy and the "Myth of the Nation" by K. Huebner // Eurasian Law Journal. 2020. № 10 (149). P. 472-476.
21. Maltsev K.G., Alaverdyan A.L. Sociological representation of the emergence of European nations: the experience of philosophical criticism // Kant. 2021. № 2 (39). P. 209-225.
22. Mann M. Sources of social power in 4 volumes. Volume 3: Global Empires and Revolution, 1890-1945. M.: Delo, 2018. 682 p.
23. Rawls D. Theory of justice. M.: LKI, 2010. 536 p.
24. Fichte I. G. Speeches to the German nation. St. Petersburg: Nauka, 2009. 350 p.
25. Foucault M. Security, territory, population. A course of lectures given at the College de France in the 1977-1978 academic year. St. Petersburg: Nauka, 2011. 544 p.
26. Habermas Y. Theory of communicative activity: in 2 vols. Moscow: Ves Mir Publishing House, 2022. 880 p.
27. Huebner K. Nation: From oblivion to rebirth. Moscow: Kanon +, 2001. 400 p.
28. Schmitt K. Nomos of the Earth in the law of peoples Jus publicum Europaeum. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2008. 669 p.
29. Yak B. Nationalism and moral psychology of the community. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2017. 520 p.
30. Kohn H. Die Idee des Nationalismus. Ursprung und Geschichte bis zur Französischen Revolution. Frankfurt/M.: P. Fischer Verlag. 1962. 565 p.

Аннотации

Зорин В.Ю.
Каменских М.С.

Важнейшее событие уходящего года: конференция к 10-летию Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям

В Москве прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Россия: единство и многообразие». Работа секции «Взаимодействие государства и общества: институты гражданского общества, национальные и молодежные объединения в сфере реализации государственной национальной политики» была организована 16 ноября с.г. в Общественной палате РФ.

Ключевые слова: Москва, конференция, всероссийская, единство, многообразие.

Винокуров Н.В.

Социальные медиа в процессах политической социализации молодежи

В статье автор рассматривает особенности становления процессов политической социализации молодежи через социальные медиа. Именно в молодежной среде социальные медиа имеют наибольшую популярность и в связи с этим являются основным источником информации. Развитие информационно-коммуникационных технологий предопределило и развитие социальных медиа, однако политико-правовое регулирование таких новых каналов политической социализации существенно запаздывает, что приводит к возможности их использования в деструктивном русле. Автор акцентирует внимание на сложности в использовании исключительно ограничительных инструментов использования молодежью социальных медиа, при этом обращает внимание на необходимость регулирования и управления данным процессом.

Ключевые слова: молодежь, политическое участие, политическая социализация, социальные медиа, социальные сети.

Муталимов А.Э.

Российский патриотизм – крепкое переплетение этических и этнонациональных ценностей ее граждан

Цель работы. В статье отмечается, что патриотизм и героизм россиян описывается и исследуется историками и писателями, воспевается поэтами и композиторами во все времена существования государственности нашей страны. Патриотизм– это любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам. Патриотизм –

одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями в действиях и поступках людей. Он формирует также мировоззренческие взгляды подрастающего поколения.

Все нормальные люди знают о своем сознании и выражают его словесно. Автор статьи также отмечает, что сознание и язык неразрывно связаны между собой. Достаточно указать на тот факт, что одним из условий возможности является его способность сказать о своем сознании и тем самым заявить о своем относительномсознании, непосредственно связанном с родным языком. Родной язык формирует в человеке бессознательным для него способом чувство ритма, музыкальности, а также многие другие качества души, в том числе и качество патриотизма.

Целью работы является показ становления патриотизма в новом формирующемся миропорядке и социально-экономических,политических условиях России и,как граждане нашей страны понимают патриотизм.

Метод или методология проведения работы. Научная работа основывается на общенаучной методологии, которая предусматривает применение системного подхода к решению проблем. Основой данной работы являются фундаментальные труды отечественных и зарубежных мыслителей по проблемам развития и переплетения этических, этнонациональных и личностных ценностей в гражданскомдемократическом обществе.

Результаты. В новых исторических условиях, патриотическое воспитание подрастающего поколения принимает новые формы. Воспитание молодежи на объективных исторических данных имеет колоссальное значение для будущего страны, для духовных институтов общества, когда функционирование гражданского общества становится объективной необходимостью.

Область применения результатов. Результаты проведенного исследования могут использоваться в молодежной среде, в школах, высших учебных заведениях, среди армейской молодежи при формировании у них политического сознания, способствующего управлению обществом. Общество развивается благополучно, если большая часть ее граждан разделяет общие установки и ценности. В современной ситуации можно выделить патриотизм, как базовая ценность.

Выводы. Анализ развития духовных ценностей общества и постоянное и системное обращение к ним необходимо для преодоления противоречийи препятствий во взаимодействии гражданского общества и государства. Важнейшей задачей на современном этапе является поиск возможностей и форм участия общества в преобразовании и совершенствовании существующей в настоящее время систему ценностей в России.

Ключевые слова: патриотизм, героизм, мировоззрение, национальная идея, воспитание, образование, гражданское и патриотическое сознание,

чувство родины, ценность, долг, добропорядочность, язык, культура, личность, нация, эстетические ценности спорта.

Трофимова Н.Н.

Связь экономики знаний и инновационного развития национальной экономики

Объектом исследования выступает концепция экономики знаний. Предметом исследования являются концепции экономики знаний, предложенные авторитетными мировыми и российскими учеными. Изучение экономики знаний в мире тесно сопряжено с формированием теорий развития постиндустриального общества, когда ключевыми факторами выступают человеческий капитал и знания.

Ключевые слова: экономика знаний, инновации, инновационное развитие, национальная экономика.

Трофимова Н.Н.

Ключевые подходы к управлению талантами в современных условиях всеобщей глобализации и усложнения бизнес-процессов

Вопросы талант-менеджмента являются широко обсуждаемыми руководителями высшего звена и менеджерами по персоналу в различных сферах деятельности по всему миру. В последнее время в условиях усложнения влияния факторов внешней среды, нарастающей конкуренции и всеобщей глобализации наблюдается постоянно растущий интерес к этой теме. Проблема заключается в том, что концепции таланта и управления талантами не хватает теоретической обоснованности и стандартизированного определения. Важно разработать единое определение таланта и управления талантами для общего понимания и практического применения в управлении персоналом. Цель данной статьи - проанализировать ключевые подходы к концепции управления талантами в современных условиях.

Ключевые слова: управление персоналом, управление талантами, концепция управления, талант-менеджмент.

Маслова Г.О.
Маслов С.А.
Пономаренко Б.Т.

Особенности профессионального выгорания у врачебного персонала медицинских организаций

Для современных медицинских организаций сохранение работоспособности и профилактика профессионального выгорания врачей раз-

личных специальностей является ведущим социальным фактором их продолжительного и эффективного функционирования. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) характеризует процесс профессионального выгорания как синдром, который развивается вследствие трудового хронического стресса, при котором возникают симптомы, включающие «чувство энергетического истощения", нарастания ментальной дистанции от работы или ощущением негативизма и цинизма на работе, а также снижением трудовых результатов.

Ключевые слова: персонал, выгорание, работа, интересы, профессионал, медицина, организация, структура.

Подольский В.А.

Доверие к институтам как фактор политических процессов в новых демократиях на примере постсоветской России

Особенностью новых демократий в конце XX века было низкое доверие, что затрудняло проведение реформ и обостряло те факторы, которые вредили доверию. После перехода к демократии во многих постсоциалистических государствах снизилось доверие к институтам из-за ухудшения экономической конъюнктуры, снижения социальной поддержки, роста преступности, этнических и политических конфликтов. Особенность воздействия доверия на политические процессы в новых демократиях была связана с низкой эффективностью институтов и преобладанием частного доверия. В политических процессах в новых демократиях доверие играло большую роль, чем в старых демократиях, и политические конфликты были связаны больше с доверием, чем с обсуждением количественных параметров решений в сфере государственного управления.

Ключевые слова: доверие, политические институты, политические процессы, история России, демократия.

Демидова Е.Н.

Некоторые аспекты идеологии современной России

Настоящая статья посвящена исследованию некоторых исторически сложившихся факторов, оказывающих влияние на идеологию современной России. Актуальность темы обусловлена перестройкой системы ценностей, происходящей на данном этапе в обществе, произошедшим разворотом к приоритету духовных ценностей, важности служения Отечеству, единству и патриотизму. Данные ценности, присуще России в силу особенностей исторического, национального, культурного, экономического, политического характера российского государства с момента его возникновения и до настоящего времени. Сложность перестройки

общественного сознания от парадигмы личного успеха к парадигме успеха коллективного, служению ему обусловлена отсутствием на данный момент ясного идеала общества, идеала гражданина, его составляющих, привязки идеала к возможности реализации его в социальной реальности различными слоями общества. Многие составляющие данного идеала были затерты, отодвинуты. На данный момент назрела необходимость пересмотра всего лучшего, что было и есть в истории нашей страны, с целью единой сборки и придания смысла вектору движения России.

Ключевые слова: идеология, единство, патриотизм, национальная идея, идеал.

Косырева М.С.
Табареков Д.М.

Радикализм, экстремизм и терроризм в рецепции глобальных медиа

В статье анализируется содержание и дефиниции понятий «радикализм», «экстремизм» и «терроризм» в современном глобальном медиапространстве. Обзор мнений и наблюдений экспертов в сфере политической коммуникации, традиционных и новых медиа позволяет сформировать целостное представление о специфике восприятия и трансформации феноменов радикализма, экстремизма и терроризма в глобальных медиа.

Ключевые слова: политическая коммуникация, глобальные медиа, радикализация, экстремизм, терроризм.

Гу Ли

Драматические лингвистические особенности рассказов Б. Юльского

Борис Юльский был выдающимся русским эмигрантском писателем 20-го века, особенно он замечателен рассказами, известными своей краткостью и лаконичностью, романной тематикой, умной компоновкой и изысканным стилем. Юльский сломал присущий повествовательный режим в создании романов, ввёл монологи, диалоги и другие творческие приемы в создание сценария, органично соединил монологи, диалоги и повествования в романе, сформировал свой неповторимый творческий стиль, добился лучшего художественного эффекта, имел типичное значение. В данной статье в качестве примера берутся рассказы Юльского для интерпретации драматических языковых характеристик романов Юльского с точки зрения «драматического описания» и «драматического диалога», что показывает читателям очарование рассказов Юльского.

Ключевые слова: Б. Юльский, рассказы, драматические описания, драматические диалоги.

Тамби С.А.

Евроскептицизм в фокусе эстонской прессы

Статья посвящена исследованию того, каким образом евроскептические настроения внутри Эстонии интерпретируются в издаваемой в этой стране прессе. Евроскептический дискурс в публикациях эстонских газет выявлен и прослежен начиная с 1995 г. и до настоящего времени – как у эстоноязычных авторов, так и у русскоязычных. Приводятся также примеры еврооптимистических и еврореалистских контртезисов.

Ключевые слова: евроскептицизм, Европейский союз, политика, Эстония, пресса, СМИ.

Хэ Чжиюн

К вопросу об образовательной модели обучения китайскому языку в условиях цифровизации

Вслед за повсеместным внедрением информационных технологий, цифровизация становится не только нашим способом существования, работы и образовательной средой, но и значительно трансформирует единственную традиционную модель обучения китайскому языку. В данной статье мы делаем попытку анализа новой образовательной модели обучения китайскому языку, складывающейся в условиях цифровизации, конкретизируем текущие образовательные цели и потребности обучения китайскому языку, рассматриваем цифровые технологии обучения китайскому языку и включенность в мировое образовательное пространство.

Ключевые слова: цифровые технологии, обучение китайскому языку, образовательная модель.

Мальцев К.Г.
Алавердян А.Л.

«Двусмысленные идентичности»: к вопросу об истолковании «двусмысленности» современного дискурса нации

Структура дискурса «нации» и принципы его организации в современном обществознании выявляются на характерном примере социологического дискурса «нации» и «национализма» И. Валлерстайна / Э. Балибара. Устанавливается суть «двусмысленности» «национальной идентичности»; определяются условия «приписывания действительности» «социальной категории нации»; выявляется основание нормативности дискурса нации; доказывается утверждение о нарративности представления нации в современном обществознании.

Ключевые слова: нация, этнос, раса, нарратив, управленческая парадигма, современность.

Abstracts

Zorin V.U.
Kamenskikh M.S.

The most important event of the outgoing year: the conference dedicated to the 10th anniversary of the Council under the President of the Russian Federation on interethnic relations

The All-Russian Scientific and Practical Conference "Russia: Unity and Diversity" was held in Moscow. The work of the section "Interaction between the state and society: civil society institutions, national and youth associations in the field of implementation of the state national policy" was organized on November 16 this year. in the Public Chamber of the Russian Federation.

Keywords: Moscow, conference, all-Russian, unity, diversity.

Vinokurov N.V.

Social media in the processes of political socialization of youth

In the article, the author examines the features of the formation of the processes of political socialization of youth through social media. It is in the youth environment that social media are most popular and, therefore, are the main source of information. The development of information and communication technologies predetermined the development of social media, however, the political and legal regulation of such new channels of political socialization is significantly delayed, which leads to the possibility of their use in a destructive way. The author focuses on the difficulty in using exclusively restrictive tools for the use of social media by young people, while drawing attention to the need to regulate and manage this process.

Keywords: youth, political participation, political socialization, social media, social networks.

Mutalimov A.E.

Russian patriotism is a strong interweaving of ethical and ethno–national values of its citizens

The purpose of the work. The article notes that patriotism and heroism of Russians are described and researched by historians and writers, sung by poets and composers at all times of the existence of the statehood of our country. Patriotism is love for the fatherland, devotion to it, the desire to serve its interests by their actions. Patriotism is one of the deepest feelings, fixed for centuries and millennia in the actions and deeds of people. It also forms the ideological views of the younger generation.

All normal people know about their consciousness and express it verbally.

The author of the article also notes that consciousness and language are inextricably linked. It is enough to point out the fact that one of the conditions of possibility is his ability to speak about his consciousness and thereby declare his relative consciousness, directly related to his native langua.

Method or methodology of the work. The scientific work is based on a general scientific methodology, which provides for the application of a systematic approach to problem solving. The basis of this work is the fundamental works of domestic and foreign thinkers on the problems of the development and interweaving of ethical, ethno-national and personal values in a civil democratic society.

Results. In the new historical conditions, the patriotic education of the younger generation takes on new forms. Educating youth on objective historical data is of paramount importance for the future of the country, for the spiritual institutions of society when the functioning of civil society becomes an objective necessity.

The scope of the results. The results of the study can be used in the youth environment, in schools, higher educational institutions, among the army youth in the formation of their political consciousness, contributing to the management of society. A society develops safely if most of its citizens share common attitudes and values. In the current situation, patriotism can be distinguished as a basic value.

Keywords: patriotism, heroism, worldview, national idea, education, education, civil and patriotic consciousness, sense of homeland, value, debt, integrity, language, culture, personality, nation, aesthetic values of sport.

Trofimova N.N.

The relationship between the knowledge economy and the innovative development of the national economy

The object of the research is the concept of the knowledge economy. The subject of the research is the concepts of the knowledge economy proposed by reputable world and Russian scientists. The study of the knowledge economy in the world is closely connected with the formation of theories of the development of post-industrial society, when human capital and knowledge are the key factors.

Keywords: knowledge economy, innovation, innovative development, national economy.

Trofimova N.N.

Key approaches to talent management in the modern conditions of general globalization and complication of business processes

Talent management issues are widely discussed by senior executives and HR managers in various fields around the world. Recently, in the context of the increasing complexity of the influence of environmental factors, increasing com-

petition and globalization, there has been an ever-growing interest in this topic. The problem is that the concept of talent and talent management lacks theoretical soundness and a standardized definition. It is important to develop a common definition of talent and talent management for common understanding and practical application in personnel management. The purpose of this article is to analyze the key approaches to the concept of talent management in modern conditions.

Keywords: personnel management, talent management, management concept, talent management.

Maslova G.O.
Maslov S.A.
Ponomarenko B.T.

Features of professional burnout among medical personnel of medical organizations

For modern medical organizations, maintaining efficiency and preventing professional burnout of doctors of various specialties is the leading social factor in their long-term and effective functioning. The World Health Organization (WHO) characterizes the process of professional burnout as a syndrome that develops as a result of chronic work stress, in which symptoms occur, including a "feeling of energy exhaustion", an increase in mental distance from work or a feeling of negativity and cynicism at work, as well as a decrease in work results.

Keywords: personnel, burnout, work, interests, professional, medicine, organization, structure.

Podolskiy V.A.

Trust in institutions as a factor of political processes in new democracies on the example of Post-Soviet Russia

The low trust was a feature of the new democracies at the end of the 20th century, which made reform difficult and exacerbated those factors that harmed trust. After the transition to democracy in many post-socialist states, trust in institutions has decreased due to the deteriorating economic environment, declining social support, increased crime, ethnic and political conflicts. The peculiarity of the influence of trust on political processes in new democracies was associated with the low efficiency of institutions and the predominance of particularised trust. In political processes in new democracies, trust played a greater role than in old democracies, and political conflicts were associated more with trust than with the discussion of the quantitative parameters of public administration decisions.

Keywords: trust, political institutions, political processes, history of Russia, democracy.

Demidova E.N.

Some aspects of the ideology of modern Russia

The article discusses a few historically prominent factors that influence an ideology of contemporary Russia. Relevance of the topic can be explained in the light of the shift that the societal system of values is undergoing today. This shift consists of transition to priority of spiritual values over materialistic ones, rising significance of the sense of duty and interest in patriotism. The author claims that those tendencies are deeply rooted in the foundation of Russian governance due to a number of peculiarities innate to its national, cultural, economic, political development. Struggles of transforming the social consciousness from the paradigm of personal success to the paradigm of collective prosperity, active involvement in it, according to the author, are caused by lack of a clear ideal of society as well as an ideal of citizen. Additionally, one is deprived of connection between the ideal and opportunities to incorporate this ideal for different social classes. Several components of this ideal were overshadowed and obscured, since the necessity of a thorough academic research which might allow a reconstruction and reconsideration of meaning behind historical processes in Russia.

Keywords: ideology, UniTy, patriotism, national idea, ideal.

Kosyreva M.S.
Tabarekov D.M.

Radicalism, extremism and terrorism in the reception of global media

The article analyzes the content and definitions of the concepts of "radicalism", "extremism" and "terrorism" in the modern global media space. The review of opinions and observations of experts in the field of political communication, traditional and new media, allows to form a coherent idea of the specifics of reception of the phenomena of radicalism, extremism and terrorism in the global media.

Keywords: political communication, global media, radicalization, extremism, terrorism.

Gu Li

The dramatic linguistic character of Yulsky's novels

Boris Yulsky was an outstanding Russian writer of the 20th century, especially short stories, known for their shortness and conciseness, novel subject matter, clever layout and exquisite style. Yulsky broke the inherent narrative mode in the creation of novels, introduced monologues, dialogues and other creative techniques in script creation, organically combined the monologues, dialogues and narratives in the novel, formed his own unique creative style, achieved a better artistic effect, and was of typical significance. This article takes

Yulsky's short stories as an example to interpret the dramatic language characteristics of Yulsky's novels from the aspects of "dramatic description" and "dramatic dialogue", and shows readers the charm of Yulsky's short stories.

Keywords: Boris Yulsky, short story, dramatic depictions, dramatic dialogue.

Tambi S.A.

Euroscepticism in the mirror of the Estonian press

The paper is devoted to the study of how Eurosceptic public sentiment within Estonia are interpreted in the press published in this state. Eurosceptic discourse in the articles of Estonian newspapers (by Estonian-speaking and Russian-speaking authors) has been identified and traced since 1995 and up to the present time. Examples of Eurooptimistic and Eurorealist counter-theses are also stated.

Keywords: euroscepticism, European Union, politics, Estonia, press, media.

He Zhiyun

Revisiting the educational model of Chinese teaching in the context of digitalization

Following the widespread introduction of information technology, digitalization is not only becoming our way of being, working and educational environment, but also significantly transforming the only traditional model of Chinese teaching. In this article, we make an attempt to analyse a new educational model of Chinese teaching, which is emerging in the context of digitalization, specify the current educational goals and needs of Chinese teaching, consider digital technologies for Chinese teaching and inclusion in the global educational space.

Keywords: digital technologies, Chinese teaching, educational model.

Maltsev K.G.
Alaverdyan A.L.

«Ambiguous identities»: on the question of the interpretation of the «ambiguity» of the modern discourse of the nation

The structure of the discourse of «nation» and the principles of its organization in modern social science are revealed on the characteristic example of the sociological discourse of «nation" and "nationalism» by Wallerstein/Balibar. The essence of the «ambiguity» of «national identity» is established; the conditions for «attributing reality» to the «social category of the nation» are determined; the basis of the normativity of the discourse of the nation is revealed; the statement about the narrativity of the representation of the nation in modern social science is proved.

Keywords: nation, ethnicity, race, narrative, management paradigm, modernity.

Авторы

Алавердян А.Л. - кандидат философских наук, Белгородский техникум промышленности и сферы услуг.

Винокуров Н.В. - аспирант кафедры политологии и политического управления, ИОН Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Гу Ли - аспирант, Балтийский федеральный университет.

Демидова Е.Н. - кандидат философских наук. Доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Каменских М.С. - старший научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН (Пермский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук); эксперт – помощник председателя комиссии Общественной палаты РФ по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений.

Косырева М.С. - доктор филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Новосибирский военный орден Жукова Институт войск национальной гвардии. Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации.

Мальцев К.Г. - доктор философских наук, профессор кафедры теории и методологии науки, Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова.

Маслова Г.О. - студент магистратуры кафедры психологии и педагогики филфака, Российский университет дружбы народов.

Маслов С.А. - кандидат медицинских наук, зав. отделения НИИ (Научно-исследовательский институт) урологии имени Н.А. Лопаткина.

Муталимов А.Э. - доктор социологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин. Северо-Кавказский институт (филиал) ВГУЮ «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Махачкале.

Подольский В.А. - кандидат политических наук, доцент факультета

политологии. Государственный академический университет гуманитарных наук.

Пономаренко Б.Т. - доктор исторических наук, профессор кафедры управления персоналом, ИГСУ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Табареков Д.М. - аспирант, Сибирского института управления – филиала, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Тамби С.А. - соискатель кафедры интеграционных процессов, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации.

Трофимова Н.Н. - кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-информатики и менеджмента, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения.

Хэ Чжиюн - кандидат культурологических наук, доцент. Дальневосточный федеральный университет.

Authors

Alaverdyan A.L., PhD in Philosophical sciences, Belgorog Technical School of Industry and Services.

Demidova E.N., PhD in Philosophical Science. Associate Professor, Associate Professor at the Department of International Relations of the Institute of Humanities. Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint-Petersburg.

Gu Li, Postgraduate student of the Baltic Federal University.

He Zhiyun, Candidate of Cultural Sciences, Associate Professor. Far Eastern Federal University.

Kamenskikh M.S., Senior Researcher, Institute for Humanitarian Research, PFRC, Ural Branch, Russian Academy of Sciences (Perm Federal Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences); expert - assistant to the chairman of the commission of the Civic Chamber of the Russian Federation on the harmonization of interethnic and interreligious relations.

Kosyreva M.S., Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops. Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the troops of the National Guard of the Russian Federation.

Maltsev K.G., Doctor of Philosophical Science, Associate Professor of the Department of Theory and Methodology of Science of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Belgorod State Technological University».

Maslova G.O., Master's student of the Department of Psychology and Pedagogy of the Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia.

Maslov S.A., Candidate of medical sciences, Head. Department of Research Institute (Research Institute) of Urology named after N.A. Lopatkin.

Mutalimov A.E., PhD of sociology, Professor of the Department of Humanities and Socio-economic Disciplines. The North-Caucasian Institute (branch) RSUJ "All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)" in Makhachkala.

Podolskiy V.A., Candidate of Political sciences, Associate Professor at the Faculty of Political Science, State Academic University for the Humanities.

Ponomarenko B.T., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Personnel Management, IGSU of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Tabarekov D.M., Post-graduate Student, Siberian Institute of Management - branch, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.

Tambi S.A., Candidate for a degree, Department for Integration Studies, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Trofimova N.N., Candidate of economic sciences, Associate Professor of the Department of Business Informatics and Management of science-intensive industries, St. Petersburg state university of aerospace instrumentation.

Vinokurov N.V., Postgraduate Student of the Department of Political Science and Political Management of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

ПРОДОЛЖАЕМ КОНКУРС
НА ЛУЧШУЮ НАУЧНУЮ
И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКУЮ РАБОТУ

ПО ТЕМЕ:

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА, ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА И ЭТИКА

С целью выявления идей, их обобщения,
анализа и апробации журнал проводит конкурс
на лучшую статью (тезисы, размышления)
для совершенствования стратегического курса
межнациональных отношений, экономики регионов,
и конструктивного пути развития

Работы направлять по адресу:
etnosocium@mail.ru
Факс +7 (495) 772-19-99
Справки по тел. +7 (495) 772-19-99

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭТНОСОЦИУМ»

1. Предоставляемые материалы должны быть актуальными и новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. К материалу необходимо прилагать аннотацию на русском и английском языках (объёмом не более 1000 знаков), авторский перевод заглавия статьи, фамилию и имя автора, список ключевых слов на русском и английском языках, а также пристатейный библиографический список.
3. Обязательно следует указать фамилию, имя и отчество автора, ученую степень, ученое звание, должность, официальное наименование места работы, контактные телефоны, полный домашний адрес и адрес электронной почты.

Все права защищены. При использовании материала ссылка на журнал «Этносоциум и межнациональная культура» обязательна.

Журнал получают:

- Администрация Президента РФ;
- Аппарат полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах;
- Государственная Дума;

Аппарат Правительства РФ;

- Совет Федерации РФ;
- Министерства, федеральные службы и агентства РФ;
- Совет Безопасности РФ;
- Конституционный Суд РФ.

Оформить подписку на журнал можно (начиная с любого номера) в редакции тел.: (495) 708-30-00, факс: (495) 708-30-00 или через электронный каталог ИНТЕР-ПОЧТА, а также во всех отделениях почтовой связи через Объединенный каталог «Пресса России» и каталог агентства «Роспечать». Индекс: 70759

Наш сайт: www.etnosocium.ru
E-mail: etnosocium@mail.ru
Тел.: +7 (495) 772-19-99
Необходимую научную литературу
Вы можете приобрести на сайте www.etnosocium.ru

Оригинал-макет подготовлен Международным издательским центром «ЭТНОСОЦИУМ»
Отпечатано в типографии Международного издательского центра «ЭТНОСОЦИУМ»,
105066, Москва, Спартаковская ул., д. 19, стр. 3.

Зам.главного редактора С.В. Чапкин
Редактор Н.Э. Архипова
Корректор Е.А. Белоусова
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro.
Формат 60x90/8. Тираж 1000 экз. Усл. п. л. 10,25